

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН
и ПОСЛЕДНЕЕ
ПРОРОЧЕСТВО

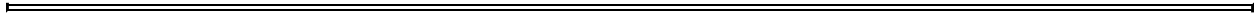
Annotation

Олимп в опасности! Кронос, собравший огромную армию титанов, хочет захватить и разрушить олимпийскую твердыню. Чтобы его план сработал наверняка, повелитель титанов совершает отвлекающий маневр и освобождает Тифона. Обманутые боги вступают в сражение с этим страшным чудовищем, оставив без защиты свою обитель. И только Перси Джексон — единственный, кто раскусил военную хитрость Кроноса. Вместе с друзьями-полукровками он встает на защиту Олимпа. Удастся ли им отбить атаки чудовищ или защитникам придется погибнуть в неравном бою? Надеяться они могут только на чудо. И на помощь богов — тех, кто пока держит в этой схватке нейтралитет.

- [Рик Риордан](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая Подгоревшее печенье](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)
  - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
  - [Глава двадцатая](#)
  - [Глава двадцать первая](#)
  - [Глава двадцать вторая](#)
  - [Глава двадцать третья](#)

- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)

Рик Риордан
«Перси Джексон и Последнее
Пророчество»

Глава первая

Круиз со взрывом

Конец света начался с того, что на капот моей машины приземлился пегас.

До этого момента я прекрасно проводил время. Вообще-то я еще не должен был садиться за руль, потому что шестнадцать мне исполнилось только через неделю, но мама и мой отчим Пол повезли меня и мою подругу Рейчел на частный пляж на Саут-Шор, и Пол позволил нам немного прокатиться на его «тойоте приус».

Вы, наверное, думаете: «Ну и безответственный тип этот Перси Джексон», и всякое такое. Но Пол прекрасно меня знает. Он видел, как я разрубаю пополам демонов и выпрыгиваю из горящего здания школы, так что он решил: если я проеду на его тачке две-три сотни ярдов, то особого вреда от этого не будет.

Ну, в общем, сели мы с Рейчел в машину. Стоял жаркий августовский день. Рыжие волосы Рейчел были стянуты сзади в хвостик, а поверх купальника она надела белую рубашку. Я всегда видел ее только в потрепанных футболках и заляпанных краской джинсах, а теперь она выглядела... ну просто на сто миллионов золотых драхм.

— Остановись-ка вон там, — сказала она.

Мы остановились на гребне, откуда открывался прекрасный вид на Атлантику. Море — одно из самых моих любимых мест на свете, но сегодня тут было особенно здорово: сверкающая бирюза, ровная, как стекло, словно мой отец решил выровнять для нас океан.

Да, кстати, моего отца зовут Посейдон. И он в таких делах большой умелец.

— Ну, — улыбнулась мне Рейчел. — Так как насчет приглашения?

— Ах да...

Я попытался изобразить на лице живой интерес. Дело в том, что она пригласила меня на три дня в загородный дом их семейства в Сент-Томасе. Я не часто получал такие приглашения. У нас в семье на выходные принято снимать какую-нибудь развалюху на Лонг-Айленде, брать напрокат несколько фильмов и покупать две-три замороженные пиццы. А тут родители Рейчел были готовы принять меня на Карибском море.

К тому же мне просто необходимо было прийти в себя. Прошедшее

лето было самым трудным в моей жизни, и не помешало бы отдохнуть несколько дней.

Но, с другой стороны, теперь в любой день могло случиться что-нибудь очень важное. Меня могли вызвать в любую минуту. Хуже того, на следующей неделе был день моего рождения, и у меня никак не выходило из головы пророчество, утверждавшее: в момент, когда мне исполнится шестнадцать лет, случится нечто ужасное.

— Перси, — продолжала Рейчел, — я знаю, что время не самое подходящее. Но у тебя подходящего никогда не бывает.

Аргумент был веский.

— Нет, правда, я очень хочу поехать, — сказал я. — Просто...

— Война.

Я кивнул. Я не любил об этом распространяться, но Рейчел все знала. В отличие от большинства смертных она могла видеть сквозь Туман — ту волшебную завесу, которая искажает реальность для обычных людей. Она видела монстров. Она встречалась с другими полубогами, которые сражались против титанов и их союзников. Она присутствовала в тот момент, когда разрубленный на мелкие части Кронос восстал из гроба в своем ужасном новом обличье. Тогда она заслужила мою вечную благодарность, засадив ему в глаз синей расческой.

Рейчел положила ладонь мне на руку.

— Ты подумай, ладно? Мы уезжаем через пару дней. Мой папа... — Она замялась.

— Он что, житья тебе не дает? — спросил я.

— Он пытается быть со мной добрым, а это еще хуже. — Рейчел с отвращением тряхнула головой. — Он хочет, чтобы я осенью поступила в женскую академию Кларион.

— Это школа, где училась твоя мать?

— Это такая дурацкая школа-пансион для богатых девочек аж в самом Нью-Гемпшире. Ты меня представляешь в школе-пансионе?

Я согласился, что это и в самом деле очень глупо. Рейчел была задействована в разных городских художественных проектах, она кормила бездомных, участвовала в маршах протеста под лозунгом «Спасем исчезающего желтобрюхого дятла-сосуна» и во всяких подобных мероприятиях. Я никогда не видел ее в платье, а представить ее в пансионе с благовоспитанными девочками — вообще невыносимо.

Рейчел вздохнула.

— Он считает, что если будет меня ублажать, то я почувствую себя виноватой и сдамся.

— И поэтому он позволил пригласить меня?

— Да... но, Перси, ты этим самым оказал бы мне огромную услугу. Если бы ты поехал с нами, все было бы гораздо лучше. И потом, мне нужно поговорить с тобой кое о чем... — Рейчел внезапно замолчала.

— Ты хочешь со мной о чем-то поговорить? — спросил я. — Ты хочешь сказать, это настолько серьезно, что мы для этого разговора должны ехать в Сент-Томас?

Рейчел надула губы.

— Слушай, забудь об этом... пока. Давай сделаем вид, что мы совершенно нормальные люди. Мы поехали прокатиться, мы смотрим на океан, и нам хорошо вместе.

Я видел, что-то ее мучает, но Рейчел одарила меня храброй улыбкой. В солнечных лучах волосы у нее словно огнем горели.

Этим летом мы много времени проводили вместе. Не то чтобы это входило в мои планы, но чем более напряженной становилась обстановка в лагере, тем сильнее мне хотелось позвонить Рейчел и удрать на какое-то время, чтобы вздохнуть полной грудью. Мне необходимо было напоминать себе, что мир смертных оставался здесь, рядом, и там не обитали монстры, которые рассматривали меня в качестве своей персональной боксерской груши.

— Хорошо, — сказал я. — Обычный день и два обычных человека.

Рейчел кивнула.

— И потому... гипотетически, если эти двое нравятся друг другу, то чего стоит глупому парню поцеловать девушку?

— О-о... — Я почувствовал себя одной из священных коров Аполлона — неповоротливым, туповатым и пунцовым от смущения. — Гм...

Не стану делать вид, будто я не думал о Рейчел. С ней было намного проще, чем... ну, чем с другими моими знакомыми девчонками. Мне не приходилось из кожи вон лезть, или следить за своими словами, или ломать голову, пытаясь сообразить, что она думает. Рейчел ничего не скрывала. Она обо всем говорила напрямик.

Не знаю, что бы я сделал... однако я был настолько ошарашен, что даже не заметил, как с небес свалилась какая-то черная громадина и всеми четырьмя копытами с оглушительным стуком и скрежетом приземлилась на капот «тойоты».

«Привет, босс, — сказал голос у меня в голове. — Хорошая машина».

Пегас Пират был моим старым приятелем, а потому я не слишком расстроился из-за вмятин, что он оставил на капоте.

«Правда, — подумал я, — Пол Блофис от них в восторг не придет».

— Пират — вздохнул я, — что ты...

И тут я увидел, кто восседает у него на спине, и понял, что день у меня будет посложнее, чем я думал поначалу.

— Привет, Перси!

Чарльз Бекендорф, староста домика Гефеста, был большим специалистом по монстрам — они, едва завидев его, разбегались с криком: «Ой, мамочка!» Бекендорф — здоровенный афроамериканец с громадными мускулами, которые он каждое лето накачивает в кузнице. Он на два года старше меня и считается в лагере лучшим специалистом по изготовлению доспехов. Также он делал и довольно серьезные механические штучки разного рода. Месяцем ранее Бекендорф подбросил бомбу с греческим огнем в туалет автобуса, перевозящего монстров. И как только первая гарпия спустила воду в унитазе, целый легион злобных тварей взлетел на воздух — подарочек Кроносу.

На Бекендорфе были боевые доспехи — бронзовый нагрудник и шлем, — камуфляжные штаны, а на боку — меч. На плече у него висел мешок со взрывчаткой.

— Время пришло? — спросил я.

Он мрачно кивнул.

В горле у меня образовался комок. Я знал, что это неизбежно. Мы неделями планировали наши действия, но я все же втайне надеялся, что этого не случится.

— Привет, — сказала Рейчел, глядя на Бекендорфа.

— Здорово! Меня зовут Бекендорф. А ты, наверное, Рейчел. Перси мне рассказывал... то есть он упоминал о тебе.

Рейчел подняла бровь.

— Правда? Отлично. Значит, я так понимаю, вы, ребята, теперь должны отправляться спасать мир.

— Вот именно, — подтвердил Бекендорф.

Я беспомощно посмотрел на Рейчел:

— Ты скажешь моей матери?..

— Я ей скажу. Она наверняка привыкла к таким делам. И я скажу Полу насчет капота.

Я благодарно кивнул, полагая, что больше Пол мне свою машину никогда не даст.

— Удачи! — И тут Рейчел поцеловала меня, я и глазом не успел моргнуть. — Ну, отправляйся в путь, полукровка. Убей для меня несколько монстров.

Я в последний раз посмотрел на нее: она сидела на переднем

пассажирском сиденье «тойоты», скрестив руки и глядя на Пирата, который поднимался все выше и выше, унося в небеса меня и Бекендорфа. Я спрашивал себя, о чем Рейчел хотела поговорить со мной и удастся ли мне когда-нибудь узнать об этом.

— Ну, — сказал Бекендорф, — я так понимаю, ты не хочешь, чтобы я описывал эту сценку Аннабет.

— О боги, — пробормотал я. — И думать об этом не смей!

Бекендорф фыркнул, и мы понеслись над Атлантикой.

Когда мы увидели нашу цель, уже почти стемнело. «Принцесса Андромеда» сияла огнями на горизонте — огромный круизный лайнер, залитый желтым и белым светом. Издалека можно было подумать, что это обычный пассажирский корабль, а не штаб повелителя титанов. Но когда мы подлетели поближе, стала видна гигантская носовая фигура — темноволосая дева в греческом хитоне, закованная в цепи. На лице у нее застыло выражение ужаса, словно она чувствовала злобное дыхание всех монстров, которых вынуждена была терпеть у себя за спиной.

У меня внутри все похолодело, когда я снова увидел этот корабль. Два раза я едва не погиб на «Принцессе Андромеде», а теперь корабль направлялся прямо в Нью-Йорк.

— Ты помнишь, что нужно делать? — перекрикивая ветер, спросил у меня Бекендорф.

Я кивнул. Мы тренировались в гавани Нью-Йорка с холостыми бомбами, используя в качестве полигона брошенные корабли. Я знал, как мало времени у нас будет. Но еще я знал, что другой такой возможности предотвратить вторжение Кроноса нам не представится.

— Пират, — велел я, — опусти нас на самую нижнюю кормовую палубу.

«Понял, босс, — ответил Пират. — Ух, как мне не нравится этот корабль!»

Три года назад Пират оказался в рабстве на «Принцессе Андромеде» и бежал оттуда, только когда мы с друзьями немного ему помогли. Я так думаю, он скорее предпочел бы, чтобы ему расчесали гриву, как у Моего Маленького Пони,^[1] чем снова оказаться здесь.

— Не жди нас, — сказал я ему.

«Но, босс...»

— Ты уж мне поверь — мы сами оттуда выберемся.

Пират сложил крылья и спикировал на корабль, как черная комета. Ветер свистел у меня в ушах. Я видел монстров, охраняющих верхнюю

палубу корабля: дракониц или женщин-змей, адских гончих, великанов и человекообразных морских демонов — наполовину людей, наполовину морских львов, — называемых тельхинами. Однако мы так быстро пронеслись мимо, что никто из них не поднял тревогу. Мы приблизились к корме, Пират распростер крылья, после чего мягко приземлился на нижнюю палубу. Я спрыгнул с него, подавляя подступившую тошноту.

«Удачи, босс, — сказал Пират. — Смотри, чтобы они не отправили тебя на корм лошадям!»

С этими словами мой старый друг исчез в ночи. Я извлек из кармана авторучку, снял с нее колпачок, и мой меч Анаклузмос вытянулся до полного размера — метр смертоносной небесной бронзы.

Бекендорф вытащил из кармана клочок бумаги. Мне показалось, что это карта или что-нибудь в этом роде, но потом я понял: это фотография. Он разглядывал ее в полутьме — улыбающееся лицо Силены Боргард, дочери Афродиты. Они начали встречаться с прошлого лета, хотя все уже не один год им говорили: «Чего вы дурака валяете — вы ведь нравитесь друг другу!» Теперь, даже отправляясь в опасные экспедиции, Бекендорф казался счастливым, как никогда.

— Мы обязательно вернемся в лагерь, — сказал я ему.

В его глазах мелькнула тревога, но потом он уверенно улыбнулся и убрал фотографию.

— Кто бы сомневался, — сказал он. — Ну что, идем порвем Кронаса на части?

Бекендорф шел впереди. Мы проследовали по узкому коридору до служебного трапа — точно как на учениях, но, услышав наверху шум, замерли.

— Мне плевать, что там говорит твой нос, — прорычал получеловечий-полусобачий голос, так говорили тельхины. — Когда ты в последний раз почуял полукровку, на деле это оказался мясной рулет!

— Мясные рулеты — отличная штука, — визгливым лаем отозвался второй голос. — Но сейчас я чую запах полукровок. Они на борту, уж можешь мне поверить.

— Зато у тебя мозги не на борту, это точно.

Они продолжили препирательства, а Бекендорф тем временем показал вниз. Мы спустились, стараясь не шуметь. Два этажа вниз — и голоса тельхинов стали едва слышны. Наконец мы оказались перед металлической крышкой люка. Бекендорф одними губами произнес: «Машинное отделение».

Люк был заперт, но Бекендорф вытащил из своего рюкзака кусачки и перерезал дужку замка, словно та была из масла.

Внутри вращались и гудели желтые турбины размером с элеватор. Противоположная стена была утыкана манометрами и компьютерными мониторами. За одной из консолей, сутулясь, сидел тельхин, но он был так погружен в работу, что не заметил нас. Экземпляр ростом метра полтора, на коротких ножках, все его тело покрывал гладкий лоснящийся мех, как у морского льва. Голова — как у добермана, а вот руки хоть и когтистые, но вполне человеческие. Тельхин тюкал пальцами по клавиатуре, периодически порывкая, и что-то бормотал. Может, переписывался с друзьями в чате на uglyface.com.

Я сделал шаг вперед, и он напрягся, вероятно почуяв что-то неладное. Тельхин прыгнул вбок к большой красной тревожной кнопке, но я преградил ему путь. Он зашипел и бросился на меня, но один удар Анаклузмосом — и тельхин, взорвавшись, рассыпался в прах.

— Один — ноль, — констатировал Бекендорф. — Осталось еще тысяч пять.

Он сунул мне в руки контейнер с густой зеленоватой жидкостью — греческим огнем, одним из самых опасных волшебных веществ в мире. Потом Бекендорф бросил мне еще один необходимый инвентарь героев-полубогов — клейкую ленту.

— Закрепи этот на консоли, — сказал он. — А я займусь турбинами.

Мы принялись за дело. В помещении было жарко и влажно, и через несколько минут мы вспотели так — хоть выжимай.

Корабль продолжал плыть вперед. Я, как сын Посейдона, прекрасно ориентировался в море. Не спрашивайте меня, как я это определил, но я точно знал, что мы находимся на 40°19' северной широты и 71°09' западной долготы и движемся со скоростью восемнадцать узлов, а это означало, что корабль прибудет в Нью-Йорк с рассветом. Другой возможности остановить врага нам не представится.

Не успел я прикрепить второй контейнер с греческим огнем к пульту управления, как раздался топот множества ног по металлическим ступеням — вниз спешило такое количество монстров, что я слышал их даже за ревом двигателей. Плохо дело!

Я поймал взгляд Бекендорфа.

— Сколько еще?

— Долго. — Он постучал пальцем по своим часам, которые служили дистанционным взрывателем. — Мне нужно еще подключить приемник и установить запалы. Минут десять — минимум.

Судя по приближающемуся топоту, у нас оставалось секунд десять.

— Я их отвлеку, — решил я. — Встретимся в назначенном месте.

— Перси...

— Пожелай мне удачи!

Кажется, Бекендорф хотел возразить — ведь весь план операции строился на том, что мы высаживаемся, делаем дело и уходим незамеченными. Но теперь приходилось импровизировать.

— Удачи, — сказал он.

Я бросился к двери.

По лестнице бежало с полдюжины тельхинов. Я прорубился сквозь них Анаклузмосом — они и пикнуть не успевали, обращаясь в прах. Я помчался вверх, пролетел мимо еще одного тельхина, который так испугался, что даже выронил свою коробочку с обедом от «Маленького демона». Этого я оставил живым, отчасти потому, что обед его уже остыл, отчасти — чтобы он мог поднять тревогу и, возможно, броситься вместе со своими друзьями следом за мной, а не в машинное отделение.

Я выскочил через дверь на шестую палубу и понесся по ней. Этот усталый ковровый коридор наверняка прежде был шикарнее некуда, но за три года, что тут хозяйничали монстры, обои, ковры и двери в каюты приобрели ужасающий вид — все исцарапанное, покрытое слизью, словно вы попали в глотку дракона (к несчастью, это сравнение основано на личном опыте).

В тот раз, когда я впервые побывал на «Принцессе Андромеде», мой старый враг Лука для маскировки оставил на борту несколько сбитых с толку туристов, заставив их глаза Туманом так, что они даже не поняли, что находятся на корабле, захваченном монстрами. Но теперь никаких следов туристов я не увидел. Мне не хотелось думать о том, что с ними случилось, но я сильно сомневался, что их отпустили домой с выигрышами по лотерейным билетам.

Я добрался до прогулочной палубы с огромным супермаркетом и остановился как вкопанный. В середине внутреннего двора находился фонтан, а в фонтане сидел гигантский краб.

Когда я говорю «гигантский», то не имею в виду краба, выловленного на Аляске, за 7 долларов 99 центов. Я имею в виду действительно гигантского краба размером больше фонтана. Это чудовище на три метра возвышалось над водой. У него были крапчатый сине-зеленый панцирь и клешни длиннее моего тела.

Если вы когда-нибудь видели крабью пасть, такую пузырчатую,

покрытую усиками и пощелкивающую, то можете себе представить, что эта пасть, размером с рекламный щит, выглядела ничуть не лучше. Глаза-бусинки краба уставились на меня, и я уловил в них разум — и ненависть. То, что я был сыном морского бога, не добавляло мне очков.

— Ш-ш-ш-ш, — прошипел монстр, из его пасти капала морская пена.

Воняло от него, как от мусорного бачка с кучей рыбных палочек, который целую неделю выдерживали на солнце.

Зазвучал сигнал тревоги. Скоро здесь появится большая компания, а потому мне нужно было сматываться.

— Эй, ракообразное! — Я направился вокруг фонтана по самому краю двора. — Я тут тебя обойду, так что ты...

Краб тут же обрел невероятную скорость. Он мигом выбрался из фонтана и, щелкая клешнями, бросился прямо на меня. Я нырнул в сувенирный магазин, где чуть не своротил стойку с висящими на ней футболками. Краб клешнями расколошматил в мелкие дребезги стеклянную стену и понесся за мной. Я, тяжело дыша, бросился назад, но краб развернулся и погнался за мной.

— Вот он! — раздался надо мной голос с балкона. — Враг!

Если я хотел отвлечь их внимание, то мне это удалось, но вот только вступать с ними в схватку в этом месте у меня не было желания. Если меня схватят здесь, то краб просто-напросто мной пообедает.

Это дьявольское отродье кинулось на меня. Я взмахнул Анаклузмосом и отрубил ему кончик клешни. Он зашипел, брызгая пеной, но, похоже, покалечил я его не сильно.

Я попытался припомнить что-нибудь из прежних историй — авось поможет. Аннабет рассказывала мне о чудовищном крабе, что-то о том, как Геракл раздавил его ногой. Но здесь такой подход не работал. Этот краб был чуточку побольше моих кроссовок.

И тут мне в голову пришла одна умная мысль. На прошлое Рождество мы с мамой повезли Пола Блофиса в наш старый домик в Монтауке — мы туда уже целую вечность ездили. Пол повел меня ловить крабов, и когда мы вытащили сеть, полную этих тварей, он показал мне, где у краба слабое место в панцире — точно в центре его уродливого брюшка.

Вот только как добраться до этого брюшка?!

Я кинул взгляд на фонтан, потом — на мраморный пол, на котором остались осклизлые крабьи следы, затем вытянул руку, сосредотачиваясь на воде, и фонтан взорвался. Вода брызнула во все стороны — на высоту трех этажей. Окропила лифты, балконы, окна магазинов. Краб и усом не повел. Он любил воду. Он подбирался ко мне боком, щелкал клешнями и шипел, а

я побежал прямо на него с криком: «А-а-а!»

Перед тем как мы столкнулись, я на бейсбольный манер шлепнулся на землю и заскользил по мраморному полу прямо ему под брюхо. Да... это все равно что залезть под семитонный бронетранспортер! Крабу и всего только нужно было присесть — от меня бы одно мокрое место осталось, но прежде чем он понял, что происходит, я вонзил Анаклузмос ему в брюхо, потом отпустил рукоятку меча, оттолкнулся и выскользнул из-под краба сзади.

Монстр задрожал и зашипел. Его глаза растворились, панцирь покраснел, внутренности испарились... Через секунду пустой панцирь всей своей массой рухнул на пол.

У меня не было времени восхищаться проделанной работой. Я бросился к ближайшей лестнице, вокруг раздавались командные выкрики, бряцанье оружия — появлялись новые монстры и полубоги. Руки мои были пусты. Анаклузмос благодаря своим волшебным свойствам рано или поздно должен снова оказаться у меня в кармане, но пока он покоился под останками краба и доставать его мне было некогда.

На восьмой палубе перед лифтом путь мне преградила пара дракониц. Выше талии они были женщинами с зеленой чешуйчатой кожей, желтыми глазами и раздвоенными языками. Ниже талии вместо ног находились двойные змеиные туловища. В руках драконицы держали трезубцы и сети с грузилами, а я по опыту знал, что пользоваться этими штуками они умеют.

— Это шшшто такое? — прошипела одна. — Подарок для Кроносссса?

У меня не было никакого желания играть тут с ними в укротителя змей. Передо мной стоял стенд с моделью корабля, наподобие информационных щитов «Ты здесь».^[2] Я сорвал модель с подставки и швырнул ее в первую драконицу. Кораблик попал ей в физиономию, и она свалилась на палубу. Я перепрыгнул через нее, схватился за копье ее подружки и крутанул так, что та улетела в лифт. А я побежал на нос корабля.

— Взять его! — завизжала сзади драконица.

До меня доносился лай адских гончих. В дюйме от моего лица просвистела стрела и вонзилась в стенную панель черного дерева. Но мне было наплевать: я отвлекал монстров от машинного отделения и давал время Бекендорфу сделать свое дело.

Когда я бежал вверх по лестнице, навстречу мне попался парнишка. Вид у него был такой, будто он еще толком не проснулся. Он успел натянуть на себя только половину доспехов. Парнишка вытащил меч и

заорал: «Кронос!» Но в его голосе слышался скорее испуг, чем боевой кураж. Ему было не больше двенадцати — приблизительно в таком возрасте я впервые приехал в Лагерь полукровок.

От этой мысли мне стало нехорошо на сердце. Этому парню промыли мозги — научили ненавидеть богов и махать мечом, потому что он родился наполовину олимпийцем. Кронос бесцеремонно использовал его в своих целях, но парнишка считал меня своим врагом.

Нет, я ни в коем случае не хотел покалечить или ранить его. Оружие в этой ситуации мне не требовалось. Я приблизился к нему, ухватил за запястье и ударил о стену, вышибая меч из его руки.

А потом я сделал то, что вовсе и не собирался. Наверное, это было глупо и явно ставило под угрозу нашу миссию, но я ничего не мог с собой поделать.

— Если хочешь жить, — сказал я ему, — немедленно беги с этого корабля. И скажи другим полубогам. — С этими словами я толкнул его, и он полетел кубарем вниз.

А я продолжил путь наверх.

Тут меня охватили плохие воспоминания: коридор проходил через кафетерий. Аннабет, мой единокровный брат Тайсон и я побывали здесь три года назад во время моего первого посещения корабля.

Я выбежал на главную палубу. Слева по борту небеса теряли багряный оттенок и затягивались чернотой. Между двумя стеклянными башнями, на которых виднелись балконы и рестораны, сверкал бассейн. Вся верхняя часть корабля выглядела устрашающе опустевшей.

Мне оставалось только перебежать к другому борту и оттуда спуститься на вертолетную посадочную площадку — месту встречи, оговоренному на случай чрезвычайных обстоятельств. Если повезет, мы там встретимся с Бекендорфом и прыгнем в море. Моя способность ладить с водой защитит нас обоих, а отплыв на полмили, мы дистанционно взорвем заряды.

Я уже пересек половину палубы, когда звук чьего-то голоса заставил меня замереть:

— Ты опоздал, Перси.

Надо мной на балконе стоял Лука, на его пересеченном шрамом лице играла улыбка. На нем были джинсы, белая футболка, пляжные шлепанцы — ни дать ни взять обычный студент. Только глаза, словно бы отлитые из золота, выдавали его.

— Мы тебя давно ждем. — Поначалу он, казалось, говорил нормально, как Лука. Но потом его лицо стало подергиваться. По телу прошла дрожь,

словно он выпил какую-то гадость, голос стал гуще, в нем слышались мощь и седая древность — это был голос владыки титанов Кроноса. Его слова будто ножом резанули меня по спине. — Склонись передо мной!

— Да-да, держи карман шире, — пробормотал я.

По обеим сторонам бассейна появились великаны лестригоны, они словно ждали сигнала. Каждый был высотой в два с половиной метра, на руках татуировки, на груди кожаные доспехи, в руках палицы. На крыше над Лукой появились лучники-полубоги. С противоположного балкона спрыгнули две адские гончие и зарычали на меня. За считанные секунды я был окружен. Западня! Они не смогли бы собраться все здесь так быстро, если бы не ждали меня заранее.

Я посмотрел на Луку, и гнев закипел у меня в груди. Я даже не знал, осталась ли хоть капля его прежнего сознания внутри этого тела. Может быть, его голос так изменился, а может, просто Кронос приспособливался к своей новой форме. Я сказал себе, что это не имеет значения. Луку обуяли зависть и злоба задолго до того, как Кронос завладел им.

Голос у меня в голове сказал: «Тебе так или иначе придется сразиться с ним. Так почему не сейчас?»

По великому пророчеству я в шестнадцать лет должен был сделать выбор, который спасет или погубит мир. До шестнадцатилетия мне оставалась неделя. Так почему не теперь? Если у меня и в самом деле такая судьба, то какое значение может иметь одна неделя? Я мог покончить с этой угрозой прямо здесь, разделавшись с Кроносом. Что, разве я не сражался с монстрами и богами раньше?

Лука, словно прочтя мои мысли, улыбнулся. Нет, это был Кронос. Я должен помнить это.

— Ну, иди ко мне, — сказал он. — Если не трусишь.

Толпа монстров раздалась. Я двинулся вверх по лестнице. Сердце у меня колотилось. Я ждал удара ножом в спину, но они позволили мне пройти. Я засунул руку в карман и обнаружил там мою авторучку, снял колпачок — и Анаклузмос превратился в меч.

В руках у Кроноса появилось оружие — двухметровая коса наполовину из небесной бронзы, наполовину из смертоносной стали. Да, от одного только вида этой штуки мои колени начали подгибаться. А потому, чтобы не передумать, я бросился в атаку.

Время замедлилось. В буквальном смысле, потому что Кронос обладал такой способностью — менять ход времени. Мне казалось, будто я двигаюсь в сиропе. Руки у меня стали такими тяжелыми, что я едва мог удержать меч. Кронос улыбнулся и взмахнул косой с обычной скоростью,

ожидая, когда я доползу до своей смерти.

Я попытался воспротивиться его колдовству и сосредоточился на море вокруг меня — ведь море было источником моей силы. С годами мне удавалось делать это все лучше и лучше, но теперь ничего не получалось.

Я сделал еще один шаг вперед. Великаны издевательски засмеялись. Смех дракониц походил на шипение.

«Океан, — взмолился я, — ну что тебе стоит?!»

Внезапно меня чуть не скрутило от боли внутри. Весь корабль наклонился набок, и монстры попадали с ног. Из бассейна выплеснулось четыре тысячи галлонов соленой воды; я, Кронос и все на палубе вымокли с головы до ног. Вода вернула меня к жизни, разрушив колдовство времени, и я бросился вперед.

Я нанес удар Кроносу, но резвость еще не вернулась ко мне в полной мере. Я совершил ошибку — посмотрел в его лицо, в лицо Луки, когда-то бывшего моим другом. И хотя я его ненавидел, убить его мне было трудно.

У Кроноса же никаких сомнений не имелось. Он взмахнул косой. Я отпрыгнул назад, и опасный металл прошел в миллиметре от меня, вырвав щепу из доски в палубе между моих ног.

Я лягнул Кроноса в грудь. Он подался назад, но оказался тяжелее, чем должен был быть Лука. Ощущение — словно я лягнул холодильник.

Кронос снова взмахнул косой. Я перехватил ее Анаклузмосом, но удар был настолько сильным, что мой клинок смог только изменить его направление. Кончик косы вырвал кусок моего рукава и поцарапал предплечье. Порез не мог быть серьезным, но вся эта сторона моего тела взорвалась от боли. Я вспомнил, что один тельхин как-то раз сказал мне о косе Кроноса: «Осторожнее, дурачок. Одно прикосновение — и эта сталь отделит твою душу от тела». Теперь я понял смысл его слов. Дело было не в потере крови. Я чувствовал, как меня покидают силы, воля, как я теряю свое собственное «я».

Я, спотыкаясь, отступил, перебросил меч из правой руки в левую и отчаянно бросился вперед. Мой клинок должен был пронзить его насквозь, но лезвие отскочило от живота титана, словно тот был из мрамора. Кронос ни в коем случае не должен был остаться в живых после такого удара. Но Кронос рассмеялся.

— Очень плохо, Перси Джексон. Лука говорит, что в искусстве фехтования ты никогда не мог с ним сравниться.

В глазах у меня помутилось. Я знал, что времени остается мало.

— Лука все время задирает нос, — сказал я. — Но у него, по крайней мере, была собственная голова на плечах.

— Жаль тебя убивать до того, как окончательный план будет реализован, — размышляя вслух, сказал Кронос. — Мне бы хотелось увидеть ужас в твоих глазах, когда ты поймешь, как я собираюсь уничтожить Олимп.

— Ты никогда не доберешься на этой посудине до Манхэттена. — Рука моя пульсировала болью, в глазах мелькали черные точки.

— Это еще почему? — Золотые глаза Кроноса сверкали. Его лицо — лицо Луки — казалось похожим на маску, неестественную, подсвеченную изнутри какой-то злобной энергией. — Может быть, ты рассчитываешь на своего дружка со взрывчаткой?

Он посмотрел вниз на бассейн и позвал:

— Накамура!

Парнишка в полном греческом доспехе протиснулся сквозь толпу. На левом глазу у него была повязка. Конечно же, я знал его: Эфан Накамура, сын Немезиды. Прошлым летом я спас ему жизнь в Лабиринте, а этот маленький мерзавец в благодарность помог Кроносу вернуться к жизни.

— Все в порядке, повелитель, — доложил Эфан. — Мы его нашли, как вы и велели.

Он хлопнул в ладоши, и вперед вышли два великана, волоча за собой Чарльза Бекендорфа. Сердце у меня едва не остановилось. Один глаз у Бекендорфа распух, руки и лицо в царапинах. Доспехи его исчезли, а рубашка была почти вся разорвана.

— Нет! — выкрикнул я.

Бекендорф встретил мой взгляд. Он посмотрел на свою руку, словно хотел что-то мне сказать. Его часы. Они еще оставались на нем, а в них — детонатор. Успел ли он установить взрыватели? Но эти монстры наверняка должны были их снять.

— Мы нашли его в трюме корабля, — сказал один из великанов. — Он пытался проскользнуть в машинное отделение. Можно, мы его теперь съедем?

— Уже скоро, — отозвался Кронос, с прищуром посмотрев на Эфана. — Ты уверен, что он не поставил взрыватели?

— Он шел в направлении машинного отделения, повелитель.

— Откуда тебе это известно?

— Гм... — Эфан неловко переминался с ноги на ногу. — Он шел в том направлении. И потом, он сам нам сказал. У него рюкзак набит взрывчаткой.

Истина медленно стала открываться мне. Бекендорф провел их. Поняв, что его схватят, он сделал вид, что направляется в другую сторону. Он

убедил их, что еще не успел заминировать машинное отделение. Греческий огонь все еще можно было привести в действие. Но пока мы оставались на корабле, нам это не сулило ничего хорошего. Если бы нам удалось убраться с него — тогда другое дело.

Кронос колебался.

«Ну, купишь ты на это!» — молча умолял я.

Рука у меня так болела, что я едва стоял.

— Открой рюкзак, — приказал Кронос.

Один из великанов сорвал мешок со взрывчаткой со спины Бекендорфа. Заглянув внутрь, он зарычал и вывернул мешок наружу. Монстры в панике отхлынули в стороны. Если бы мешок и в самом деле был набит сосудами с греческим огнем, то мы все взлетели бы на воздух. Но оттуда вывалился лишь десяток банок с персиками.

Я слышал, как тяжело дышит Кронос, пытаясь подавить гнев.

— Может быть, вы схватили этого полубога у камбуза?

— Гм... — Эфан побледнел.

— И может быть, вы послали кого-нибудь проверить машинное отделение?!

Эфан в ужасе подался назад, потом повернулся и бросился прочь.

Я молча выругался. Теперь до того, как бомбы будут обезврежены, оставались считанные минуты. Я снова поймал взгляд Бекендорфа и задал безмолвный вопрос, надеясь, что он поймет: «Какая задержка?»

Он сложил большой и указательный пальцы кружком — нуль. Таймер детонатора был установлен без задержки. Если ему удастся нажать кнопку, корабль мгновенно взлетит на воздух. А уйти далеко, до того как будет нажата кнопка, мы не сможем. Монстры прежде убьют нас или обезвредят заряды. Или и то и другое.

Кронос повернулся ко мне с кривой улыбкой.

— Тебе придется извинить моих неумелых помощников, Перси Джексон, но это не имеет значения. Ты теперь у нас в руках. Нам уже несколько недель было известно, что ты появишься здесь.

Он протянул руку и показал маленький серебряный браслет с брелком в виде косы — символа повелителя титанов.

Рана в предплечье лишала меня способности думать, но я пробормотал:

— Устройство связи... шпион в лагере...

Кронос ухмыльнулся.

— Нельзя полагаться на друзей. Они непременно тебя подведут. Луке тяжело дался этот урок. А теперь брось свой меч и сдавайся. Иначе твой

друг умрет.

Я проглотил слюну. Один из великанов обхватил Бекендорфа рукой за шею. Я был не в состоянии его спасти, но даже если бы попробовал, он умер бы, прежде чем я добрался до него. Мы оба умерли бы.

Бекендорф одними губами произнес: «Уходи!»

Я покачал головой. Я не мог бросить его.

Второй великан продолжал перебирать банки с персиками, а это означало, что левая рука Бекендорфа свободна. Он медленно поднял ее, поднося к часам на правой руке.

Я хотел закричать: «Нет!»

Потом у бассейна раздалось шипение одной из дракониц:

— Шшшшш что он делает? Шшшшш что это у него на руке?

Бекендорф крепко зажмурил глаза и накрыл ладонью часы.

Выбора у меня не оставалось. Я бросил мой меч в Кроноса, словно это был не меч, а дротик, и тот, не причинив Кроносу вреда, отскочил от его груди. Однако это напугало его. Я мигом протиснулся через толпу чудовищ и спрыгнул за борт в воду с высоты тридцать футов.

В чреве корабля раздался грохот. Монстры что-то кричали мне вслед. В бедро ударила стрела, но у меня даже не было времени почувствовать боль. Я нырнул и приказал потокам унести меня вниз как можно дальше — на пятьдесят метров, на сто метров.

Но даже и на таком расстоянии я почувствовал, как мир сотряс взрыв. Мой затылок обожгло. «Принцесса Андромеда» взорвалась с двух сторон, в черное небо выплеснулся громадный шар зеленого пламени, пожирая все вокруг.

«Бекендорф...» — подумал я.

После этого я вырубился и пошел на дно, как сброшенный с корабля якорь.

Глава вторая

Знакомство с подводной родней

Сны полубогов — это полный отстой.

Дело в том, что это, в общем-то, и не сны. Это всякие видения, предзнаменования и прочая подобная мистика — меня от нее прямо с души воротит.

Мне снилось, что я нахожусь в каком-то темном дворце на вершине горы. К сожалению, я узнал его: дворец титанов на вершине горы Отрис, иначе известной как гора Тамалпаис в Калифорнии. Главный зал, обставленный по периметру черными греческими колоннами и статуями титанов, не имел потолка, тут царила вечная ночь. В черном мраморе, покрывавшем пол, отражался свет факелов. В центре помещения под грузом вихрящейся воронкообразной тучи горбился титан в доспехах — Атлас, поддерживающий небо.

Другие великаны стояли вблизи бронзовой жаровни, разглядывая изображения, появляющиеся в пламени.

— Ничего себе взрывчик, — сказал один из них.

На нем были черные доспехи с серебряными заклепками, напоминавшие ночное небо. Лицо его скрывалось под шлемом, из которого торчали изгибающиеся бараньи рога.

— Это не имеет значения. — На этом титане были золотые одеяния, а смотрел он золотыми, как у Кроноса, глазами. Все его тело светилось. Он напомнил мне Аполлона, бога солнца, только свет, исходящий от титана, был резче, а выражение его лица жестче. — Боги ответили на вызов. Скоро они будут уничтожены.

На изображения в огне смотреть было нелегко: шторма, рушащиеся здания, люди, кричащие от ужаса...

— Я отправлюсь на Восток, чтобы собрать наши силы, — сказал золотистый титан. — Криос, ты останешься и будешь охранять гору Отрис.

Детина с рогами хмыкнул:

— Мне всегда достается самая глупая работа. Я, владыка Юга, владыка созвездий, должен быть нянькой при Атласе, пока вы там будете веселиться.

— Отпустите меня, проклятие на ваши головы! — завопил изнывающий под грузом туч Атлас. — Я величайший из воинов. Снимите с

меня этот груз, чтобы я мог сражаться!

— Тихо! — зарычал золотистый титан. — У тебя была возможность, Атлас. Но ты потерпел поражение. Кронос хочет, чтобы ты оставался на своем месте. Что касается тебя, Криос, то ты должен исполнять свой долг.

— А если тебе понадобится больше воинов? — спросил Криос. — От нашего племянника, этого предателя в смокинге, во время сражения будет мало проку.

Золотистый титан рассмеялся.

— О нем можешь не беспокоиться. И потом, боги вряд ли выдержат даже первую нашу атаку. Они и понятия не имеют, сколько у нас в запасе сюрпризов. Помяни мои слова, через несколько дней Олимп будет лежать в руинах, а мы встретимся снова, чтобы отпраздновать восход Шестой эпохи!

Золотистый титан взорвался языками пламени и исчез.

— Ну конечно, — проворчал Криос. — Он взрывается языками пламени, а я таскаю на себе эти дурацкие рога.

Потом сцена изменилась. Теперь я находился вне этого зала, прятался в тени греческих колонн. Рядом со мной стоял мальчик — он подслушивал, о чем говорят титаны. У него были темные шелковистые волосы, бледная кожа и темные одежды — мой друг Нико ди Анджело, сын Аида.

Он с мрачным выражением посмотрел на меня.

— Ну, Перси, ты понимаешь, что времени у тебя остается всего ничего? — прошептал он. — Ты и вправду думаешь, что справишься с ними без моего плана?

Его слова нахлынули на меня, как ледяные океанские течения, и я провалился в никуда.

— Перси? — проговорил низкий голос.

Было такое ощущение, словно мою голову завернули в фольгу и прожарили в микроволновке. Я открыл глаза и увидел над собой большую, нечетко вырисовывающуюся фигуру.

— Бекендорф? — с надеждой спросил я.

— Нет, братишка.

Фигура обрела четкость — передо мной находился циклоп: уродливое лицо, всклокоченные каштановые волосы, один большой, исполненный сочувствия карий глаз.

— Тайсон?

— А кто же еще? — Мой брат оскалил зубы в улыбке. — Слава богам, мозги у тебя работают.

Я не был так уж в этом уверен. Мое замерзшее тело словно парило в

невесомости. Голос меня не слушался. Я слышал слова Тайсона, но правильнее было бы сказать, что я слышал вибрации у себя в голове, а не обычные звуки голоса.

Я сел, и пелена передо мной исчезла. Я находился на кровати, усталой сплетенными шелковистыми водорослями, в помещении, стены которого были отделаны витыми раковинами. На потолке висели светильники — жемчужины размером с баскетбольный мяч. Я был под водой.

Ну да, мне, как сыну Посейдона, это ничем не грозило. Я вполне могу дышать под водой, и даже одежда на мне не промокнет, если я этого не захочу. И все равно у меня чуть волосы не встали дыбом, когда в окошко всплыла акула-молот, посмотрела на меня, а потом так же спокойно выплыла из окна в противоположной стене.

— Где я?..

— В папином дворце, — ответил Тайсон.

При других обстоятельствах я бы обрадовался этому. Я никогда не посещал царство Посейдона, хотя многие годы мечтал об этом. Но теперь голова у меня раскалывалась от боли, а рубашка местами обгорела после взрыва. Раны на руке и ноге за lànhились (для этого мне достаточно пробыть некоторое время в океане), но я все еще чувствовал себя так, будто на мне потопталась команда регбистов-лестригонов.

— И как давно?..

— Мы нашли тебя вчера вечером, — сказал Тайсон. — Ты погружался на дно.

— А «Принцесса Андромеда»?

— Пошла на дно, — сообщил Тайсон.

— На борту был Бекендорф. Ты его не...

— Никаких следов Бекендорфа. — Тайсон нахмурился. — Мне очень жаль, братишка.

Я уставился в окно на темно-синюю воду. Бекендорф весной собирался поступить в колледж. У него была подружка, много друзей, впереди — целая жизнь. Нет, не мог он так вот погибнуть. Может, ему, как и мне, удалось спрыгнуть с корабля. Но если он спрыгнул за борт, то что?.. Прыжок с тридцатифутовой высоты для него, в отличие от меня, был бы смертельным. Он, опять же, не смог бы удалиться от взрыва на достаточное расстояние.

В глубине души я знал, что он мертв. Он пожертвовал собой, чтобы уничтожить «Принцессу Андромеду», а я бросил его.

Я подумал о моем сновидении: титаны разговаривали о взрыве так,

словно он не имел ни малейшего значения, Нико ди Анджело предупреждал меня, что я никогда не возьму верх над Кроносом, если не воспользуюсь его планом — довольно опасным предприятием, от которого я вот уже целый год отказывался.

Далекий взрыв потряс помещение. Снаружи загорелся зеленый свет, отчего в море стало светло как днем.

— Это что еще такое? — спросил я.

На лице Тайсона появилось озабоченное выражение.

— Папа все объяснит. Идем — он мочит монстров.

Дворец Посейдона мог бы быть самым удивительным из мест, какие мне доводилось видеть, если бы не коснувшиеся его разрушения. Мы доплыли до конца длинного коридора и поднялись наверх по гейзеру. Когда мы воспарили над крышами, у меня перехватило дыхание... ну, если только дыхание может перехватывать под водой.

Дворец с его широкими дворами, садами и многоколонными беседками по размерам не уступал городу на Олимпе. В садах росли колонии кораллов и сияющих морских растений. Двадцать или тридцать зданий были построены из витых перламутровых раковин — белых, но переливающихся всеми цветами радуги. Взад-вперед носились рыбы и осьминоги. Дорожки усыпали сверкающие жемчужины, напоминающие рождественские огни.

Основной двор был заполнен воинами — водяными с рыбьими хвостами и другими, с человеческими туловищами, правда покрытыми синей кожей, чего я никогда прежде не видел. Некоторые ухаживали за ранеными. Другие затачивали копья и мечи. Один из них торопливо проплыл мимо нас. У него были ярко-зеленые глаза, сиявшие цветом неоновых трубочек, и зубы острые, как у акулы. Да, в «Русалочке» такого не увидишь.

За пределами основного двора возвышались мощные крепостные сооружения — башни, стены, стояли противоосадные орудия, но в основном все это было разрушено. Оставшаяся часть отливала странным зеленоватым светом. Этот свет я прекрасно знал — греческий огонь, который мог гореть даже под водой.

Дальше морское дно терялось в сумерках. Я видел всплески энергии, взрывы, вспышки, сопутствующие сражению двух армий. Обычный человек ничего бы не разглядел в этой темноте. Да что говорить — обычного человека просто раздавило бы такое давление воды, он умер бы здесь от переохлаждения. Даже мои теплочувствительные глаза не могли

точно разобрать, что там происходит.

На краю дворцового комплекса взорвался храм с красной крышей, и языки пламени вместе с обломками неторопливо полетели над наружным садом. Сверху из темноты вынырнуло что-то громадное — кальмар размером с небоскреб. Он был окружен сверкающим облаком пыли... по крайней мере, мне это показалось пылью, пока я не разглядел, что это рой водяных, пытающихся атаковать монстра. Кальмар опустился на дворец и, взмахнув щупальцем, смял целую колонну воинов. Но тут на крыше одного из самых высоких зданий сверкнула молния, поразившая гигантское головоногое, и монстр растворился в воде, как пищевой краситель.

— Папа. — Тайсон указал туда, откуда ударила молния.

— Так это он? — Я внезапно исполнился надежды.

Мой отец был невероятно силен. Он был морским богом. Он мог запросто отразить это нападение. Не исключено, что он примет и мою помощь.

— Ты участвовал в сражении? — с трепетом спросил я у Тайсона. — С твоей циклопической силой и дубинкой ты, наверное, немало их голов покрошил?

Тайсон надулся, и я сразу понял, что задал плохой вопрос.

— Я тут... занимался починкой оружия, — пробормотал он. — Идем. Нужно найти папу.

Я понимаю, что это может показаться странным тому, у кого обычные родители, но я за свою жизнь видел отца всего четыре или пять раз и всегда лишь по несколько минут. Греческие боги не очень-то любят появляться на баскетбольных матчах своих чад.

И все же я считал, что если увижу Посейдона, то узнаю его.

Я ошибался.

Крыша храма представляла собой большую открытую палубу, на которой был оборудован командный пункт. Мозаика на полу изображала точную карту дворца и прилегающего океана. Вот только это была подвижная мозаика. Цветные плитки, символизировавшие армии и морских чудовищ, перемещались по мере того, как менялась диспозиция. Здания, обрушавшиеся в реальности, обрушивались и на мозаике.

Вокруг мозаики, с мрачным видом следя за сражением, расположилось странное сообщество воинов, но ни один из них не был похож на моего отца. Я искал крупную фигуру, одетую в шорты и гавайскую рубашку, хорошо загоревшую и с черной бородой.

Никого похожего на отца среди этого сборища я не увидел. Был тут

один водяной с двумя рыбьими хвостами вместо одного, с зеленой кожей, черными волосами, связанными сзади хвостиком, в нагруднике с жемчужинами. Выглядел он довольно молодо, хотя трудно определять возраст, если перед тобой не гуманоид. Поди разбери, сколько ему — то ли три года, то ли три тысячи. Рядом с ним стоял старик с пышной белой бородой и седыми волосами. Ноги его, казалось, подгибаются под весом доспехов. У него были зеленые глаза с веселыми морщинками в уголках, хотя сейчас он не улыбался. Он разглядывал карту, опираясь на большой металлический посох. Справа от него стояла прекрасная женщина в зеленых доспехах, с ниспадающими на плечи волосами. Из головы у нее торчали странные маленькие рожки, похожие на крабьи клешни. Был тут и дельфин — обычный дельфин, но он внимательно разглядывал карту.

— Дельфин, — сказал старик, — отправь Палемона и его акулий легион на западный фронт. Мы должны нейтрализовать этих левиафанов.

Дельфин говорил стрекочущим голосом, но я его понял.

«Да, владыка!» — ответил он и заспешил прочь.

Я недоуменно посмотрел на Тайсона, потом снова на старика.

Мне это казалось невероятным, но все же я позвал:

— Папа...

Старик поднял на меня взгляд. Я узнал блеск в его глазах, но вот лицо... вид у него был такой, будто он состарился на сорок лет.

— Привет, Перси.

— Что... с тобой случилось?

Тайсон толкнул меня в бок. Он с такой силой затряс головой — я думал, она у него оторвется, но Посейдон, похоже, не обиделся.

— Все в порядке, Тайсон, — сказал он. — Ты, Перси, извини за мой внешний вид. Война дается мне нелегко.

— Но ты же бессмертный, — тихо сказал я. — Ты можешь выглядеть как захочешь.

— Я своим видом отражаю состояние моего царства, — пояснил он. — А как раз сейчас это состояние довольно мрачное. Перси, должен тебя представить... боюсь, ты только что разминулся с моим полководцем Дельфином, богом дельфинов. А это моя... гм... жена Амфитрита. Моя дорогая...

Дама в зеленых доспехах холодно посмотрела на меня, потом скрестила на груди руки и сказала:

— Извини, мой господин, но мое присутствие требуется на поле боя.

С этими словами она уплыла.

Я чувствовал себя довольно неловко, но, наверное, винить ее в этом

было бы несправедливо. Я никогда об этом не задумывался, но у отца ведь есть бессмертная жена. А что касается всех его походов со смертными женщинами, включая и мою маму... что ж, наверное, Амфитрите это не очень нравилось.

Посейдон откашлялся.

— Да, а это мой сын Тритон. Гм... мой другой сын.

— Твой сын и наследник, — поправил его зеленый типчик. Он помахал своим двойным хвостом и улыбнулся мне, но его глаза вовсе не светились приязнью. — Привет, Персей Джексон. Наконец-то пришел нам помочь?

Он вел себя так, будто я опоздал или отлынивал. Если под водой можно покраснеть, то именно это и случилось со мной.

— Скажи мне, что я должен делать, — проговорил я.

Тритон ухмыльнулся, будто я сказал что-то такое хитромудрое или будто я был забавной собачонкой, которая тут пролаяла что-то... Он повернулся к Посейдону.

— Я слежу, как идут дела на передовой, отец. Можешь не волноваться — я тебя не подведу.

Он вежливо кивнул Тайсону. Почему же это я не заслужил никакого уважения? Тритон сорвался с места и исчез в толще вод.

Посейдон вздохнул, поднял посох, и тот мгновенно видоизменился в его привычное оружие — трезубец. Зубцы отливали синим сиянием, а вода вокруг него закипела от избытка энергии.

— Ты уж извини, — сказал он мне.

Сверху появилась громадная морская змея и, совершая спиральные движения, направилась к крыше. Она была ярко-оранжевого цвета с клыкастой пастью, в которой вполне мог бы уместиться целый спортзал.

Почти не посмотрев в ее сторону, Посейдон поднял трезубец и направил на эту тварь заряд энергии. Опаньки! Чудище распалось на миллион золотых рыбок, и все они в ужасе бросились врассыпную.

— Моя семья встревожена, — продолжил Посейдон, словно ничего не случилось. — Сражение с Океаном идет далеко не лучшим образом.

Он показал на край мозаичной карты и рукоятью трезубца постучал по изображению водяного размерами больше остальных и с бычьими рогами. Он вроде как мчался на колеснице, в которую были впряжены лангусты, а вместо меча размахивал живой змеей.

— Океан, — сказал я. — Это, кажется, морской титан?

Посейдон кивнул.

— Во время первой войны титанов с богами он придерживался

нейтралитета. Но теперь Кронос убедил его участвовать. Это... гм... не очень хороший знак. Океан ни за что не ввязался бы в драку, если бы не был уверен в том, что дерется на стороне победителей.

— Вид у него глуповатый, — заявил я оптимистическим тоном. — Я хочу сказать, кто же это дерется змеей?

— Папа завяжет ее узлами, — твердо заявил Тайсон.

— Благодарю за вашу веру. — Посейдон улыбнулся, но выглядел он уставшим. — Мы воюем уже около года. Моя армия устала. А он находит все новые силы и бросает их против меня — морских монстров, таких древних, что я и забыл об их существовании.

Я услышал грохот взрыва вдалеке. Приблизительно в миле от нас коралловая гора развалилась под весом двух гигантских существ. Я едва различал их форму. Один был омар. Другой — гигантский гуманоид наподобие циклопа, но тело его было окружено огромным числом конечностей. Поначалу я подумал, что он таскает на себе уйму гигантских осьминогов, но потом понял, что это его собственные руки — сотни рук молотят воду, нанося удары.

— Бриарей! — воскликнул я.

Я обрадовался ему, но, судя по его виду, он дрался из последних сил. Он был последним в своем роде — Сторукий, двоюродный брат циклопов. Мы прошлым летом освободили его из тюрьмы Кроноса, и я знал, что он отправился помогать Посейдону, но с тех пор о нем ничего не слыхал.

— Он отлично дерется, — сказал Посейдон. — Жаль, что у меня нет целой армии таких, как он.

Я увидел, как Бриарей, взревев от злости, схватил омара, который размахивал и щелкал клешнями, и сбросил его с коралловой горы — тот исчез во мраке. Бриарей припустил следом, его сотня рук работала, как винт моторной лодки.

— Перси, я не могу уделить тебе много времени, — вздохнул отец. — Расскажи мне о своей миссии. Ты видел Кроноса?

Я рассказал ему все, хотя голос у меня и срывался, когда я говорил о Бекендорфе. Я посмотрел на дворы внизу и увидел сотни раненых водяных, лежавших на самодельных кушетках. Я увидел ряды коралловых холмиков, которые, вероятно, были обустроенными на скорую руку могилами. Я понял, что Бекендорф стал не первой жертвой — он был одним из многих сотен, может быть, тысяч. Я никогда не чувствовал себя таким злым и беспомощным.

— Перси. — Посейдон разгладил бороду. — Бекендорф выбрал героическую смерть. Тебя не в чем упрекнуть. Армия Кроноса будет

дезорганизована. Многие были уничтожены.

— Но ведь его мы не убили?

Я понимал, что это наивная надежда. Мы могли взорвать корабль и уничтожить всех монстров на нем, но убить владыку титанов было не так-то легко.

— Нет, не убили, — ответил Посейдон. — Но с вашей помощью мы выиграли какое-то время.

— На корабле были полубоги, — сказал я, вспомнив парнишку, с которым столкнулся на лестнице.

Я почему-то позволил себе сосредоточиться на Кроносе и монстрах. Я убедил себя, что уничтожить корабль — благое дело, потому что на нем обосновалось зло, потому что они собираются напасть на мой город и к тому же их невозможно убить навсегда. Монстры испаряются, а потом восстанавливаются в новом обличье. Но полубоги...

Посейдон положил руку мне на плечо.

— Перси, на борту этого корабля было всего несколько воинов-полубогов, и все они добровольно встали на сторону Кроноса. Некоторые, может быть, вняли твоему предупреждению и спаслись. Если нет — они сами выбрали свою судьбу.

— Им промыли мозги! — воскликнул я. — Теперь они мертвы, а Кронос по-прежнему жив. И это никак не улучшает мое настроение.

Я разглядывал мозаику — маленькие взрывы свидетельствовали об уничтожении монстров. На картинке это не составляло никакого труда.

Тайсон обнял меня. Если бы это попытался сделать кто-то другой, я бы его оттолкнул, но Тайсон был слишком велик и упрям. Он обнимал меня, хотел я этого или нет.

— Это не твоя вина, братишка. Кронос сделан из такого материала, который плохо взрывается. В следующий раз мы возьмем большую дубинку.

— Перси, — сказал отец, — Бекендорф погиб не напрасно. Вы рассеяли силы вторжения. На какое-то время Нью-Йорку ничто не грозит, что позволит остальным олимпийцам разбираться пока с большей угрозой.

— С большей угрозой? — Я подумал о том, что говорил золотистый титан в моем сновидении: «Боги ответили на вызов. Скоро они будут уничтожены».

Тень пробежала по лицу отца.

— Хватит тебе скорбей на один день. Обратись за разъяснением к Хирону, когда вернешься в лагерь.

— Когда вернусь в лагерь? Но вам тут грозит опасность! Я хочу

помочь тебе.

— Тут ты мне ничем не поможешь. Ты будешь нужен в другом месте.

Я не мог поверить своим ушам и посмотрел на Тайсона в поисках поддержки.

— Папа... — Мой брат пожевал губу. — Перси хорошо владеет мечом. Он умелый воин.

— Мне это известно, — мягко проговорил Посейдон.

— Папа, позволь мне помочь, — попросил я. — Я знаю, что смогу. Ты тут долго не продержишься.

Из-за вражеских позиций в небо устремился огненный шар. Я думал, что Посейдон отразит его или сделает еще что-нибудь, но тот приземлился в углу двора и взорвался, отчего водяные кувыркком полетели по воде. Посейдон поморщился, словно его укололи.

— Возвращайся в лагерь, — повторил он. — И скажи Хирону: пора.

— Что пора?

— Ты должен выслушать пророчество. Целиком.

Мне не нужно было спрашивать его о том, что это за пророчество. Я уже несколько лет подряд слышал про великое пророчество, но никто никогда не зачитывал мне его. Я знал только, что должен принять решение, которое изменит судьбу мира, но принять его без всякого давления со стороны.

— А что, если это и есть решение? — спросил я. — Остаться здесь и сражаться? Что, если я оставлю тебя и ты...

Я не мог сказать «умрешь». Считается, что боги не умирают, но я видел нечто подобное. Даже если они не умирают, они могут быть приведены в ничтожное состояние, сосланы, заключены в тюрьму в глубинах Тартара, как это было сделано с Кроносом.

— Перси, ты должен делать то, что я тебе сказал, — настаивал Посейдон. — Я не знаю, каким будет твоё окончательное решение, но сражаться ты должен в наземном мире. По меньшей мере ты должен предупредить твоих друзей в лагере. Кронос знал твои планы. У вас в лагере шпион. Мы здесь продержимся. У нас нет иного выбора.

— Мне будет тебя не хватать, братишка! — Тайсон изо всех сил ухватил меня за руку.

Наш отец, глядя на нас, казалось, постарел еще на десяток лет.

— Тайсон, сынок, тебя тоже ждет работа. Давай-ка возвращайся в оружейную мастерскую.

Тайсон снова надулся.

— Хорошо. — Он шмыгнул носом и обнял меня с такой силой, что

чуть не сломал ребра. — Перси, будь осторожен! Не допусти, чтобы монстры убили тебя!

Я постарался уверенно кивнуть в ответ, но для чувствительного великана Тайсона все это было уже слишком — он зарыдал и поплыл в мастерскую, где его кузены чинили копья и мечи.

— Ты должен разрешить ему сражаться, — сказал я отцу. — Он ненавидит работу в мастерской. Разве ты не видишь?

Посейдон покачал головой.

— Хватит уже и того, что я тебя подвергаю опасности. Тайсон слишком юн. Я должен защитить его.

— Ты должен ему доверять, — возразил я, — а не пытаться его защитить.

Глаза Посейдона гневно сверкнули. Я подумал, что слишком много позволил себе, но тут он опустил взгляд на мозаику и ссутулился еще больше. На карте водяной в колеснице с лангустами был совсем рядом с дворцом.

— Океан приближается, — произнес отец. — Я должен сразиться с ним.

Никогда прежде я не опасался за богов, но теперь даже представить себе не мог, как отец может сразиться с этим титаном и победить.

— Я выстою, — пообещал Посейдон. — Я не отдам мои владения. Скажи-ка мне, Перси, у тебя все еще сохранилось то, что я подарил тебе на день рождения прошлым летом?

Я кивнул и вытащил мой шнурок с бусинами по числу летних каникул, проведенных мною в Лагере полукровок. Но с прошлого года я носил на шнурке и песчаный доллар — так за их форму называли плоских морских ежей. Отец подарил мне его на пятинадцатилетие. Он сказал: я сам пойму, когда его «потратить», но до сего дня я не представлял, что он имел в виду. Про этого ежа я знал одно: в школьный автомат по продаже кока-колы его не засунешь.

— Ну, время, — сказал отец. — Если все будет хорошо, увидимся на твоём дне рождения через неделю. И отпразднуем как следует.

Посейдон улыбнулся, и на мгновение в его глазах мелькнул прежний свет.

Потом все море перед нами потемнело, словно налетел чернильный шторм. Загремел гром, что было невозможно под водой. К нам приближалось какое-то громадное ледяное существо. Я почувствовал, как волна страха затопила армию внизу.

— Я должен принять мою настоящую божественную форму, — сказал

Посейдон. — Поторопись, сынок. И удачи тебе.

Я хотел подбодрить его, обнять или что-нибудь в таком роде, но понимал, что задерживаться не стоит. Когда бог принимает свою настоящую форму, выделяется такая энергия, что любой смертный, посмотревший на него, расщепляется на молекулы.

— До свидания, отец, — выдавил я.

Потом отвернулся и призвал на помощь морские течения. Вода вокруг меня завихрилась, и я понесся на поверхность с такой скоростью, от которой любой обычный человек лопнул бы, как воздушный шарик.

Когда я оглянулся, то увидел только зеленые и синие вспышки — мой отец сражался с титаном, и само море разрывалось на части двумя армиями.

Глава третья

Я заглядываю в глаза собственной смерти

Если вы хотите быть популярным в Лагере полукровок, не возвращайтесь после задания с плохими новостями.

Не успел я выйти из океана, как все уже знали о моем прибытии. Лагерь расположен на северном берегу Лонг-Айленда, и место это заколдовано, так что большинство людей его даже не видят. Люди не появляются просто так на берегу, если только они не полубоги, боги или же самые что ни на есть настоящие заблудившиеся доставщики пиццы. (Такое случалось, но это уже другая история.)

В общем, в тот день дежурил Коннор Стоулл из домика Гермеса. Увидев меня, он так возбудился, что упал с дерева. После этого он протрубил в горн из ракушки, давая сигнал обитателям лагеря собраться и приветствовать меня.

У Коннора кривая улыбка, соответствующая его искаженному чувству юмора. Вообще-то он отличный парень, но когда он рядом, нужно покрепче держаться за кошелек и ни в коем случае не давать ему крем для бритья, если не хотите обнаружить его размазанным у себя в спальном мешке. У него кудрявые каштановые волосы, он чуть пониже своего брата Тревиса, и только по этому признаку я их различаю. Эти двое совершенно не похожи на моего старого врага Луку, и мне даже не верится, что все они — сыновья Гермеса.

— Перси? — завопил Коннор. — Что случилось? Где Бекендорф?

Потом он увидел выражение моего лица, и улыбка сошла с его физиономии.

— Да что ты?! Вот бедняжка Силена! Зевс всемогущий, когда она узнает...

Мы вдвоем взбирались на песчаные дюны. Обитатели лагеря уже собирались и шли нам навстречу — мы их видели в нескольких сотнях метров впереди. Они радовались и улыбались. «Перси вернулся, — наверное, думали они. — Уж он-то спас положение! Может, и сувениров каких принес!»

Я остановился у помещения столовой, дожидаясь их. Бежать им навстречу и рассказывать, какой я неудачник, у меня не было ни малейшего желания.

Я обшаривал взглядом пространство лагеря, пытаюсь вспомнить, каким он был, когда я появился здесь впервые. Казалось, это было целую вечность тому назад.

Из столовой видно почти все. Долину окружают холмы. На самом высоком — Холме полукровок — растет сосна Талии, а на ее ветвях висит золотое руно, которое волшебным образом защищает лагерь от врагов. Сторожевой дракон Пелей такой огромный, что я вижу его отсюда — вон он свернулся вокруг ствола и, похрапывая во сне, посылает дымовые сигналы.

Справа от меня тянется лес. Слева сверкает озеро и сияет альпинистская стена — сияет потому, что по ней течет лава. Двенадцать домиков (по одной на каждого олимпийского бога) стоят подковой вокруг общей территории. Дальше на юг лежат клубничные поля, еще дальше — оружейная и Большой дом в четыре этажа, выкрашенный в небесную лазурь, с бронзовым флюгером в виде орла на крыше.

В некотором роде лагерь не изменился. Но, глядя на поля или здания, не догадаешься про войну. Она видна на лицах полубогов, сатиров и наяд, взбирающихся на холм.

Обитателей в лагере было меньше, чем четыре года назад. Некоторые уехали, чтобы никогда больше не вернуться. Некоторые погибли в сражении. Третьи — мы старались о них не говорить — переметнулись к врагу.

Те, кто остался, закалились в боях, и вид у них был усталый. Теперь в лагере редко можно услышать смех. Обитатели домика Гермеса стали меньше прикалываться над ребятами. Трудно разыгрывать других, когда собственная жизнь кажется сплошным приколом.

Первым в столовую прискакал Хирон, что для него не составило труда, потому что ниже поясицы он — жеребец белой масти. Борода у него за лето разрослась, через спину был перекинут лук, а на футболке красовалась надпись: «МОЯ ДРУГАЯ ПОЛОВИНА — КЕНТАВР».

— Перси! — сказал он. — Слава богам. А где...

Тут появилась Аннабет, и, должен признаться, стоило мне ее увидеть, как сердце у меня забилося чаще. Дело не в том, что она старалась хорошо выглядеть, напротив. У нас в последнее время было столько боевых экспедиций, что она почти не расчесывала свои светлые волосы, и ее мало волновало, какая на ней одежда — обычно она появлялась в оранжевой лагерной футболке и джинсах, а время от времени надевала бронзовые доспехи. Глаза у Аннабет были неистово-серые. Чаще всего если мы начинали с ней о чем-то разговаривать, то без ругани, а то и

рукоприкладства дело не обходилось. Но стоило мне ее увидеть, как я начинал млеть. Прошлым летом, перед тем как Лука сбежал к Кроносу и все пошло наперекосяк, несколько раз мне в голову приходила мысль: может быть... период рукоприкладства в наших отношениях подходит к концу?

— Что случилось? — Она схватила меня за руку. — Лука...

— Корабль взорван, — сказал я. — Но Кронос остался жив. Я не знаю, где...

Сквозь толпу протиснулась Силена Боргард — непричесанная, даже без косметики, что было совсем на нее не похоже.

— Где Чарли? — спросила она, оглядываясь так, словно он где-то тут прятался.

Я посмотрел на Хирона в поисках помощи.

Старый кентавр откашлялся.

— Силена, дорогая, давай поговорим об этом в Большом доме...

— Нет, — пробормотала она. — Нет. Нет!

Она заплакала, а все стояли вокруг не в силах произнести ни слова. Мы за это лето уже столько друзей потеряли, но эта потеря была горше всех других. Со смертью Бекендорфа лагерь словно утратил якорь.

Наконец вперед протиснулась Кларисса из домика Ареса. Она обняла Силену. У них была необычайная из дружб (это между дочерью бога войны и дочерью богини любви!), но тем не менее с того самого дня, как прошлым летом Силена дала Клариссе совет по поводу ее первого бойфренда, Кларисса решила стать ее персональным телохранителем.

Кларисса — большая и мускулистая, как настоящий регбист, — была одета в кроваво-красные доспехи, каштановые волосы убраны под бандану. Она вечно смотрела хмурым взглядом, но теперь заговорила с Силеной мягким голосом.

— Идем, девочка, — сказала она. — Идем в Большой дом. Я тебе приготовлю горячий шоколад.

Все развернулись и парами или тройками побрели назад в свои домики. Теперь уже никому не хотелось меня видеть. Никто не хотел слушать о взорванном корабле. Остались только Аннабет и Хирон.

Аннабет смахнула слезинку со щеки.

— Я рада, что ты жив, Рыбы Мозги.

— Спасибо, — ответил я. — Я тоже рад.

— Я уверен, ты сделал все, что мог, Перси. — Хирон положил руку мне на плечо. — Ты расскажешь нам, что случилось?

Мне не хотелось переживать все это заново, но я им все рассказал,

включая и мой сон с титанами. Я опустил подробности о Нико, который заставил меня пообещать, что я никому не расскажу о его плане, пока не приму решения, а план был такой жуткий, что рассказывать о нем у меня не было никакого желания.

Хирон смотрел куда-то в сторону долины.

— Мы должны без промедления собрать военный совет и поговорить об этом шпионе и обо всем.

— Посейдон говорил еще об одной угрозе, — сказал я. — О чем-то посерьезнее «Принцессы Андромеды». Я решил, что это может быть тот вызов, о котором титаны говорили в моем сне.

Хирон и Аннабет посмотрели друг на друга, словно знали что-то такое, о чем мне было неизвестно. Мне это ужас как не понравилось.

— Мы обсудим и это, — пообещал Хирон.

— И еще одно. — Я набрал в грудь побольше воздуха. — Посейдон просил передать тебе, что пора. Я должен знать пророчество целиком.

Хирон ссутулился, но ничуть не удивился.

— Я ждал этого дня и боялся его. Ну что же. Аннабет, мы покажем Перси всю правду — от и до. Идем на чердак.

На чердаке Большого дома я был только три раза в жизни, что и так в три раза больше, чем мне бы того хотелось.

С верхней лестничной площадки туда вела приставная лестница. Интересно, подумал я, как туда заберется Хирон — ведь он наполовину конь. Но он и не пытался.

— Ты знаешь, где оно, — сказал он Аннабет. — Неси сюда.

Аннабет кивнула.

— Идем, Перси.

Солнце уже садилось, а потому на чердаке было даже темнее и страшнее, чем обычно. Повсюду валялись трофеи старых героев — проломленные щиты, заспиртованные головы разных монстров в кувшинах, пара жульнических игральные костей на бронзовом подносе с надписью «УКРАДЕНО ГУСОМ, СЫНОМ ГЕРМЕСА, В 1988 ГОДУ ИЗ „ХОНДЫ СИВИК“ ХРИСАОРА».

Я поднял кривой бронзовый меч, выгнутый так, что он напоминал букву «М». На металле остались пятна — следы волшебного яда, которым когда-то была смазана его поверхность. На бирке стояла дата — прошлое лето. Подпись гласила: «САБЛЯ КАМПЕ, УНИЧТОЖЕНА В БИТВЕ У ЛАБИРИНТА».

— Ты помнишь, как Бриарей бросал камни? — спросил я.

— А Гроувер посеял панику? — Аннабет против желания улыбнулась.

Мы встретились взглядами. Я вспомнил совсем другое событие прошлого лета под горой Сент-Хеленс, когда Аннабет думала, что я вот-вот умру, и поцеловала меня.

Она откашлялась и отвернулась.

— Пророчество, — глухо напомнила Аннабет.

— Ну да. — Я положил саблю. — Пророчество.

Мы подошли к окну. На треножнике сидел оракул — растрепанная мумия женщины в цветастом платье. Ключья ее волос прилипли к черепу. С высохшего лица взирали остекленевшие глаза. У меня от одного ее вида мурашки побежали по коже.

Раньше если кто-то собирался покинуть лагерь летом, то должен был подняться сюда и пройти испытание. Нынешним летом от этого правила отказались. Обитатели лагеря то и дело отправлялись в боевые экспедиции. Если мы хотели остановить Кроноса, выбора у нас не было.

И все же я прекрасно помнил необычный зеленоватый туман — дух оракула, — который обитал в этой мумии. Сейчас она казалась безжизненной, но, каждый раз изрекая пророчество, она двигалась. Иногда туман извергался из ее рта, приобретая странные формы. Один раз мумия даже покинула чердак и совершила нечто вроде прогулки зомби по роще, чтобы передать послание. Я не очень понимал, что она сделает при изречении великого пророчества. И не удивился бы, начни она с чечетки или с чего-нибудь в этом роде.

Но она сидела там как мертвая, впрочем, она и была мертвая.

— Я этого никогда не пойму, — прошептал я.

— Чего? — спросила Аннабет.

— Как чего? Ведь это же мумия.

— Перси, она не всегда была мумией. Тысячи лет дух оракула жил в прекрасной девушке. Этот дух передавался из поколения в поколение. Хирон мне говорил, что она пятьдесят лет назад была такой же. — Аннабет показала на мумию. — Но она была последней.

— А что случилось?

Аннабет хотела было что-то сказать, но потом передумала.

— Давай-ка сделаем то, что должны, и уберемся отсюда.

— Ну и как мы?.. — Я с опаской посмотрел на высохшего оракула.

Аннабет приблизилась к мумии и вытянула перед собой ладони.

— О оракул, время пришло! Я прошу тебя изречь великое пророчество.

Я напрягся, но мумия не шелохнулась. Аннабет приблизилась и

отстегнула одно из ожерелий на мумии. Я никогда не обращал особого внимания на ювелирные штучки этой высохшей старухи. Я думал, это что-то вроде бус братской любви, какие носят хиппи, или что-то типа того. Но когда Аннабет повернулась ко мне, то в руках у нее была кожаная сумочка — вроде мешочка с лечебными травами американских индейцев — на шнурке, украшенном перьями. Она открыла сумочку и вытащила оттуда маленький пергаментный свиток, не толще ее мизинца.

— Ну и дела! — поразился я. — Неужели ты хочешь сказать, что я столько лет спрашивал у вас про это дурацкое пророчество, а оно было здесь — висело у нее на шее?

— Время было неподходящее, — ответила Аннабет. — Поверь мне, Перси, я прочла это, когда мне было десять, и меня до сих пор преследуют кошмары.

— Отлично, — вздохнул я. — Теперь я могу его прочесть?

— Внизу. На военном совете. Но не перед... ну, ты понимаешь.

Я заглянул в остекленевшие глаза оракула и решил не спорить. Мы направились вниз к остальным. Тогда я этого не знал, но больше на чердаке мне не суждено было появиться никогда.

Вокруг стола для настольного тенниса собрались старосты домиков. Не спрашивайте меня почему, но рекреационный зал стал неофициальным местом заседаний военного совета. Но когда Аннабет, Хирон и я вошли туда, впечатление было такое, будто там происходит соревнование по типу кто кого перекричит.

Кларисса по-прежнему щеголяла в полном боевом оснащении. К спине у нее было пристегнуто ее электрическое копье. (Вообще-то это ее второе копье, коим она вооружилась после того, как я сломал первое. Она называла это копье «Парализатор». Но если она не слышала, все называли его «Паралитик».) Кларисса прижимала к боку шлем в форме кабаньей головы, а на поясе у нее висел нож.

Она так вошла в раж, вопя на Майкла Ю, нового старосту домика Аполлона, что никого не видела и не слышала. Вид у того был довольно нелепый. Кларисса — девица рослая и возвышалась над ним как гора, поскольку Майкл ростом не выше метра, ну плюс еще с полметра амбиций. Майкл возглавил домик Аполлона после того, как прошлым летом в бою погиб Ли Флетчер. Он напоминал мне хорька с длинным носом и торчащими зубами. Может, такое впечатление возникало оттого, что он постоянно щурился, прицеливаясь из лука.

— Это наши трофеи! — кричал он, вставая на цыпочки, чтобы

заглянуть в глаза Клариссе. — Если тебе это не нравится, можешь поцеловать мой колчан!

Народ за столом старался сдержать смех — братья Стоулл, Поллукс из домика Диониса, Кати Гарднер от Деметры. Даже Джейк Мейсон, спешно назначенный новый староста домика Гефеста, выдавил натянутую улыбку. Только Силену Боргард не обращала внимания на происходящее. Она сидела рядом с Клариссой и смотрела пустым взглядом на теннисную сетку, натянутую поперек стола. Глаза у нее покраснели и распухли. Перед ней стояла нетронутая чашка с горячим шоколадом. Мне показалось несправедливым, что она вынуждена присутствовать здесь. Я ушам своим не мог поверить — Кларисса и Майкл, стоя рядом с Силеной, спорят о таких глупостях, как трофеи, когда она только что потеряла Бекендорфа.

— Прекратите! — закричал я. — Чем это вы тут занимаетесь?

Кларисса хмуро посмотрела на меня.

— Скажи Майклу, чтобы он не был таким глупым эгоистом!

— Уж чья бы корова мычала! — отозвался Майкл.

— Я здесь только для того, чтобы поддержать Силену! — прокричала Кларисса. — Если бы не она, я сидела бы у себя в домике.

— В чем проблема? — спросил я.

Поллукс откашлялся.

— Кларисса отказалась разговаривать с кем-либо из нас, пока не будет разрешен ее... гм... вопрос. Она три дня молчала.

— Это было замечательно... — задумчиво вставил Тревис Стоулл.

— Какой вопрос?

Кларисса повернулась к Хирону.

— Ты здесь главный? Мой домик получит то, что мы хотим?

Хирон переступил с копыта на копыто.

— Моя дорогая, я уже объяснял, что Майкл прав. У домика Аполлона более обоснованные претензии. И потом у нас сейчас на повестке дня куда как более насущные проблемы...

— Ну конечно, — отрезала Кларисса. — Всегда находятся проблемы более насущные, чем потребности Ареса. А мы только должны идти и сражаться, когда это требуется, и ни на что не жаловаться.

— Как это было бы мило... — пробормотал Коннор Стоулл.

Кларисса схватилась за нож.

— Может быть, мне стоит обратиться к мистеру Д...

— Как вам известно, — прервал ее Хирон (говорил он теперь слегка раздраженным тоном), — наш директор Дионис занят войной. Его нельзя беспокоить такими вещами.

— Понятно, — сказала Кларисса. — А старосты? Кто-нибудь из вас поддержит меня?

Теперь уже никто не улыбался. Все избегали встречаться с Клариссой взглядом.

— Отлично! — Кларисса повернулась к Силене. — Извини. Я не хотела ввязываться в это, когда у тебя такая утрата... приношу свои извинения. Но только тебе. И больше никому!

Силена, казалось, не слышала ее слов.

Кларисса швырнула нож на теннисный стол.

— Вам всем придется вести эту войну без Ареса. Пока я не получу удовлетворения, никто из моего домика и пальцем не пошевелит. Желаю вам приятной смерти!

Члены совета были слишком ошарашены и ничего не ответили Клариссе, которая вихрем вылетела из помещения.

Наконец Майкл Ю проговорил:

— Ну и слава богам.

— Ты шутишь?! — взвилась Кати Гарднер. — Это же настоящий кошмар для нас!

— Да она это так... пустая болтовня, — сказал Тревис. — Разве нет?

— Ее обидели. — Хирон вздохнул. — В конечном счете она успокоится.

Голос его, однако, звучал не очень убедительно.

Я хотел спросить, с какого это рожна Кларисса так взбесилась, но когда я посмотрел на Аннабет, она одними губами сказала: «Я тебе объясню попозже».

— Ну а теперь, члены совета, прошу вас. Перси принес кое-что, о чем, я думаю, вы должны узнать. Перси — великое пророчество.

Аннабет протянула мне пергамент. Он был сухой и ветхий на ощупь. Я принялся неумело развязывать шнурок, потом развернул свиток, стараясь не порвать его, и начал читать:

Полукровка быков старейших...

— Эй, Перси, — прервала меня Аннабет. — Там написано богов, а не быков!

— Да-да, — пробормотал я.

У полубогов есть эта слабость — они не умеют толком читать, и иногда меня это здорово достает. Чем больше я нервничаю, тем хуже

читаю.

Полукровка старейших богов на свете —
Он доживет до шестнадцатилетия...

Я запнулся, глядя на следующие строки. Пальцы у меня похолодели, словно я держал лед, а не пергамент.

Мир погрузится в сон, будто пьяный,
Душу героя возьмет клинок окаянный.

Я вдруг почувствовал, что Анаклузмос в моем кармане словно бы потяжелел. Окаянный клинок? Хирон как-то говорил мне, что Анаклузмос многих людей поверг в скорбь. Возможно ли, чтобы собственный меч меня же и убил? И как это мир погрузится в беспробудный сон, если только этот сон не есть смерть?

— Перси, — вывел меня из раздумий Хирон. — Дочитай до конца.

У меня рот был словно набит песком, но я дочитал две последние строки.

И ждет его конец, когда он сделает выбор,
Спасая Олимп или обруб...

— Обрекая, — мягко поправила меня Аннабет. — Обрекать — значит предназначать для какой-либо участи.

— Знаю я, что такое «обрекать», — проворчал я.

Спасая Олимп или обрекая на гибель.

Присутствующие погрузились в молчание.

— Гибель мне не нравится, — наконец отозвался Коннор Стоулл.

— Гибель... — повторила Силена. Голос ее звучал необычно глухо. — Гибель значит «смерть», «уничтожение».

— Аннигиляция, — вступила Аннабет. — Прекращение существования. Крах.

— Ясней ясного. — Сердце у меня словно налилось свинцом. —

Спасибо за объяснение.

Все смотрели на меня — с сочувствием, жалостью и, может быть, даже немного со страхом.

Хирон закрыл глаза, словно произнося молитву. В своей лошадиной ипостаси он был таким высоким, что голова его почти касалась светильников на потолке зала.

— Теперь ты понимаешь, Перси, почему мы решили хранить от тебя в тайне последнюю часть пророчества. Ты и без того нес немалый груз на своих плечах...

— Так или иначе, я в конце концов должен был умереть, даже не зная об этом? Да, теперь ясно.

Хирон с печалью глядел на меня. Ему было за три тысячи лет, он видел гибель сотен героев. И пусть ему такие вещи не нравились, но он уже привык к этому. Он, вероятно, понимал, что утешать меня бессмысленно.

— Перси, — сказала Аннабет, — ты ведь знаешь, что пророчества можно толковать по-разному. Возможно, оно не говорит о том, что ты умрешь... в буквальном смысле.

— Конечно, — ухмыльнулся я. — «И ждет его конец, когда сделает он выбор». Большой простор для толкования.

— Может быть, нам удастся предотвратить это, — вмешался вдруг Джейк Мейсон. — Там сказано: «Душу героя возьмет клинок окаянный». Может, нам удастся найти этот окаянный клинок и уничтожить его. Может, тут речь идет о косе Кроноса?

Я об этом не подумал, но какая разница, о чем шла речь — об Анаклузмосе или косе Кроноса. В любом случае, я сильно сомневался, что мы сможем не дать этому пророчеству сбыться. Клинок должен был забрать мою душу. Вообще-то я бы хотел, чтобы моя душа оставалась при мне.

— Наверно, мы должны дать Перси возможность поразмыслить над этими строками, — предложил Хирон. — Ему нужно время...

— Нет. — Я сложил пергамент с пророчеством и засунул его в карман. Мне словно вожжа под хвост попала, и я злился, хотя на кого — одним богам известно. — Не нужно мне времени! Если я умру, так тому и быть. Что толку мне об этом беспокоиться. Разве нет?

Руки Аннабет немного дрожали. Она не могла поднять на меня глаза.

— Давайте продолжать, — сказал я. — У нас немало проблем. В лагере шпион.

Майкл Ю нахмурился.

— Шпион?

Я рассказал им о том, что случилось на «Принцессе Андромеде»: что Кроносу было известно о нашей экспедиции и как он пользовался серебряным браслетом с брелком в виде косы, чтобы выходить на связь с кем-то в лагере.

Силена снова принялась плакать, и Аннабет обняла ее за плечи.

— Ну что ж, — неуверенно начал Коннор Стоулл, — мы уже давно подозревали, что у нас завелся шпион. Так? Кто-то постоянно передавал информацию Луке... вот пару лет назад сообщили, где находится золотое руно. Это должен быть кто-то знакомый с ним близко.

Он посмотрел на Аннабет. Она, конечно, знала Луку лучше, чем кто-либо другой, но Коннор тут же отвел взгляд.

— Ну, то есть я хочу сказать, это может быть кто угодно.

— Да. — Кати Гарднер насупилась, с подозрением глядя на братьев Стоулл. Они ей не нравились с того самого дня, как разукрасили соломенную крышу домика Деметры шоколадными пасхальными зайчиками. — Например, кто-нибудь из его родни.

Тревис и Коннор принялись с ней громко пререкаться.

— Прекратите! — Силена с такой силой стукнула кулаком по столу, что ее шоколад в чашке расплескался. — Чарли погиб... а вы спорите, как малые дети! — Она опустила голову и заплакала.

Струйки горячего шоколада стекали со стола. Всем стало стыдно.

— Она права, — сказал наконец Поллукс. — Если мы будем обвинять друг друга, ничего хорошего из этого не выйдет. Мы должны посмотреть в оба — не обнаружится ли у кого серебряного браслета с брелком в виде косы. Если у Кроноса такой, то, может, и у его шпиона тоже.

— Мы должны найти этого шпиона, перед тем как начнем планировать следующую операцию, — проворчал Майкл Ю. — Хоть «Принцесса Андромеда» и взорвана, но это не остановит Кроноса навсегда.

— Это точно, — сказал Хирон. — Могу сказать больше: уже подготовлена следующая атака.

— Ты имеешь в виду ту «большую угрозу», о которой говорил Посейдон? — мрачно спросил я.

Хирон с Аннабет переглянулись, словно решая, можно ли мне кое-что сказать. Я уже говорил вам, что ненавижу, когда они так делают?!

— Перси, — начал Хирон, — мы не хотели тебе говорить до твоего возвращения в лагерь. Тебе нужно было передохнуть, пообщаться со своими смертными друзьями...

Аннабет бросило в краску. Тут мне пришло в голову, что ей известно о моих встречах с Рейчел, и я почувствовал себя виноватым.

Потом я разозлился — с чего бы это? Мне что, запрещено дружить с кем-то за пределами лагеря? Это ведь не...

— Говорите, что случилось, — буркнул я.

Хирон взял с обеденного столика бронзовый кубок, выплеснул воду на горячую плиту, где мы обычно плавил сыр начо.^[3] Над плитой поднялся пар, и во флюоресцирующем свете образовалась радуга. Хирон вытащил из кошелька золотую драхму, швырнул ее через образовавшееся облачко и пробормотал:

— О Ирида, богиня радуги, покажи нам эту угрозу.

Облачко замерцало. Я увидел знакомое изображение чадящего вулкана — горы Сент-Хеленс, на моих глазах один склон ее разорвало, и оттуда полилась лава, посыпался пепел. Я услышал голос диктора: «...более сильное, чем извержение прошлого года, и геологи предупреждают, что, возможно, гора еще заявит о себе».

О прошлогоднем извержении мне было известно все. Я сам стал его причиной. Но это было гораздо сильнее. Гора развалилась на части, обрушилась внутрь, а из дыма и лавы возникла громадная фигура, словно бы вылезла из люка, откинув в сторону крышку. Я надеялся, что Туман скроет истинное положение дел от глаз людей, потому что увиденное мной должно было вызвать панику и беспорядки по всей территории Штатов.

Размеры этого гиганта превышали все, что я когда-либо видел. Даже с моим зрением полубога я не мог точно разглядеть его очертания в пепле и пламени, но ясно было, что у него гуманоидные формы, а размеры такие, что он вполне мог бы использовать здание Крайслер-билдинга как битую для игры в бейсбол. Гора сотрясалась с невыносимым грохотом, словно этого монстра одолевал смех.

— Это он... — пробормотал я. — Тифон...

Я искренне надеялся, что Хирон скажет что-нибудь обнадеживающее, типа: «Нет, это наш огромный друг Лерой! Он пришел нам на помощь!» Но Хирон просто кивнул.

— Самый страшный из всех монстров, самая большая из угроз, с какой когда-либо сталкивались боги. Его все же освободили из-под горы. Но то, что ты видишь, случилось два дня назад. А вот что происходит сейчас.

Хирон взмахнул рукой — и картинка изменилась. Я увидел грядущих штормовых туч, надвигающуюся на долины Среднего Запада. Сверкнула молния. Смерчи уничтожали все на своем пути — ломали дома и трейлеры, швыряли машины, словно спичечные коробки.

«Катастрофические наводнения, — говорил диктор. — Пять штатов объявлены зоной бедствия, а чудовищная буря продолжает двигаться на

восток, разрушая все на своем пути».

Камеры дали крупный план — фронт бури сметал с лица земли один из городов Среднего Запада. Я не смог разобрать какой. Внутри бури я разглядел этого гиганта — слабое мерцание его истинной формы: туманная рука, темная когтистая ладонь размером с городской квартал. Его злобный рев катился по долинам, как грохот ядерного взрыва. Вокруг этого монстра метались формы помельче. Я видел вспышки света и понимал, что гигант пытается отогнать их. Я прищурился, и мне показалось, что в черноту летит золотая колесница. Потом какая-то огромная птица — чудовищная сова — нырнула в эту же темноту, атакуя гиганта.

— Это что — боги? — спросил я.

— Да, Перси, — ответил Хирон. — Они вот уже несколько дней сражаются с ним, чтобы замедлить его продвижение. Но Тифон продвигается все ближе к Нью-Йорку. К Олимпу.

Я обдумал услышанное.

— И когда он доберется сюда?

— Если боги его не остановят, то дней через пять. Там большинство олимпийцев... кроме твоего отца, который ведет собственную войну.

— А кто же тогда охраняет Олимп?

Коннор Стоулл покачал головой.

— Если Тифон доберется до Нью-Йорка, то, охраняет кто-нибудь Олимп или не охраняет, не будет иметь никакого значения.

Я вспомнил слова Кроноса на корабле: «Мне бы хотелось увидеть ужас в твоих глазах, когда ты поймешь, как я собираюсь уничтожить Олимп».

Значит, он это имел в виду — атаку Тифона? Да, что говорить, это ужас так ужас. Но Кронос всегда пытался нас провести, направить наше внимание на что-нибудь второстепенное. Тут сомнений быть не могло. К тому же и в моем сне золотистый титан говорил о том, что грядет несколько новых атак, а значит, можно было предположить, что Тифон — только первая из них.

— Это обман, — сказал я. — Мы должны предупредить богов. Тут непременно случится еще что-то.

— Что-то хуже Тифона? — Хирон с мрачным видом посмотрел на меня. — Я надеюсь, ничего такого не произойдет.

— Мы должны защитить Олимп, — настаивал я. — Кронос запланировал еще одну атаку.

— Ну да, — напомнил мне Тревис Стоулл. — Но вы с Бекендорфом потопили его корабль.

Все смотрели на меня. Они ждали каких-нибудь хороших новостей. Они хотели верить, что я хоть немного добавлю им надежды.

Я кинул взгляд на Аннабет и сразу понял, что у нас одни и те же мысли: что, если «Принцесса Андромеда» была всего лишь тактическим ходом? Что, если Кронос позволил нам взорвать корабль, чтобы мы после этого расслабились?

Но в присутствии Силены я не хотел говорить об этом. На «Принцессе Андромеде» погиб ее парень.

— Может, ты и прав, — сказал я, хотя сам в это ни капли не верил.

Я попытался представить себе, каким образом дела могут пойти гораздо хуже. Боги были на Среднем Западе — сражались с громадным монстром, который почти что уже победил их один раз. Посейдон находился в блокаде — проигрывал войну морскому титану по имени Океан. Кронос пребывал неизвестно где, и руки у него были развязаны. Олимп остался практически беззащитен. Полубоги Лагеря полукровок были предоставлены сами себе, а в их ряды затесался шпион.

Мало того, в соответствии с древним пророчеством я должен был погибнуть, когда мне исполнится шестнадцать лет, что произойдет через пять дней — как раз тогда, когда ожидается атака Тифона на Нью-Йорк. Чуть об этом не забыл!

— Ну, по-моему, для одного вечера достаточно, — заключил Хирон.

Он взмахнул рукой — и пар исчез. Сражение Тифона и богов в буревых тучах исчезло.

— А по-моему, так маловато, — пробормотал я.

И на этом заседание военного совета завершилось.

Глава четвертая

Мы сжигаем металлический саван

Мне снилось, что Рейчел Элизабет Дэр бросает дартс в картину, на которой изображен я.

Она стояла в своей комнате... Нет, не так. Должен сказать, что у Рейчел нет комнаты. В ее распоряжении верхний этаж родительского особняка — роскошного перестроенного дома в Бруклине. Ее «комната» — это громадный чердак с прожекторами вместо ламп и окнами от пола до потолка. Этот этаж почти в два раза больше квартиры моей матери.

Из ее заляпанной краской дорогушей акустической системы доносились ревущие звуки альтернативного рока. Насколько я мог судить, единственное правило Рейчел касательно музыки состояло в том, что на ее айпоне не может быть двух песен с похожими мелодиями и все они должны быть необычными.

На ней было кимоно, и волосы ее торчали в разные стороны, словно она только что проснулась. На кровати все было перевернуто. С мольбертов свисали простыни материи. Грязная одежда и старые обертки от энергетических шоколадок валялись на полу, но когда у тебя комната таких размеров, кавардак не очень заметен. В окне виднелись очертания Манхэттена во всей их ночной красе.

Рейчел бросала дротики в картину, где изображался я, стоящий над поверженным гигантом Антеем. Рейчел нарисовала ее пару месяцев назад. Я скорчил такую свирепую (даже пугающую) рожу, что трудно было понять, хороший я парень или плохой, но Рейчел сказала, что именно так я и выглядел после сражения.

— Полубоги, — пробормотала Рейчел, бросая в полотно еще один дротик. — И их дурацкие квесты...

Большинство дротиков улетали в никуда, но несколько попали в цель. Один торчал у меня под нижней губой, словно козлиная борода.

Кто-то постучал в дверь ее спальни.

— Рейчел! — раздался мужской голос. — Что ты там, черт побери, делаешь? Выключи это...

Рейчел схватила пульт дистанционного управления и выключила музыку.

— Входи.

Отец вошел, нахмурившись и моргая от света. У него были волосы цвета ржавчины, чуть темнее, чем у Рейчел. Они прилипли на одну сторону лица, словно он всегда спал на одном боку. Карман его синей шелковой пижамы украшала монограмма «ВД». Представляете? Кто вообще делает монограммы на пижаме?

— Что тут происходит? — спросил он. — Три часа ночи.

— Не могу уснуть, — ответила Рейчел.

Дротик, который имитировал мою бороду, слетел с картины. Остальные Рейчел спрятала за спиной, но мистер Дэр их заметил.

— Итак... насколько я понимаю, твой друг не вернется в Сент-Томас?

Мистер Дэр так меня называл. Никогда не говорил «Перси». Неизменно «твой друг». Или «молодой человек», если он обращался ко мне, что делал очень редко.

— Не знаю. — Рейчел насупилась.

— Утром мы уезжаем. Если он еще не принял решения...

— Он, вероятно, не придет, — с несчастным видом сказала Рейчел. — Ты доволен?

Мистер Дэр сцепил руки за спиной и принялся с суровым выражением на лице расхаживать по комнате. Я представил, как он это делает в зале заседаний совета директоров своей девелоперской компании и как дергаются, наблюдая за ним, его подчиненные.

— Тебя все еще мучают кошмары? — спросил он. — Головные боли?

Рейчел швырнула дротики на пол.

— Я жалею, что сказала тебе об этом!

— Я твой отец. Я переживаю за тебя.

— Ты переживаешь за репутацию семейства, — пробормотала Рейчел.

Ее отец никак на это не прореагировал, может, потому, что уже слышал это замечание раньше, а может, потому, что так оно и было на самом деле.

— Можно позвать доктора Аркрайта, — предложил он. — Он помог тебе пережить смерть твоего хомячка.

— Тогда мне было шесть лет, — сказала Рейчел. — Теперь мне не нужен психотерапевт. Я всего лишь... — Она беспомощно покачала головой.

Ее отец остановился перед окнами. Он смотрел на горизонт нью-йоркского неба так, словно оно принадлежало ему, что не соответствовало действительности. Он владел только его частью.

— Тебе полезно будет уехать, — решил он. — Тут на тебя оказывали нездоровое влияние.

— Я не собираюсь ни в какую женскую академию в Кларионе, —

огрызнулась Рейчел. — А мои друзья тебя не касаются.

Мистер Дэр улыбнулся, но в этой улыбке не было дружелюбия. Она скорее говорила: «Настанет день, когда ты поймешь, какой глупой ты была».

— Попробуй уснуть, — предложил он. — Завтра вечером мы будем на берегу. Развлечешься немного.

— Развлекусь, — повторила за ним Рейчел. — Вот это уж точно.

Ее отец вышел из комнаты. Дверь за собой он не закрыл.

Рейчел уставилась на мой портрет, потом подошла к укрытому простыней мольберту рядом с ним.

— Надеюсь, это сны, — сказала она.

Она сняла простыню с мольберта, на котором оказался сделанный быстрыми росчерками угля набросок. Но Рейчел — хорошая художница. Черты Луки были явно узнаваемы — еще совсем мальчишка лет девяти, с широкой ухмылкой и в то время без шрамов на лице. Я понятия не имел, откуда Рейчел знала, как он тогда выглядел, но сходство было так велико, что я сразу понял: рисовала она не по догадке. Судя по тому, что я знаю о жизни Луки (а знаю я не так уж и много), здесь он был изображен как раз перед тем, как ему стало известно, что он полукровка, и Лука убежал из дома.

Рейчел уставилась на портрет, потом открыла следующий мольберт. Здесь я увидел еще более тревожную картинку — Эмпайр-стейт-билдинг и молнии вокруг него. Вдалеке была видна надвигающаяся буря, а из туч высывалась громадная рука. У основания здания собралась толпа... только не обычная толпа туристов и прохожих. Я видел копья, дротики и знамена — все признаки армии.

— Перси, — пробормотала Рейчел затухающим голосом. — Что происходит?

Сон погас, и последнее, что я помню, это желание ответить на вопрос Рейчел.

Я хотел позвонить ей следующим утром, но в лагере не было телефонов. Дионису и Хирону городской телефон не требовался. Если возникала такая необходимость, то они связывались с Олимпом почтой Ириды. А когда полубоги пользуются сотовыми, то их сигналы приводят в боевую готовность всех монстров в радиусе ста миль. Это все равно что выстрелить сигнальной ракетой: «Я здесь! Прицелься, пожалуйста!» Даже в безопасных границах лагеря мы не хотели делать себе такую рекламу.

У большинства полубогов (кроме Аннабет и нескольких других) даже

нет сотовых телефонов. И я уж точно не мог сказать Аннабет: «Слушай, дай-ка мне твою мобилу — нужно позвонить Рейчел!» Чтобы позвонить, пришлось бы оставить лагерь и пройти несколько миль до ближайшего магазинчика. И даже если бы Хирон меня отпустил, к тому времени, когда я туда добрался бы, Рейчел уже летела бы самолетом в Сент-Томас.

Я с трудом проглотил завтрак за столиком Посейдона, не сводя глаз с трещины в мраморном полу, через которую несколько лет назад Нико отправил в подземное царство шайку кровожадных скелетов. Это воспоминание не очень-то улучшало мой аппетит.

После завтрака мы с Аннабет отправились инспектировать домики. Вообще-то дежурной была Аннабет. Мое же утреннее задание состояло в просмотре докладов для Хирона. Но так как мы оба ненавидели эти занятия, то решили заняться ими на пару, чтобы не было так отвратительно.

Мы начали с домика Посейдона, а это практически означало — с меня. Я утром застелил свою кушетку (ну, типа застелил), поправил рог Минотавра на стене, а потому из пяти баллов поставил себе четверку.

Аннабет скорчила гримасу:

— Ты слишком щедр.

Кончиком карандаша она приподняла с пола старые спортивные трусы.

Я быстренько схватил их.

— Эй, слушай, прекрати! Этим летом Тайсон за мной не убирает.

— Троечка из пяти баллов, — сказала Аннабет.

Я знал, что спорить бесполезно, и мы пошли дальше.

Я пытался на ходу просмотреть доклады Хирону. Тут были послания от полубогов, природных духов и сатиров со всей страны, они писали о происках монстров в последнее время. Сообщения удручающие, и мой мозг, страдающий синдромом «дефицит внимания в сочетании с гиперактивностью», вовсе не хотел вникать в эту информацию.

Повсюду происходили бои местного масштаба. Набор новичков в лагерь свелся к нулю. Сатирам не удавалось находить новых полукровок и приводить их на Холм полукровок, потому что по всей стране бродили монстры. Мы уже несколько месяцев не получали никаких известий от нашей подруги Талии, возглавлявшей охотников Артемиды, а если Артемида и знала, что с ними случилось, то нам она ничего не сообщала.

Мы зашли в домик Афродиты, который, конечно, получил пять из пяти. Кровати были застелены идеально. Одежда во всех шкафчиках разложена по цвету. На подоконнике стояли свежие цветы. Я хотел скинуть

один балл за то, что весь домик провонял дорогими духами, но Аннабет меня не послушала.

— Как всегда, отличная работа, Силена, — сказала она.

Силена безразлично кивнула. Стена над ее кроватью была украшена фотографиями Бекендорфа. Она сидела на постели с коробочкой из-под шоколада на коленях, и я вспомнил, что ей принадлежал шоколадный магазинчик в Виллидже и что именно так она привлекла внимание Афродиты.

— Хотите конфет? — спросила Силена. — Мой отец прислал. Он думал... он думал, что это поднимет мне настроение.

— Вкусные? — спросил я.

Она покачала головой.

— Как картон.

Я ничего не имел против картона, а потому попробовал одну. Аннабет отказалась. Мы пообещали, что зайдем к Силене попозже, и пошли дальше.

Мы пересекли площадь и обнаружили, что домик Ареса конфликтует с домиком Аполлона. Часть обитателей домика Аполлона, вооружившись огненными бомбами, уселась в колесницу с пегасами и взлетела над домиком Ареса. Я прежде этой колесницы не видел, но она была вполне себе ничего — типичная прогулочная коляска. Скоро крыша на домике Ареса занялась огнем, и наяды из озера принялись ее тушить.

Тогда обитатели домика Ареса произнесли заклинание — и все стрелы у детей Аполлона превратились в резину. Они стреляли из лука, но резиновые стрелы просто отскакивали от ребят Ареса.

Мимо пробежали два лучника, преследуемые ребятами Ареса, которые на бегу выкрикивали стихи: «Ты мне заплатишь за проклятие это! Как мне обрыдли чертовы куплеты!»

— Кошмар, — вздохнула Аннабет, — опять то же самое. В прошлый раз, когда ребята Аполлона проклинали кого-то, те целую неделю сочиняли куплеты, никак не могли остановиться.

Меня пробрала дрожь. Аполлон был богом поэзии и стрельбы из лука, и я слышал собственными ушами, как он читает стихи. Я бы предпочел, чтобы меня пристрелили.

— А из-за чего у них сыр-бор? — спросил я.

Аннабет не ответила, делая пометку в своем свитке, — оба домика получили по единице.

Я вдруг понял, что смотрю на нее во все глаза... Это было смешно, потому что я видел ее миллион раз. Этим летом я догнал ее по росту, что стало для меня облегчением. И все же она казалась куда более взрослой.

Это меня пугало. Нет, она, конечно, всегда была ничего, но теперь становилась просто красавицей.

Наконец она ответила:

— Из-за летающей колесницы.

— Что?

— Ты спросил, из-за чего у них сыр-бор.

— Ах да... Спросил.

— Они захватили ее в ходе рейда в Филадельфии на прошлой неделе. Там с этой летающей колесницей были некоторые из полукровок Луки. Домик Аполлона захватил ее во время сражения, но рейд возглавлял домик Ареса. И вот с тех пор они не могут решить, кому принадлежит эта колесница.

Мы пригнулись, когда колесница Майкла Ю спикировала на одного из ребят Ареса, который в ответ попытался его заколоть и обругать стихами — у него как раз здорово получалось рифмовать всякие ругательные слова.

— Мы сражаемся не на жизнь, а на смерть, а они поссорились из-за какой-то дурацкой колесницы! — возмутился я.

— Ничего, перебесятся. Кларисса скоро возьмется за ум.

Я не был бы в этом так уверен. Это вовсе не в духе Клариссы.

Я проглядел еще несколько докладов, и мы проинспектировали еще несколько домиков. Деметра получила четверку. Гефест — тройку, а следовало бы и еще меньше, но мы им дали поблажку за Бекендорфа. Гермес схлопотал двойку, что неудивительно. Все обитатели лагеря, не знающие, кто их божественные родители, помещались в домик Гермеса, а так как боги — народ немного забывчивый, то в этом домике всегда толклось полным-полно народа.

Наконец мы добрались до домика Афины, где все было, как всегда, в порядке. Книги ровно стояли на полках. Доспехи начищены. На стенах висели карты сражений и расписания. Только на койке Аннабет творился кавардак. Она вся была усыпана бумажками, а серебристый ноутбук Аннабет не включен.

— Влакас! — пробормотала Аннабет, то есть обозвала себя идиоткой по-гречески.

Ее заместитель Малькольм едва сумел скрыть улыбку.

— Ну да, гм... мы все остальное убрали. Не знали только, можно ли трогать твои записки.

Это они предусмотрительность проявили. У Аннабет имелся бронзовый нож, предназначенный для монстров и людей, которые совали нос в ее вещи.

Малькольм посмотрел на меня.

— Мы подождем на улице, пока вы закончите инспекцию.

Ребята Афины строем вышли из домика, а Аннабет принялась убирать свою койку.

Я неловко переминался с ноги на ногу, делая вид, что изучаю доклады. Даже во время инспектирования правила лагеря запрещали полубогам разных полов находиться... ну, как бы вдвоем в домике.

Об этом правиле вспомнили, когда Силена и Бекендорф стали встречаться. И я знаю, кое-кто из вас может подумать: а разве все полубоги не являются родней по божественной линии? А если так, то разве всякие гулянки-свиданки не находятся под запретом? Но тут дело в том, что божественная линия с точки зрения генетики в счет не идет, поскольку у богов нет ДНК. Ни один полубог не станет встречаться с кем-то, у кого тот же самый божественный родитель. Ну, скажем, двое ребят из домика Афины... Никогда! Ну а если дочь Афродиты и сын Гефеста? Они же не родственники. Так что тут никакой проблемы нет.

По какой-то странной причине я думал об этом, глядя, как Аннабет наводит порядок. Она закрыла ноутбук, который прошлым летом получила в подарок от изобретателя Дедала.

Я откашлялся.

— Так ты... добыла какие-нибудь интересные сведения из этой коробочки?

— И еще сколько! — воскликнула она. — У Дедала было столько идей, мне сто лет нужно, чтобы все их разложить по полочкам.

— Да, — пробормотал я. — Это будет забавно.

Аннабет собрала в кучу свои бумаги — в основном зарисовки зданий и кипу записок. Я знал, что она хочет стать архитектором, но, раз получив хороший урок, больше никогда не спрашивал у нее, над чем она работает. Иначе она пошла бы нести всякую чушь про углы и точки опоры, пока у меня глаза на лоб не повылазили.

— Знаешь... — сказала Аннабет, убирая волосы за ухо, что она обычно делает, когда нервничает. — Вся эта история с Бекендорфом и Силеной. Она... заставляет задуматься. О том... что важно. О потере людей, которые для тебя важны.

Я кивнул. Мой мозг начал фиксировать всякие случайные подробности, например то, что она все еще носит серебряные сережки в виде сов — их подарил ей отец. Он у нее такой башковитый мужик — профессор военной истории в Сан-Франциско.

— Гм... да, — неуверенно пробормотал я. — Это... у тебя дома все в

порядке?

Ну да, ну да, совсем идиотский вопрос, но я же нервничал, черт меня раздери! Аннабет посмотрела на меня разочарованным взглядом, но кивнула.

— Отец хотел взять меня в Грецию этим летом, — задумчиво сказала она. — Я всегда хотела увидеть...

— Парфенон, — вспомнил я.

— Ну да. — Она натянуто улыбнулась.

— Ничего. Не последнее ведь лето.

Не успел я это сказать, как понял, что сморозил глупость. Я был на пороге гибели. Через неделю Олимп может пасть. Если эпоха богов и в самом деле заканчивалась, то мир, который мы знали, должен был погрузиться в хаос. На полукровок будет объявлена охота до тех пор, пока нас не изведут всех до единого. Летних каникул у нас больше не предполагается.

Аннабет уставилась в свой свиток.

— Три из пяти баллов, — пробормотала она, — из-за того, что староста — идиотка. Идем. Покончим с твоими докладами и вернемся к Хирону.

На пути к Большому дому мы прочли последнее сообщение — оно было написано от руки на кленовом листе. Прислал его сатир из Канады. Хотя настроение у меня и так было хуже некуда, но, прочтя написанное, я почувствовал себя еще хуже.

— «Дорогой Гроувер, — прочел я вслух, — леса вокруг Торонто подверглись нападению злобного гигантского барсука. Попытался действовать по твоему совету и призвать на помощь силы Пана. Без толку. Многие деревья наяд уничтожены. Отступаем к Оттаве. Ждем совета. Где ты? Глисон Хедж, протектор».

Аннабет нахмурилась.

— Ты получал от Гроувера хоть какие-нибудь известия? Ну хоть по твоей эмпатической связи?

Я отрицательно покачал головой.

Начиная с прошлого лета, когда умер бог Пан, наш друг Гроувер уходил во все более далекие походы. Совет козлоногих старейшин объявил его отщепенцем, но Гроувер продолжал прочесывать Восточное побережье, пытаясь рассказать о Пане и убедить духов природы защитить их собственные малые клочки дикой чащи. Он приходил в лагерь всего несколько раз, чтобы повидаться со своей девушкой Можжевелькой.

Последнее известие о нем пришло из Центрального парка — он там

организовывал дриады, но вот уже два месяца от него не поступало никаких известий. Мы пытались связаться с ним почтой Ириды, но послания до него не доходили. У меня с Гроувером была эмпатическая связь, и поэтому я думал, что, случись с ним беда, мне станет об этом известно. Гроувер как-то раз сказал мне, что если он умрет, то эмпатическая связь может убить и меня. Но я не был уверен, оставалось ли это до сих пор в силе или нет.

«Может быть, он все еще на Манхэттене?» — спрашивал я себя.

Потом я вспомнил свой сон и про набросок Рейчел — темные тучи смыкаются над городом, армия, собравшаяся у Эмпайр-стейт-билдинга...

— Аннабет! — Я остановил ее у площадки для игры в тезербол.^[4] Я понимал, что напрашиваюсь на неприятности, но не знал, кому еще можно довериться. И потом я всегда полагался на ее советы. — Слушай, мне приснился такой странный сон про Рейчел...

Я рассказал ей все, даже про странную картинку, изображающую Луку в детстве.

Некоторое время она молчала, потом так плотно скрутила свой свиток с отметками, что он даже порвался.

— И что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

— Не знаю. Ты лучшая из всех известных мне стратегов. Если бы ты была Кроносом и планировала эту войну, то каким бы был твой следующий шаг?

— Я использовала бы Тифона для отвлекающего маневра. А потом нанесла бы удар по Олимпу, пока боги находятся на Западе.

— Точно так, как на картинке Рейчел.

— Перси, — сказала она звенящим голосом. — Рейчел всего лишь смертная.

— Но что, если ее сон говорит правду? Ведь, судя по словам тех других титанов, и Олимп будет уничтожен в течение нескольких дней. Они говорили, что у них масса других вариантов. А что с этой картинкой Луки в детстве...

— Мы просто должны быть готовы.

— Каким образом? — спросил я. — Ты посмотри на лагерь. Мы даже с внутренними распрями не можем покончить. А тут еще мою дурацкую душу должны забрать.

Аннабет швырнула на землю свиток.

— Я знала, что нельзя тебе показывать это пророчество! — Голос у нее был сердитый и уязвленный. — Оно тебя только напугало. А ты, когда напуган, пытаешься от всего спрятаться.

Я, совершенно ошарашенный, уставился на нее.

— Я? Спрятаться?

— Да, ты. — Она смотрела мне прямо в глаза. — Ты — трус, Перси Джексон!

Мы стояли нос к носу. Глаза у нее были красные, и я вдруг понял, что, называя меня трусом, она, возможно, не имела в виду пророчество.

— Если тебе кажется, что наши шансы невелики, то, может, тебе лучше отправиться вместе с Рейчел на каникулы? — сказала она.

— Аннабет...

— Если тебя не устраивает наша компания.

— Это несправедливо!

Она метнулась мимо меня в сторону полей клубники. По пути пнула тезербол, и он сердито закрутился вокруг шеста.

Хотелось бы сказать, что с этого момента настроение у меня стало улучшаться. Но этого, конечно, не случилось.

В этот день у нас намечалось собрание у костра — мы должны были сжечь саван Бекендорфа и проститься с нашим товарищем. Даже домики Ареса и Аполлона по такому случаю заключили временное перемирие.

Саван Бекендорфа был сделан из металлических звеньев наподобие кольчуги. Я не понимал, как он будет гореть, но, видимо, тут нам помогали парки. Металл расплавился в огне и, превратившись в золотистый дымок, устремился в небо. Пламя костра всегда отражало настроение обитателей лагеря, и сегодня его языки были черного цвета.

Я надеялся, что дух Бекендорфа окажется в Элизиуме. Может быть, он даже решит возродиться и проживет три жизни, чтобы добраться до Островов блаженных, а ведь это в царстве мертвых что-то вроде генерального штаба. Уж если кто это заслужил, то в первую очередь — Бекендорф.

Аннабет ушла, не сказав мне ни слова. Большая часть обитателей лагеря тоже разошлись по своим делам, а я стоял, уставившись в догорающий костер. Силена сидела рядом и плакала, а Кларисса со своим бойфрендом Крисом Родригесом пытались ее утешить.

Наконец я набрался мужества и подошел к ним.

— Привет, Силена. Я тебе очень сочувствую.

Она шмыгнула носом. Кларисса сердито посмотрела на меня, но она всегда на всех смотрит сердито. Крис даже не повернулся в мою сторону. Он входил в команду Луки, пока Кларисса не спасла его из Лабиринта прошлым летом, и я думаю, Крис до сих пор чувствует себя виноватым.

Я откашлялся.

— Силена, знаешь, у Бекендорфа была твоя фотография. Он смотрел на нее перед тем, как у нас там все началось. Ты очень много для него значила. Благодаря тебе прошедший год стал лучшим в его жизни.

Силена зарыдала.

— Ну ты и умник, Перси, — пробормотала Кларисса.

— Нет, ничего, — прошептала Силена. — Спасибо... спасибо тебе, Перси. Я пойду.

— Давай я побуду с тобой, — предложила Кларисса.

Силена отрицательно покачала головой и побежала прочь.

— Она сильнее, чем кажется, — пробормотала Кларисса так тихо, словно говорила сама с собой. — Ничего, справится.

— Ты могла бы ей помочь, — сказал я. — Ты могла бы почтить память Бекендорфа, сражаясь вместе с нами.

Кларисса схватилась было за нож, но его на поясе больше не было — она швырнула его на стол для настольного тенниса в Большом доме.

— Это не моя проблема, — прорычала она. — Если мои ребята не получают того, что заслуживают, я не сражаюсь.

Я заметил, что она не говорит в рифму. Может быть, ее не было поблизости, когда ее соплеменники подверглись проклятию, а может, она знала способ разрушать это колдовство. Меня мороз подрал по коже, когда я подумал, что, может, Кларисса и есть шпион Кроноса в лагере. Но какую бы неприязнь я ни питал к Клариссе, шпионить на титанов — это было совсем не в ее духе.

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Я не хотел об этом говорить, но за тобой должок. Если бы не я, то ты бы теперь гнила в пещере циклопов в Море чудовищ.

Она стиснула зубы.

— Проси о чем угодно, Перси, только не об этом. Домик Ареса слишком часто подвергался унижениям. И не думай, будто я не знаю, что люди говорят обо мне за глаза.

Я хотел сказать: «Что ж, разве это не правда?» Но прикусил язык.

— И что же ты — будешь спокойно смотреть со стороны, как Кронос нас уничтожит? — спросил я.

— Если вам так нужна моя помощь, скажи отпрыскам Аполлона — пусть отдадут нам колесницу.

— Ты прямо как ребенок.

Она бросилась было на меня, но между нами встал Крис.

— Тихо, ребята, — сказал он. — Кларисса, знаешь, он, может, в чем-то и прав.

— И ты туда же? — Она презрительно посмотрела на него.

Потом устало повернулась и пошла прочь — Крис бросился следом.

— Эй, постой! Я только хотел сказать... Кларисса, подожди!

Я проследил, как последние искорки Бекендорфова костра улетают в закатное небо, а потом направился на арену для фехтования. Мне нужно было передохнуть, и я хотел увидеть старого друга.

Глава пятая

Я загоняю свою собаку в дерево

Миссис О'Лири увидела меня раньше, чем я ее; отличная работа, если учесть ее размеры — примерно с мусоровоз. Я вышел на площадку — и стена темноты навалилась на меня.

— ГАВ-ГАВ!

Следующее, что я помню: я лежу на земле, на груди у меня стоит здоровенная лапа, и лицо мне лижет громадный язык — жесткий, как терка.

— Ой-ой-ой, — сказал я. — Привет, девочка. Рад тебя видеть.

Миссис О'Лири понадобилось несколько секунд, чтобы успокоиться и убраться с меня. К тому времени я был весь в собачьих слюнях. Ей хотелось поиграть, и я, подобрав бронзовый щит, швырнул его в угол площадки.

Кстати, Миссис О'Лири — единственная дружелюбная адская гончая в мире. Я вроде как получил ее в наследство, когда умер ее прежний владелец. Она жила в лагере, и Бекендорф... бедняга... если я отсутствовал, то заботился о ней Бекендорф. Это он выплавил бронзовую косточку, которую так полюбила Миссис О'Лири. Он выковал для нее ошейник с улыбающейся мордашкой и именную бирку в виде скрещенных костей. После меня лучшим ее другом был Бекендорф.

Вспомнив об этом, я снова загрустил, но все еще несколько раз забрасывал щит подальше, потому что Миссис О'Лири хотелось играть.

Вскоре она начала лаять. Лай ее был чуть громче артиллерийской канонады — так она обычно просила ее выгулять. Другие обитатели лагеря вовсе не находили забавным, если она забежала в уборную на площадке. Это, как правило, приводило к многочисленным падениям и ушибам. Поэтому я распахнул калитку, и Миссис О'Лири понеслась к лесу.

Я затрусил следом, не очень беспокоясь о том, что она убежала далеко вперед. В лесу Миссис О'Лири нечего опасаться. Даже драконы и гигантские скорпионы убегали при ее приближении.

Когда я наконец догнал ее, оказалось, что она вовсе не пользуется лесными удобствами. Она топталась на знакомой мне полянке, где когда-то Совет козлоногих старейшин подверг испытанию Гроувера. Вид у этого местечка стал не очень привлекательный. Трава пожелтела. С трех тронов из подстриженных кустов опали все листья. Но удивило меня не это. В

середине этой прогалины стояла самая необычная троица, какую мне доводилось видеть: древесная нимфа Можжевелка, Нико ди Анджело и очень старый и очень толстый сатир.

Казалось, один Нико не испугался Миссис О'Лири. Вид у него был такой же, каким я видел его во сне, — в летной куртке, черных джинсах и футболке с танцующими на ней скелетами вроде тех, что видишь на картинках, изображающих День мертвецов. Меч стигийской стали висел у него на боку. Нико едва исполнилось двенадцать, но выглядел он гораздо старше и печальнее, чем обычно выглядят ребята в его возрасте.

Увидев меня, он кивнул, а потом снова принялся чесать за ухом у Миссис О'Лири. Она обнюхивала его ноги, словно он был самым интересным блюдом на свете после стейков на ребрышках. Как сын Аида, он, вероятно, путешествовал по разным местам, облюбованным адскими гончими.

Что касается старого сатира, то появление Миссис О'Лири его совсем не порадовало.

— Может, кто-нибудь... Что это существо из Царства мертвых делает в моем лесу?! — Он взмахнул руками и принялся перебирать копытами так, словно трава под ним загорелась. — Эй, Перси Джексон, это твоя зверюга?

— Извини, Леней, — сказал я. — Тебя ведь так зовут?

Сатир закатил глаза. Его сероватый мех весь пропылился, а между рогов сплел паутину паук. И вообще с таким животом он мог бы работать бампером для автомобиля.

— Конечно, меня зовут Леней! Только не говори мне, что так быстро забыл члена совета. А теперь убери отсюда эту псину!

— ГАВ! — довольно пролаяла Миссис О'Лири.

Старый сатир судорожно сглотнул.

— Пусть эта животина уберется отсюда, Можжевелка! В таких условиях я не буду вам помогать!

Можжевелка повернулась ко мне. Она была красива на дриадский манер — в фиолетовом платье из газовой ткани и с личиком эльфа, — но хлорофилл заволок ее глаза зеленовато-болотным цветом, наверное, она плакала.

— Перси, — шмыгнула носом Можжевелка, — я как раз спрашивала про Гроувера. Я знаю — что-то случилось. Он никогда не пропадал так надолго — я чувствую, он попал в беду. Я надеялась, что Леней...

— Я тебе сказал! — возразил сатир. — Без этого предателя вам же будет лучше.

Можжевелка топнула ногой.

— Никакой он не предатель! Он смелейший из сатиров, и я хочу знать, где он!

— Гав!

Колени Ленея затряслись.

— Я... я не буду отвечать на вопросы, пока эта адская собака нюхает мой хвост!

У Нико был такой вид, будто он с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Я пойду выгуляю собачку, — вызвался он.

Он свистнул, и Миссис О'Лири потрусил за ним в дальний конец рощи. Леней возмущенно засопел и стряхнул веточки с рубашки.

— Так вот, юная дама, я пытался объяснить, что ваш дружок не дает о себе знать, потому как мы проголосовали за его изгнание.

— Это ты пытался проголосовать за его изгнание, — поправил его я. — Хирон и Дионис пресекли это.

— Ну, они же только почетные члены совета. Это было неправильное голосование.

— Я сообщу Дионису, что ты это сказал.

— Я только имел в виду... — Леней побледнел. — Послушай меня, Джексон, тебя этот вопрос не касается.

— Гроувер — мой друг. Он не лгал тебе о смерти Пана. Я сам это видел. Ты был слишком испуган, чтобы принять правду.

Губы Ленея задрожали.

— Нет! Гроувер — лжец, и слава богам, что мы от него избавились. Без него нам лучше.

Я показал на завядшие троны.

— Если дела идут так хорошо, то где твои друзья? Похоже, твой совет в последнее время не собирался.

— Марон и Силен... Я... я уверен, что они вернутся, — сказал он, но в голосе его звучала паника. — Они просто взяли паузу, чтобы подумать. Год был очень тревожный.

— Он будет еще тревожнее, — пообещал я. — Леней, нам необходим Гроувер. Наверняка ты можешь его найти с помощью своего волшебства.

Веки старого сатира задергались.

— Я тебе говорю — я ничего не слышал. Возможно, он мертв.

Можжевелька едва сдержала рыдание.

— Он не мертв, — сказал я. — Уж это-то я точно чувствую.

— Эмпатическая связь, — с отвращением выдохнул Леней. — Очень ненадежная вещь.

— Тогда поспрашивай, — настаивал я. — Найди его. Надвигается война. Гроувер готовил духов природы.

— Без моего разрешения! И это не наша война.

Я схватил его за отвороты рубашки, что было на меня вовсе не похоже, но этот старый козел меня достал!

— Послушай, Леней, когда Кронос начнет атаку, он спустит с цепи целую свору адских гончих. Он будет уничтожать все, что попадется на его пути, — смертных, богов, полубогов. Ты думаешь, он не тронет сатиров? Ты считаешься вожаком. Так ВЕДИ! Выйди и посмотри, что происходит. Найди Гроувера и принеси какие-нибудь известия для Можжевелки. А теперь ИДИ!

Я толкнул его не очень сильно, но у него, кажется, сместился центр тяжести, и он рухнул на мохнатые ягодицы, потом поднялся на копыта и припустил прочь — его животик подпрыгивал на бегу.

— Гроувер никогда не будет принят! Он умрет изгнанником!

Он исчез в кустах. Можжевелка вытерла глаза.

— Извини, Перси, я не хотела тебя втягивать в это. Леней ведь все еще владыка чащи. Не хватало тебе в его лице заполнить врага.

— Ну, это не беда. У меня есть враги и похуже, чем растолстевшие сатиры.

Вернулся Нико.

— Отличная работа, Перси. Судя по следу козлиных шариков, я бы сказал: нагнал ты на него страху.

Я, к несчастью, догадывался, зачем здесь оказался Нико, но попытался выдавить улыбку.

— С возвращением. Ты заглянул, чтобы увидаться с Можжевелкой?

— Гм, нет. — Он зарделся. — Так случайно вышло. Я типа... ну, наткнулся на них во время разговора.

— Он нас до смерти напугал, — попыталась улыбнуться Можжевелка. — Вдруг откуда ни возьмись. Но, Нико, ты ведь все-таки сын Аида. Ты уверен, что ничего не слышал про Гроувера?

Нико переступил с ноги на ногу.

— Можжевелка, я тебе пытался объяснить... даже если Гроувер умер, он все равно бы возродился в чем-нибудь живом. Я таких вещей не вижу — только смертные души.

— Но если ты все же что-то услышишь? — взмолилась она, кладя пальцы на его руку. — Ну хоть что-нибудь?

Щеки Нико зарделись еще сильнее.

— Нет вопросов. Буду держать ушки на макушке.

— Мы его найдем, Можжевелка, — пообещал я. — Гроувер жив, я ничуть не сомневаюсь. Должно быть какое-то простое объяснение, почему он не выходит на связь.

Она печально кивнула.

— Это ужасно, что я не могу покинуть лес. Он может быть где угодно, а я не могу двинуться с места. Жду. А что, если этот глупый козлик ранен...

Прискакала Миссис О'Лири и стала проявлять интерес к платью Можжевелки. Та вскричала:

— Нет-нет, не смей! Я знаю, как собаки пользуются деревьями... я ухожу!

Она исчезла в зеленом тумане. Вид у Миссис О'Лири был разочарованный, но она поплелась искать другой объект, оставив меня и Нико с глазу на глаз.

Нико поковырял мечом землю, и оттуда появился холмик звериных косточек. Они сложились в скелет полевой мышки, которая тут же припустила прочь.

— Я слышал про Бекендорфа... Мне очень жаль.

— Как ты... — У меня комок подступил к горлу.

— Я говорил с его духом.

— Ах так... — Я никак не мог привыкнуть к тому, что этот двенадцатилетний парнишка больше говорит с мертвецами, чем с живыми. — Он что-нибудь говорил?

— Он тебя не винит. Он решил, что ты будешь изводить себя, и просил передать — не стоит.

— Он будет пытаться возродиться?

Нико покачал головой.

— Он остается в Элизиуме. Сказал, что ждет там кое-кого. Не знаю, что он имел в виду, но вроде смерть его не слишком беспокоит.

Меня это не очень утешило, но все же лучше, чем ничего.

— Мне было видение — ты на горе Тамалпаис, — сказал я Нико. — Ты там был?..

— Был, — отозвался он. — Я не собирался шпионить за титанами, но я оказался поблизости.

— И что ты там делал?

— Да так, была там одна наводка... — Нико поправил пояс. — Ну, ты знаешь, это связано с моей семьей.

Я кивнул. Мне было известно, что его прошлое — тема болезненная. Еще два года назад он и его сестра Бьянка застряли во времени в месте, называемом казино «Лотос». Они там провели лет семьдесят. В конечном

счете их спас один таинственный адвокат, который отправил их в школу-пансион, но у Нико не сохранилось никаких воспоминаний о его жизни до казино. Он ничего не знал о своей матери. Он не знал, кто этот адвокат, или почему они были заморожены во времени, или почему их освободили. С тех пор как Бьянка умерла и Нико остался один, он не находил себе покоя — искал ответ на эти вопросы.

— Ну и как у тебя дела? — спросил я. — Узнал что-нибудь?

— Нет, — пробормотал он. — Но скоро, возможно, у меня будет новая наводка.

— И что за наводка?

Нико пожевал губу.

— Сейчас это не имеет значения. Ты знаешь, почему я здесь.

Неприятный холодок страха сжал грудь. С того самого дня прошлым летом, когда Нико предложил свой план, как победить Кроноса, меня по ночам мучили кошмары. Нико время от времени появлялся и пытался выжать из меня решение, но я всегда умудрялся отделяться от него.

— Нико, я не знаю, — ответил я. — Это кажется уж совсем крайняя мера.

— Тут Тифон появится... когда? Через неделю? Большинство других титанов тоже на свободе, и все они на стороне Кроноса. Может, пора уже переходить к крайним мерам?

Я оглянулся в сторону лагеря. Даже с такого расстояния было слышно, что между домиками Ареса и Аполлона продолжается ссора, они сыпали проклятиями и выкрикивали дурацкие куплеты.

— Против армии титанов — они ничто... ты сам это знаешь. Все решится в битве между тобой и Лукой. А победить Луку ты можешь единственным способом.

Я вспомнил схватку на «Принцессе Андромеде». Я безнадежно проиграл. Кронос чуть не убил меня одной-единственной царепинкой, а мне даже ранить его не удалось. Анаклузмос отскакивал от его кожи.

— Мы можем дать тебе такую же силу, — убеждал меня Нико. — Ты слышал великое пророчество. Если ты не хочешь, чтобы твою душу забрал окающий клинок...

«Интересно, откуда Нико известно про это пророчество, — подумал я. — Возможно, от какого-нибудь призрака...»

— Пророчество нельзя изменить...

— Но ты можешь бороться с ним. — Глаза Нико горели каким-то странным хищным светом. — Ты можешь стать неуязвимым.

— Может, стоит подождать. Попытаться драться без...

— Нет! — отрезал Нико. — Это нужно сделать сейчас!

Я уставился на него. Давно я не видел, чтобы он так кипятился.

— Слушай, ты как вообще — в порядке?

Нико глубоко вздохнул.

— Перси, я только хочу сказать... когда начнется большая драка, мы не сможем совершить это путешествие. Это наш последний шанс. Извини, если я слишком на тебя давя, но два года назад моя сестра отдала свою жизнь, чтобы тебя защитить. Я хочу, чтобы ты с уважением относился к этому. Сделай все для того, чтобы остаться живым и победить Кроноса.

Мне эта идея не нравилась. Потом я вспомнил об Аннабет — как она назвала меня трусом — и рассердился.

Нико трудно было отказать в логике. Если Кронос нападет на Нью-Йорк, то обитатели лагеря ничего не смогут ему противопоставить. Я должен принять какое-то решение! Предложение Нико было опасным, может, даже смертельно опасным. Но оно могло дать мне преимущество в схватке.

— Ну хорошо, — решил я. — Так с чего мы начнем?

Увидев его холодную, зловещую улыбку, я пожалел, что согласился.

— Для начала мы должны проследить шаги Луки. Мы должны больше узнать о его прошлом, о его детстве.

Меня пробрала дрожь, когда я вспомнил о картинке Рейчел в моем сне — улыбающийся девятилетний Лука.

— Зачем нам это нужно знать?

— Объясню, когда доберемся, — помотал головой Нико. — Я уже нашел его мать. Она живет в Коннектикуте.

Я уставился на него. Никогда особо не задумывался о смертной родительнице Луки. С его отцом, Гермесом, я встречался, но его мать...

— Лука убежал, когда был совсем мальчишкой, — сказал я. — Я и не знал, что его мать жива.

— Живехонька. — Нико произнес это таким тоном, что у меня возникли сомнения: все ли с ней в порядке? Может, она какая-нибудь жуткая карга?

— Ну хорошо... Так как нам попасть в Коннектикут? Я могу позвать Пирата...

— Нет. — Нико насупился. — Пегасы меня не любят. И это чувство взаимно. Но лететь туда нет необходимости. — Он свистнул, и из леса прискакала Миссис О'Лири.

— Вот твоя подружка нам поможет. — Нико потрепал ее по голове. — Ты еще не совершал путешествий по теням?

— Путешествий по теням?

Нико прошептал что-то на ухо Миссис О'Лири. Она наклонила голову и внезапно насторожилась.

— Давай усаживайся, — скомандовал Нико.

Я никогда раньше не рассматривал собаку в качестве транспортного средства, но Миссис О'Лири была достаточно велика. Я забрался ей на спину и ухватился за ошейник.

— Для нее это будет очень утомительно, — предупредил меня Нико, — так что злоупотреблять этим нельзя. И лучше всего это действует по ночам. Все тени — часть одной и той же субстанции. Есть только одна темнота, и создания Царства мертвых могут использовать ее как дорогу или дверь.

— Не понимаю.

— Конечно, — ответил Нико. — Мне самому много времени понадобилось, чтобы понять. Но Миссис О'Лири знает. Ты ей скажи, куда тебе надо. Скажи ей: «Уэстпорт, дом Мей Кастеллан».

— А ты не со мной?

— Ты не беспокойся. Я тебя там встречу.

Я немного нервничал, но пригнулся к уху Миссис О'Лири.

— Слушай меня, девочка. Ты можешь доставить меня в Уэстпорт, штат Коннектикут? Дом Мей Кастеллан?

Миссис О'Лири понюхала воздух, посмотрела во мрак леса, а потом прыгнула вперед — прямо на дуб перед нами.

Но перед тем как удариться о дерево, мы перешли в область тени, холодной, как обратная сторона луны.

Глава шестая Подгоревшее печенье

Не рекомендую вам путешествий по теням, если вы боитесь:

- а) темноты;
- б) мурашек на спине;
- в) странных звуков;
- г) скорости, при которой вам кажется, что у вас с лица облезает кожа.

Иными словами, это было ужасно. Целую минуту я вообще ничего не видел, только чувствовал мех Миссис О'Лири и свои пальцы, вцепившиеся в бронзовые колечки ошейника.

В следующую минуту тени образовали новый ландшафт. Мы оказались на утесе в коннектикутской глубинке. По крайней мере, это было похоже на Коннектикут по моим воспоминаниям — я раза два был там, — много деревьев, низкие каменные стены, большие дома. По одну сторону утеса виднелось шоссе, проложенное в ущелье. По другую — чей-то задний двор. Участок был громадный и весь дикий, неухоженный. Дом — двухэтажный, белый, в колониальном стиле. И хотя расположился он по другую сторону холма от шоссе, ощущение возникало такое, будто он находится черт знает где. Под старой яблоней стояли заржавевшие железные качели. Я увидел свет в кухонном окне.

Я представить себе не мог, как можно жить в таком доме, у которого есть настоящий двор и все такое. Лично я всю жизнь прожил в маленькой квартирке в многоэтажке или в школьном общежитии. Если это дом Луки, то непонятно, с чего это он надумал дать отсюда деру.

Миссис О'Лири оступилась, и я вспомнил, что Нико предупреждал меня: путешествия по теням для нее утомительны. Поэтому я сполз со спины собаки, а она зевнула во всю свою огромную зубастую пасть, которая напугала бы и тираннозавра, потом повернулась вокруг своей оси и грохнулась на травку с такой силой, что земля вокруг сотряслась.

Рядом со мной появился Нико — бесшумно, словно тени сгустились и сотворили его. Он было оступился, но я подхватил его под руку.

— Я ничего, — выдавил он, протирая глаза.

— Как ты это сделал?

— Практика. Несколько раз врезался в стены. Пару раз случайно попал в Китай.

Миссис О'Лири принялась храпеть. Если бы по шоссе с ревом не неслись машины, то она тут всех перебудила бы.

— Ты тоже собираешься вздремнуть? — спросил я у Нико.

Он покачал головой.

— После моего первого путешествия по теням я вырубился на неделю. А теперь меня только немного клонит в сон... правда, я могу делать это не чаще двух раз в неделю. Миссис О'Лири какое-то время должна будет тут полежать.

— Значит, нам придется приятно проводить время в Коннектикуте. — Я посмотрел на дом в колониальном стиле. — Ну, так что теперь?

— Давай позвоним в дверь, — предложил Нико.

Будь я матерью Луки, я бы не открыл дверь на ночь глядя двум незнакомым парням. Но, как выяснилось, у нас с ней не было ничего общего.

Я это понял, еще когда мы не успели добраться до ее крыльца. Вдоль тропинки стояли игрушечные фигурки зверушек, какие продаются в сувенирных лавках. Тут были маленькие львы, поросята, драконы, гидры, даже маленький Минотавр в маленьких минотаврских трусиках. Судя по их жалкому виду, эти фигурки обосновались тут довольно давно — еще до таяния снега прошлой весной. У одной из гидр между шей пробивался росток дерева.

На входной двери висела уйма таких штук... их называют «музыка ветра». Блестящие стекляшки и металлические трубочки позвякивали от каждого дуновения. Медные полоски журчали, как ручейки, и я тут же понял, что мне бы не мешало забежать в туалет. И как только Миссис Кастеллан выносила весь этот шум!

Входная дверь была выкрашена в бирюзовый цвет. Фамилия Кастеллан была написана по-английски, а ниже по-гречески: Διοικητής Φρουρίου.

Нико посмотрел на меня.

— Ну, готов?

Он не успел постучать в дверь, как та распахнулась.

— Лука! — радостно воскликнула женщина.

У нее был вид человека, который любит совать пальцы в электрические розетки. Ее седые волосы торчали во все стороны, розовый халат был прожжен в сотне мест и весь засыпан пеплом. Когда она улыбалась, кожа у нее на лице неестественно растягивалась, а блеск в глазах — напряжение зашкаливало! — вызывал у меня вопрос: уж не слепая ли она?

— Ах, мой дорогой мальчик! — Она обняла Нико. Я попытался сообразить, почему это она приняла Нико за Луку (между ними не было

ничего общего), но тут она посмотрела на меня и сказала: — Лука!

Женщина начисто забыла о Нико и кинулась обнимать меня. Пахло от нее подгоревшим печеньем. Худая, как ворона, она, однако, так меня стиснула, что чуть не раздавила.

— Входи! — воскликнула она. — Завтрак тебе я уже приготовила!

Мать Луки пропустила нас внутрь. Гостиная имела еще более странный вид, чем газон перед входной дверью. Повсюду зеркала и свечи. Куда бы я ни бросил взгляд — всюду видел собственное отражение. Над камином маленький бронзовый Гермес летел над часовой стрелкой тикающих часов. Я попытался понять, как это бог-вестник и покровитель путешественников влюбился в такую старуху — нет, это было невозможно.

Потом я обратил внимание на фотографию, стоящую на каминной полке, и замер. Она один к одному повторяла набросок Рейчел — Лука в возрасте девяти лет, светлые волосы, широкая улыбка, двух зубов не хватает. Отсутствие шрама на лице делало его совсем другим — беззаботным и счастливым. Откуда Рейчел могла узнать об этой фотографии?

— Сюда, мой дорогой! — Миссис Кастеллан повела меня в глубину дома. — Я же им говорила, что ты вернешься. Я знала!

Она усадила нас за кухонный стол. На нем были навалены сотни — без преувеличения, сотни — пластиковых контейнеров с сэндвичами: хлеб с арахисовым маслом и джемом. Те, что внизу, позеленели от плесени, словно пролежали здесь сто лет. Такой же запах стоял в моем школьном шкафчике, когда я учился в шестом классе, — не самый хороший из ароматов.

На плите лежала целая стопка противней, и на каждом с десятков подгоревших печеньюшек. В раковине — гора пустых пакетиков из-под растворимого лимонада. У крана, словно охраняя весь этот кавардак, пристроилась игрушечная фигурка Медузы.

Миссис Кастеллан принялась напевать что-то себе под нос, делая новый сэндвич из арахисового масла и джема. В духовке что-то пригорало. Я понял, что сейчас будет готова новая партия печенья.

Над раковиной вокруг окна были расклеены картинки, вырезанные из журналов и газетной рекламы, — изображения Гермеса на логотипах различных компаний, картинки с жезлом, обвитым змеями, из медицинской рекламы.

Сердце у меня упало. Мне захотелось убраться отсюда подальше, но Миссис Кастеллан, готовя сэндвич, продолжала мне улыбаться, словно для того, чтобы я не сорвался с места и не исчез.

Нико откашлялся.

— Миссис Кастеллан?

— Мм?

— Нам нужно спросить у вас кое-что про вашего сына.

— Да-да! Они мне говорили, что он никогда не вернется. Но я-то лучше знала. — Она нежно потрепала меня по щеке, арахисовым маслом раскрасив мою физиономию на манер гоночного автомобиля.

— Когда вы его видели в последний раз? — спросил Нико.

Глаза ее сразу потускнели.

— Он был совсем маленький, когда ушел, — сказала женщина задумчиво. — В третьем классе. Слишком рано, чтобы убегать! Он сказал, что вернется к ланчу. И я ждала. Он любит сэндвичи с арахисовым маслом, печенье и растворимый лимонад. Он очень скоро вернется к ланчу... — Потом она посмотрела на меня и улыбнулась: — Лука, так ведь ты уже здесь! Ты такой красивый. У тебя отцовские глаза.

Миссис Кастеллан повернулась к изображению Гермеса над раковиной.

— Вот добрый человек. Вот уж воистину добрый. Он ведь меня навещает.

В соседней комнате тикали часы. Я стер арахисовое масло с лица и умоляющим взглядом посмотрел на Нико: «Ну, можем мы уже убраться отсюда?»

— Мэм, — сказал Нико, — что случилось... гм... с вашими глазами?

Взгляд у нее был какой-то расфокусированный, словно она пыталась увидеть Нико через калейдоскоп.

— Слушай, Лука, ты ведь знаешь всю эту историю. Это случилось перед самым твоим рождением, так я говорю? Я всегда была такая... особенная... могла видеть через этот... как они там его называют.

— Туман? — подсказал я.

— Да, дорогой. — Мать Луки одобрительно кивнула. — И они мне предложили важную работу. Вот какая я была необыкновенная!

Я метнул взгляд на Нико, но он был смущен не меньше меня.

— Какую работу? — спросил я. — И что случилось потом?

Миссис Кастеллан нахмурилась. Ее нож замер над арахисовым маслом.

— Ничего из этого не получилось. Твой отец меня предупреждал, чтобы я даже и не пробовала. Он говорил, что это слишком опасно. Но я должна была! Это была моя судьба! А теперь... Я все еще не могу выкинуть эти сцены из головы. От них все вокруг становится таким

расплывчатым. Хотите печенье?

Женщина вытащила противень из духовки и вывалила десяток сгоревших до углей комочков на стол.

— Лука был таким добрым, — пробормотала Миссис Кастеллан. — Он ушел, чтобы меня защитить. Он сказал, что, если уйдет, монстры перестанут мне угрожать. Но я ему сказала, что монстры мне и не угрожают! Они сидят весь день у дома на дорожке и никогда ко мне не заходят. — Она взяла маленькую Медузу с подоконника. — Правильно я говорю, Миссис Медуза. Ни малейшей угрозы — Миссис Кастеллан посмотрела на меня, и лицо ее засияло. — Я так рада, что ты вернулся. Я знаю, ты меня не стыдился!

Я заерзал на месте, представив себе, что я девятилетний или восьмилетний Лука, сижу за этим столом и начинаю понимать, что у моей матери в голове шариков не хватает.

— Миссис Кастеллан... — начал я.

— Мама, — поправила она меня.

— Гм, ну да. А вы видели Луку после того, как он ушел из дома?

— Конечно же!

Я не понял, то ли она воображает это, то ли так оно и было. Но я вполне мог себе представить, что каждый раз, когда почтальон приходил к ее дому, она принимала его за Луку. Но Нико с надеждой подался вперед.

— Когда? — спросил он. — Когда Лука приходил в последний раз?

— Это... это было... ой-ой-ой... — Лицо ее помрачнело. — В последний раз он выглядел совсем другим. Ужасный шрам, и голос исполнен такой боли...

— А глаза? — спросил я. — Они у него были золотые?

— Золотые? — Она моргнула. — Нет. Что за глупость? У Луки голубые глаза. Прекрасные голубые глаза.

Значит, Лука был-таки здесь, и это случилось до наступления прошлого лета. До того как он превратился в Кроноса.

— Миссис Кастеллан? — Нико дотронулся до руки старухи. — Это очень важно. Он у вас ничего не просил?

Она нахмурилась, словно пытаясь вспомнить.

— Моего... моего благословения. Как это мило. — Женщина неуверенно посмотрела на нас. — Он отправлялся на какую-то реку и сказал, что ему нужно мое благословение. И я не отказала ему. Конечно не отказала.

— Спасибо, мадам. — Нико торжествующе посмотрел на меня. — Именно эта информация нам и была...

Миссис Кастеллан тяжело вздохнула. Она согнулась, и противень с печеньем полетел на пол. Мы с Нико вскочили на ноги.

— Миссис Кастеллан! Что?..

— О-о-о-о! — Она с воплем выпрямилась.

Я отпрянул и чуть не рухнул на кухонный стол, потому что ее глаза... ее глаза светились зеленым сиянием.

— Мое дитя, — прохрипела она низким утробным голосом. — Его нужно защитить! Гермес, помоги! Только не мое дитя! Только не такая судьба... нет...

Она ухватила Нико за плечо и принялась трясти, словно для того, чтобы до него дошло.

— Не его судьба!

Нико издал сдавленный крик и, оттолкнув ее, схватился за рукоять своего меча.

— Перси, сматываемся!..

Миссис Кастеллан вдруг начала оседать на пол. Я бросился вперед, успел подхватить ее, прежде чем она ударилась об угол стола, и посадил на стул.

— Миссис Кастеллан?..

Она пробормотала что-то неразборчивое и покачала головой.

— Ой, беда. Я... я рассыпала печенье. Как это глупо с моей стороны.

Женщина моргнула, и ее глаза снова стали нормальными... точнее, такими, какими были прежде. Зеленое сияние исчезло.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Прекрасно, мой дорогой. Просто отлично. А почему ты спрашиваешь?

Я кинул взгляд на Нико, и он одними губами сказал: «Уходим».

— Миссис, вы хотели нам что-то сказать. Что-то о вашем сыне.

— Хотела? — мечтательно произнесла она. — Да, о его голубых глазах. Мы говорили о его голубых глазах. Такой красивый мальчик!

— Нам пора, — взволнованным голосом сказал Нико. — Мы скажем Луке... мы передадим ему привет от вас.

— Но вы не можете уйти!

Миссис Кастеллан нетвердо встала на ноги, и я отшатнулся от нее. Конечно, глупо было бояться хрупкую старуху, но по тому, как изменился ее голос, как она ухватила за плечо Нико...

— Скоро здесь будет Гермес, — пообещала она. — Он захочет увидеть своего мальчика.

— Может быть, в другой раз, — сказал я. — Спасибо вам за... — Я

опустил взгляд на сгоревшее печенье, разбросанное на полу. — Спасибо за все.

Мать Луки попыталась задержать нас, предложить растворимый лимонад, но я очень хотел поскорее убраться из этого дома. На крыльце она стремительно ухватила меня за кисть, и я чуть из штанов не выпрыгнул.

— Лука, ты хотя бы не лезь туда, где опасно. Обещай, что не будешь лезть, где опасно!

— Обещаю... мама.

Услышав это, Миссис Кастеллан улыбнулась, отпустила мое запястье, а когда закрывала дверь, я услышал, как она разговаривает со свечами: «Вы слышали? Он будет в безопасности. Я же вам говорила!»

Мы с Нико припустили бегом, и маленькие фигурки животных, казалось, ухмылялись, глядя на нас.

Вернувшись на утес, мы обнаружили, что Миссис О'Лири нашла себе приятеля.

В выложенном камнями кострище уютно потрескивал костер. Скрестив ноги, рядом с Миссис О'Лири сидела девочка лет восьми и почесывала адской гончей за ухом.

Девочка была какая-то невзрачная — тускло-коричневого цвета волосы и простое коричневое платьице. На голове повязан шарф, в котором она напоминала дитя первопроходцев, словно призрак из сериала «Домик в прериях»^[5] или чего-то в этом роде. Девочка тыкала в костер палкой, и тот, казалось, пламенел ярче, чем обычный огонь.

— Привет, — поздоровалась она.

Первая мысль, пришедшая мне в голову, — чудовище. Если вы полукровка и встречаете в лесу хорошенькую маленькую девочку, то обычно вам приходится вытаскивать меч и готовиться к отражению атаки. К тому же встреча с миссис Кастеллан здорово выбила меня из колеи.

Но Нико наклонился к девочке и сказал:

— Еще раз здравствуйте, госпожа.

Она смотрела на меня такими же красными глазами, как языки пламени. Я решил, что безопаснее всего будет поклониться.

— Садись, Перси Джексон, — велела она. — Обедать будете?

Аппетита у меня после сэндвичей с арахисовым маслом и горелого печенья не было вовсе, но девочка махнула рукой — и рядом с костром появился набор для пикника, изобилующий всякой всячиной: тарелки с ростбифами, печеной картошкой, морковкой, жаренной в масле, свежим хлебом и еще много такого, чего я сто лет не ел. В животе у меня заурчало.

Настоящая домашняя еда, какую вроде бы все должны есть, но никогда не едят. Девочка протянула Миссис О'Лири двухметровую собачью галету, которую та с удовольствием принялась раздирать на части.

Я сел рядом с Нико. Мы взяли еду, и я уже собрался было приступить к ужину, но тут меня осенило. Я бросил немного пищи в костер, как мы это делаем в лагере.

— Подношение богам, — пояснил я.

— Спасибо. — Девочка улыбнулась. — Я как хранитель огня получаю свою долю с каждого пожертвования.

— Теперь я тебя узнал. Когда я в первый раз появился в лагере, ты сидела у костра в центре общей площадки.

— Ты тогда не остановился, чтобы поговорить, — кивнула девочка. — К сожалению, большинство не останавливаются. А вот Нико со мной поговорил. Он был первым за долгие годы. Все бегут мимо. У них нет времени посетить семью.

— Тебя зовут Гестия, — вспомнил я. — Богиня семейного очага.

Она снова кивнула.

Так значит, выглядела она восьмилетней девочкой. Я не стал спрашивать почему. Я уже знал, что боги могут принимать любую внешность, какую хотят.

— Госпожа, — обратился к ней Нико, — почему ты вместе с другими богами не сражаешься против Тифона?

— В сражении от меня мало проку. — Красные глаза Гестии вспыхнули.

Я понял, что такой цвет у них не потому, что в них отражается огонь. Они изначально наполнены пламенем, но не как глаза Ареса. Глаза Гестии были теплыми и дружескими.

— И потом, кто-то должен поддерживать огонь в домашнем очаге, пока другие боги отсутствуют.

— Значит, ты охраняешь гору Олимп? — спросил я.

— «Охраняю» — это, может быть, слишком сильно сказано. Но если тебе требуется уютное местечко, чтобы отдохнуть, и домашняя еда, то добро пожаловать. А теперь ешьте.

На тарелке моей ничего не осталось — я и глазом моргнуть не успел. Нико умял содержимое своей тарелки с не меньшей скоростью.

— Вкуснотища! — похвалил я. — Спасибо, Гестия.

Она наклонила голову, а потом спросила:

— Как ваше посещение Мей Кастеллан — успешно прошло?

На несколько минут я начисто забыл о старушке с ее яркими глазами и

безумной улыбкой, забыл я и о том, как она вдруг стала словно бы одержимой.

— А что с ней такое? — спросил я.

— У нее дар от рождения, — пояснила Гестия. — Она может видеть сквозь Туман.

— Как у моей матери... — сказал я. А еще я подумал, что и как у Рейчел. — Но вот это свечение в глазах...

— Некоторые переносят проклятие, наложенное на зрение, лучше, чем другие, — печально проговорила богиня. — У Мей Кастеллан какое-то время было множество разных талантов. Она привлекла внимание самого Гермеса. У них родился хорошенький мальчик. Она была счастлива, но недолго. А потом она зашла слишком далеко...

Я вспомнил, что сказала миссис Кастеллан: «Они мне предложили важную работу. Ничего из этого не получилось». Что же это за работа такая, спрашивал я себя.

— То она была счастливая-пресчастливая, — предположил я. — То сходила с ума, волнуясь за сына, словно знала, что он превратился в Кроноса. Что случилось, отчего это с ней происходит такое раздвоение?

Лицо богини помрачнело.

— Я не хочу рассказывать эту историю. Но Мей Кастеллан слишком многое видела. Если ты хочешь понять твоего врага Луку, то ты должен понять его семью.

Я вспомнил о маленьких печальных изображениях Гермеса, расклеенных над раковиной в кухне Мей Кастеллан. А что, подумал я, неужели миссис Кастеллан чокнулась, когда Лука был маленький. Такие приступы с позеленением глаз могли серьезно напугать девятилетнего мальчишку. А если Гермес не посещал этот дом, если Лука все эти годы был один на один со своей матерью...

— Неудивительно, что Лука убежал, — сказал я. — Вообще-то он не должен был оставлять свою маму в таком состоянии... но ведь он был совсем еще мальчишкой. Гермес нехорошо поступил, бросив их.

Гестия поскребла за ухом у Миссис О'Лири. Адская гончая замахала хвостом от удовольствия и нечаянно сломала дерево.

— Судить других легко, — предостерегла меня Гестия. — А сам ты пойдешь по пути Луки? Будешь добиваться такого же могущества?

Нико поставил на землю свою тарелку.

— У нас нет выбора, моя госпожа. Только так у Перси появляется хоть какой-то шанс.

— Да?.. — Гестия раскрыла ладонь, и огонь в костре затрещал

сильнее.

Языки пламени взметнулись вверх метров на десять. Жар ударил мне в лицо, но огонь тут же вернулся в прежнее состояние.

— Не всякое могущество так эффектно. — Богиня посмотрела на меня. — Иногда труднее всего освоить искусство уступать. Ты мне веришь?

— Угу, — пробурчал я.

Я на что угодно был согласен, лишь бы она больше не демонстрировала тут свое умение управлять огнем.

Богиня улыбнулась.

— Ты хороший герой, Перси Джексон. Не слишком гордый. Мне такие нравятся. Но тебе нужно многому научиться. Когда Дионис стал богом, я уступила ему мой трон. Это был единственный способ избежать гражданской войны между богами.

— Это нарушило соотношение сил в совете, — вспомнил я. — Там неожиданно оказалось семь парней и пять девушек.

— Это было наилучшим выходом из положения, но не идеальным. Теперь я хранительница очага. Я потихоньку отхожу на второй план. Никто больше не будет писать эпических поэм о Гестии. Большинство полубогов даже не останавливаются, чтобы поговорить со мной. Но это не имеет значения. Я поддерживаю мир. Когда нужно — я уступаю. Ты на это способен?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Возможно, пока не понимаешь. — Богиня внимательно посмотрела на меня. — Но скоро поймешь. Вы продолжите то, что начали?

— Так ты для этого здесь — чтобы отговорить меня?

Гестия покачала головой.

— Я здесь, потому что, когда все остальные средства будут исчерпаны, когда все остальные могущественные боги отправятся сражаться, останусь только я. Дом. Очаг. Я — последний олимпиец. Принимая свое окончательное решение, ты должен вспомнить обо мне.

Мне не понравилось, как она это сказала — «окончательное».

Я посмотрел на Нико, потом снова заглянул в излучающие тепло глаза Гестии.

— Я должен продолжить начатое, моя госпожа. Я должен остановить Луку... я имею в виду Кроноса.

— Хорошо, — кивнула Гестия. — Вряд ли я чем-то смогу помочь тебе... только тем, что уже сказала. Но поскольку ты принес мне жертву, я могу вернуть тебя к твоему собственному очагу. Мы еще встретимся, Перси. На Олимпе.

Эти ее слова прозвучали зловеще, словно грядущая встреча не сулила нам никакой радости.

Богиня взмахнула рукой — и все исчезло.

И вдруг я оказался дома. Мы с Нико сидели на диване в квартире моей матери в Верхнем Ист-Сайде. Это была хорошая новость. Плохая состояла в том, что остальную часть гостиной занимала Миссис О'Лири.

Из спальни донесся приглушенный крик, потом я услышал голос Пола:

— Кто это тут поставил в дверях шерстяную стену?

— Перси? — услышал я голос матери. — Ты здесь? Ты здоров?

— Я здесь! — прокричал я в ответ.

— ГАВ! — Миссис О'Лири попыталась повернуться, чтобы увидеть мою мать, при этом она сбросила со стены все фотографии. Маму до этого она видела только раз (ну, это долгая история), но она ее любит.

Нам потребовалось несколько минут, чтобы решить эту проблему, но в конечном счете мы как-то все устроили. Уничтожив большую часть мебели в гостиной и, вероятно, перебудив всех соседей, мы извлекли моих предков из спальни и доставили в кухню, где и уселись за столом. Миссис О'Лири по-прежнему занимала всю гостиную, но голову просунула в кухонную дверь, чтобы видеть нас — это зрелище доставляло ей радость. Мама кинула ей пятикилограммовую упаковку говяжьего фарша, который тут же исчез в пасти. Пол налил всем остальным лимонад, а я принялся рассказывать про наше посещение Коннектикута.

— Значит, это правда. — Пол уставился на меня, будто видел в первый раз. На нем был его белый халат, теперь покрытый шерстью адской гончей, а его волосы, в которых пробивалась седина, торчали в разные стороны. — Все эти разговоры о монстрах и о том, что ты полубог... значит, это правда.

Я кивнул. Прошлой осенью я рассказал Полу, кто я такой. Мама подтвердила мои слова. Но я думаю, до этого момента он нам так толком и не верил.

— Я прошу прощения, что Миссис О'Лири разгромила гостиную...

Пол рассмеялся, словно это доставило ему удовольствие.

— Ты шутишь? Это потрясающе! То есть когда я увидел след копыта на «приусе», я подумал — ну, бывает. Но это!

Он потрепал Миссис О'Лири по морде. Гостиная сотряслась — бах, бах, бах, и это могло означать одно из двух: либо полицейский спецназ взламывал дверь, либо Миссис О'Лири виляла хвостиком.

Я не мог сдержать улыбку. Пол — классный парень, этого у него не отнимешь, хотя он при этом еще и мой учитель английского и по

совместительству отчим.

— Спасибо, что не спятили при нашем появлении, — сказал я.

— Я как раз в процессе, — ответил Пол, широко раскрыв глаза. — Мне кажется, это потрясающе!

— Ну, думаю, ты не будешь так уж радоваться, когда узнаешь, что происходит.

Я рассказал Полу и маме про Тифона и богов, о неминуемом сражении. Потом я поделился с ними планом Нико.

Мама обхватила пальцами стакан с лимонадом. На ней был ее старый голубой халат, волосы связаны сзади в пучок. Она недавно начала писать роман — сто лет уже собиралась, и я видел, что она засиделась за ним допоздна, потому что круги у нее под глазами темнели сильнее обычного.

У нее за спиной в ящике для цветов на кухонном окне светилось серебром «лунное кружево». Прошлым летом я привез это волшебное растение с острова Калипсо, и благодаря маминой заботе оно стало цвести как сумасшедшее. Его запах всегда меня успокаивал, но еще и навевал грустные мысли, напоминая о потерянных друзьях.

Мама глубоко вздохнула, словно собираясь сказать мне «нет».

— Перси, это опасно. Даже для тебя.

— Ма, я знаю, что могу умереть. Нико это объяснил. Но если мы не попытаемся...

— ...то умрем все, — закончил Нико. Он к своему лимонаду не прикоснулся. — Миссис Джексон, у нас нет ни одного шанса — мы бессильны, если начнется вторжение. А оно начнется.

— Вторжение в Нью-Йорк? — спросил Пол. — Неужели такое возможно? Как это может быть, что мы даже не видим... этих монстров?

Он произнес последнее слово так, словно не верил, что все это по-настоящему.

— Не знаю, — вздохнул я. — Я не представляю, как это Кронос мог бы взять и прийти на Манхэттен, но Туман силен. Тифон в этот самый момент продвигается на запад, а смертные думают, что это буря.

— Миссис Джексон, — настаивал Нико, — Перси нужно ваше благословение. Процесс должен начаться с вашего благословения. Я не был в этом уверен, пока мы не встретились с матерью Луки, но теперь у меня нет сомнений. Прежде такое только два раза заканчивалось успешно. И в обоих случаях матерям приходилось давать благословение. Она должна согласиться на то, что ее сын подвергнется риску.

— Ты хочешь, чтобы я благословила *это*? — Мама покачала головой. — Это безумие. Перси, прошу тебя...

— Мам, без тебя я не смогу это сделать!
— И если ты переживешь этот... этот процесс?..
— ...то отправлюсь сражаться. Я против Кроноса. И в живых из нас останется только один.

Я не стал рассказывать ей про остальную часть пророчества — о том, что моя душа будет забрана, и о конце моих дней. Ей не обязательно было знать, что я, вероятно, обречен. Я мог только надеяться, что, перед тем как умереть, остановлю Кроноса и спасу остальной мир.

— Ты мой сын, — с убитым видом проговорила мама. — Я не могу взять и...

Я видел: чтобы добиться ее согласия, нужно надавить на нее еще, но не хотел это делать. Я помнил несчастную миссис Кастеллан, которая ждет у себя на кухне возвращения сына. И я понял, как мне повезло. Моя мама всегда была рядом, всегда старалась облегчить мне жизнь, невзирая на всех богов и чудовищ. Она примирилась с моими бесконечными приключениями, но теперь я просил ее благословения на то, что вполне могло меня убить.

Я встретился взглядом с Полом, и между нами проскочила искра взаимопонимания.

— Салли. — Он прикоснулся к руке матери. — Я не могу сказать, будто знаю, что там происходило между тобой и Перси все эти годы. Но мне кажется... кажется, что Перси хочет совершить что-то благородное. Жаль, что мне не хватает смелости на такие вещи.

У меня комок подступил к горлу. Не часто приходилось мне слышать подобные слова в свой адрес!

Мама уставилась в свой стакан с лимонадом. Вид у нее был такой, будто она вот-вот заплачет. Я вспомнил, что говорила Гестия о том, как это трудно — уступать, и подумал: наверно, мама сейчас как раз осознает эту истину.

— Перси, — сказала она, — я даю тебе мое благословение.

Я не почувствовал никаких изменений. Никакой волшебный свет не залил кухню... ничего в этом роде. Я бросил взгляд на Нико.

Он казался взволнованным, но кивнул мне сухо:

— Пора.

— Перси... — проговорила мама, — последнее, что я хочу сказать тебе на прощание. Если ты... если ты останешься в живых после схватки с Кроносом — дай мне знать. — Она порылась в сумочке и вытащила свой сотовый.

— Ма... ну ты же знаешь, полукровки и сотовые...

— Я знаю, — прервала она меня. — Но на всякий случай. Если ты не сможешь позвонить... может, подашь знак, который будет виден с любого места на Манхэттене. Чтобы я знала: ты жив.

— Как Тезей, — подсказал Пол. — Он должен был поднять белые паруса, когда возвращался в Афины.

— Вот только он забыл, — пробормотал Нико. — И его отец в отчаянии спрыгнул с крыши дворца. Но в остальном идея была неплохая.

— А как насчет флага или сияния? — спросила мама. — С Олимпа — с Эмпайр-стейт-билдинга.

— Что-нибудь синее, — улыбнулся я.

У нас сто лет была такая дежурная шутка о синей еде. Синий — мой любимый цвет, и мама изо всех сил старалась доставить мне удовольствие. Мой торт на день рождения, моя корзиночка на Пасху, мои конфеты на Рождество — непременно были синими.

— Да, — согласилась мама. — Буду ждать синего сигнала. И постараюсь не прыгать с крыши дворца.

Она обняла меня напоследок. Я старался прогнать мысли о том, что прощаюсь с ней навсегда. Потом я пожал руку Полу, и мы с Нико подошли к кухонной двери и посмотрели на Миссис О'Лири.

— Извини, девочка, — сказал я. — Но нам предстоит еще одно путешествие по теням.

Она заскулила и обхватила лапами нос.

— Куда теперь? — спросил я у Нико. — В Лос-Анджелес?

— Нет, — ответил он. — В Царство мертвых есть вход и поближе.

Глава седьмая

Меня несет в когтях моя математичка

Мы возникли из теней в Центральном парке к северу от пруда. Миссис О'Лири с трудом перепрыгнула через груды камней. Она начала приюхиваться, и я испугался, как бы она не пометила территорию, но Нико сказал:

— Ничего страшного, она просто чувствует обратный путь домой.

— Через скалы? — Я нахмурился.

— В подземное царство есть два основных входа. Тебе известен лишь один — в Лос-Анджелесе.

— Лодка Харона?

Нико кивнул.

— Большинство душ направляются тем путем, но есть дорожка и поуже, и найти ее потруднее. Дверь Орфея.

— Это тот, который с арфой?

— Это тот, который с лирой, — поправил меня Нико. — Но это именно он. Он с помощью музыки очаровал землю и открыл новый путь в Царство мертвых. С помощью своих песен он пробрался во дворец Аида и чуть не ушел оттуда с душой своей жены.

Я вспомнил эту историю. Орфей не должен был оглядываться, выводя жену из царства Аида, но он не удержался — оглянулся. Это была одна из тех типичных историй типа «и тут они померли — занавес». У нас, полукровок, когда мы слушаем такие истории, всегда слезы на глазах.

— Значит, мы направляемся к двери Орфея. — Я сделал вид, что поражен, однако передо мной была всего лишь груды камней. — И как же она открывается?

— Нам нужна музыка, — сказал Нико. — Как у тебя с вокалом?

— С пением? О нет, только не это! А ты не можешь ей сказать, чтобы она просто открылась? Ведь ты как-никак сын Аида.

— Тут все не так просто. Нам нужна музыка.

Я точно знал: если я примусь петь, то начнется землетрясение.

— У меня есть предложение получше. — Я повернулся и позвал: — Гроувер!

Ждать пришлось долго. Миссис О'Лири свернулась калачиком и

задремала. Я слышал кузнечиков в лесу и уханье совы. С Сентрал-Парк-Уэст доносился шум машин. Где-то неподалеку слышалось цоканье копыт — может быть, наряд конной полиции. Наверняка они заинтересуются двумя парнями, ошивающимися в парке в час ночи, если заметят нас.

— Ничего из этого не выйдет, — сказал наконец Нико.

Но у меня было предчувствие. Впервые за несколько месяцев по моей эмпатической связи ощутимо слышался некий звон, а это означало одно из двух: либо на природный канал сразу переключилось много народу, либо Гроувер находился поблизости.

Я закрыл глаза и сосредоточился. «Гроувер!»

Я знал, что сатир находится где-то в парке. Почему я не чувствовал его эмоций? Я ощущал лишь слабое гудение в основании черепа.

«Гроувер!!!» — подумал я еще настойчивее.

«Хр-р-р-хр-р-р», — донеслось в ответ.

Перед моим мысленным взором появился образ. Я увидел гигантский вяз в чаще, вдали от нахоженных троп. Его корявые корни пронизывали землю, образуя что-то вроде постели, в которой, скрестив руки и закрыв глаза, лежал сатир. Поначалу я не был уверен, что это Гроувер. Он был забросан ветками и листьями, словно лежал там уже сто лет. Корни, казалось, оплели его, медленно затягивая в землю.

«Гроувер, — позвал я. — Проснись!»

«Хр-р-р-р-р-р-р-р».

«Братишка, ты весь в земле. Проснись!»

«Глаз не разъять», — пробормотал его разум.

«Еда! — пришло мне в голову. — Блинчики!»

Глаза его сразу же распахнулись. Поток мыслей внезапно передался мне, словно у Гроувера началась перемотка сознания. Этот образ задрожал, и я чуть не свалился на землю.

— Что случилось? — спросил Нико.

— Есть связь. Он... Он сейчас будет здесь.

Минуту спустя дерево рядом с нами затряслось, и с ветвей головой вниз свалился Гроувер.

— Ой-ой-ой! — воскликнул сатир.

— Ты как, жив, приятель?

— Ничего, жив еще. — Он потерял голову. Рожки у него подросли и теперь торчали из курчавых волос. — Я был в другом конце парка. Дриадам пришла в голову эта прекрасная мысль — перенести меня сюда по ветвям деревьев. Но у них не очень правильное представление о высоте.

Он усмехнулся и встал на ноги... точнее сказать, на копыта. С

прошлого лета Гроувер перестал делать вид, будто он человек. Он больше не носил шапки или ложноножки. Он даже джинсы больше не носил, поэтому от пояса у него начинались мохнатые козлиные ноги. На футболке у него красовалась картинка из книги «Где живут чудовища». Она была заляпана землей и пятнами смолы. Козлиная борода Гроувера стала гуще, почти как у взрослых людей, а по росту он теперь догнал меня.

— Рад тебя видеть, старина! Ты помнишь Нико?

Гроувер кивнул Нико, потом крепко обнял меня. От него пахло — как от свежескошенного газона.

— Пе-е-ерси! — проблеял сатир. — Я по тебе скучал. Скучал по лагерю. Там, в чаще, не подают хороших блинчиков.

— Я за тебя волновался, — сказал я. — Где ты пропадал последние два месяца?

— Последние два... — Улыбка сошла с лица Гроувера. — Последние два месяца? Ты это о чем?

— Ты пропал, — ответил я. — Можжевелька беспокоится. Мы отправляли послания почтой Ириды, но...

— Постой. — Он посмотрел на звезды, словно пытаясь вычислить что-то в уме. — Сейчас какой месяц?

— Август.

Лицо его побледнело.

— Это невозможно. Сейчас июнь. Я только прилег вздремнуть и... — Он схватил меня за руку. — погоди-ка, я вспомнил. Он меня вырубил. Перси, мы должны его остановить!

— О-па! — Я вскинул руки. — Не так быстро, парень. Ты расскажи, что случилось.

Сатир глубоко вздохнул.

— Я... я гулял по лесу. И потом вдруг земля задрожала, словно рядом было что-то мощное.

— Ты что, чувствуешь такие вещи?

— После смерти Пана я чувствую, если в природе что-то не так, — кивнул Гроувер. — Когда я в лесной чаще, у меня зрение и слух словно обостряются. Ну так вот, я пошел в ту сторону, откуда оно исходило, и увидел, что по парку идет мужик в длинном таком черном плаще. И еще я заметил, что он не отбрасывает тени. Полдень летнего дня, а у него нет тени. Он словно мерцал на ходу.

— Как мираж? — спросил Нико.

— Да, — ответил Гроувер. — И если он проходил мимо людей...

— ...то они вырубались, — подсказал Нико. — Свертывались

калачиком и засыпали.

— Именно! А когда он уходил, они вставали и шли дальше по своим делам, будто ничего и не случилось.

— Ты знаешь этого типа в черном? — Я уставился на Нико.

— Боюсь, что знаю... Гроувер, что случилось дальше?

— Я пошел за ним. А он все время поднимал голову и оглядывал здания вокруг парка, словно оценивал что-то. Потом появилась дама — она пробегала мимо трусцой и тоже свернулась калачиком, и захрапела на дорожке. А этот тип в черном приложил ей руку ко лбу, словно проверял у нее температуру. К тому времени я уже понял, что это чудовище, если не хуже. Я последовал за ним в эту рощу — к стволу большого вяза. Я собирался позвать дриад, чтобы они помогли мне его поймать, но тут он повернулся и... — Гроувер судорожно сглотнул.

— Перси, его лицо... я не мог разглядеть его лица, потому что оно изменялось. У меня глаза стали смыкаться, оттого что я смотрел на него. «Эй, что ты делаешь?» — спросил я. «Провожу рекогносцировку, — сказал он. — Перед сражением всегда нужно обозреть поле боя».

— Я ему сказал что-то такое умное, типа: «Этот лес находится под моей защитой. Я не допущу тут никаких сражений!» А он рассмеялся и сказал: «Тебе повезло, что я берегу энергию для главного события, маленький сатир. Я тебе дарю короткий сон. Приятных сновидений». И больше я ничего не помню.

— Гроувер, ты столкнулся с Морфеем, богом сна, — объяснил Нико. — Тебе повезло, что ты вообще проснулся.

— Два месяца, — простонал Гроувер. — Он погрузил меня в сон на целых два месяца!

Я попытался понять, что все это может означать. Теперь становилось ясно, почему мы не могли выйти на связь с Гроувером.

— А почему нимфы не попытались тебя разбудить? — спросил я.

Гроувер пожал плечами.

— Большинство нимф не в ладу со временем. Для них что два месяца, что три — все одно. Они, возможно, и не сообразили, что случилось.

— Мы должны понять, что нужно было Морфею в парке, — сказал я. — Не нравится мне это его «главное событие».

— Он работает на Кроноса, — пожал плечами Нико. — Нам это уже известно. Многие из малых богов перешли на его сторону. А это доказывает, что готовится вторжение. Перси, нам нужно торопиться с нашим планом.

— Погоди-ка, — встрепнулся Гроувер, — с каким это планом?

Мы ему рассказали, и Гроувер принялся щипать шерсть у себя на ноге.
— Вы что это — серьезно? — спросил он. — Нельзя снова отправляться в Царство мертвых.

— Я тебя с нами не зову, братишка, — улыбнулся я. — Я понимаю — ты только что проснулся. Но нам нужна какая-нибудь музыка, чтобы открыть дверь. Ты нам поможешь?

Гроувер вытащил свои свирели.

— Ну, попробовать можно. Я знаю несколько мелодий «Нирваны» — ими хоть камень дроби. Но, Перси... ты уверен, что тебе это нужно?

— Пожалуйста, братишка, — попросил я. — Это важно. Ради наших прежних деньков.

— Помнится мне, что в наши прежние деньки мы частенько бывали на волосок от смерти... — захныкал сатир. — Ну да ладно, посмотрим, что получится.

Он поднес свои дудки к губам и заиграл живую пронзительную мелодию. Камни задрожали. Еще несколько тактов, и они разошлись, обнажив треугольный ход.

Я заглянул внутрь. В воздухе стоял запах плесени и смерти. Вниз, в темноту, вели ступеньки. Это навеяло мне воспоминания о моем путешествии по Лабиринту в прошлом году, но сейчас туннель казался еще более опасным. Он вел прямо в царство Аида, а это почти всегда путешествие в один конец.

Я повернулся к Гроуверу.

— Ну, спасибо...

— Пе-е-ер-рси, неужели Кронос и в самом деле готовит вторжение?

— Хотелось бы мне сказать тебе что-нибудь другое. Но он и в самом деле готовит.

Я думал, что Гроувер примется грызть свои дудки от волнения, но он выпрямился и отряхнул футболку. «Как же он не похож на старого жирного Ленея», — невольно подумал я.

— Тогда я должен, наверное, созвать духов природы. Может, нам удастся помочь. Посмотрим, сможем ли мы найти Морфея.

— Ты лучше поскорее сообщи Можжевелке, что ты жив и здоров.

— Можжевелка! — Глаза у сатира расширились. — Она меня убьет.

Он припустил прочь, но вернулся и еще раз обнял меня.

— Ты там смотри осторожнее. Возвращайся живым!

Когда Гроувер исчез из вида, мы с Нико разбудили Миссис О'Лири.

Учуяв запах туннеля, она заволновалась и побежала впереди нас по ступенькам. Туннель размером был не намного больше ее, и мне

оставалось только надеяться, что она в нем не застрянет. Я и представить себе не мог, сколько нам понадобится смазочного масла, чтобы высвободить адскую гончую, которую заклинило в туннеле, ведущем в подземное царство.

— Готов? — спросил у меня Нико. — Все будет в порядке. Можешь не волноваться.

Голос у него звучал так, словно он пытался убедить себя самого.

Я поднял голову и посмотрел на звезды, спрашивая себя, увижу ли их снова, а потом мы нырнули в темноту.

У лестницы — узкой, крутой, скользкой, — казалось, не будет конца. Если бы не свечение, исходящее от моего меча, то темнота тут стояла бы полная. Я пытался идти медленно, но у Миссис О'Лири на сей счет было другое мнение. Она со счастливым лаем неслась вперед. Этот звук разносился по туннелю, как артиллерийская канонада, и не трудно было догадаться, что наше появление ни для кого там, внизу, не будет неожиданностью.

Нико плелся сзади, и мне это казалось странным.

— Эй, как ты там? — спросил я.

— Отлично. — Что означало это выражение на его лице... сомнение? — Ты давай, не останавливайся.

Особого выбора у меня не было. Я следовал в глубины земли за Миссис О'Лири. Прошел еще час, и я начал слышать рев реки.

Мы оказались у основания утеса в долине, усыпанной черным вулканическим песком. Справа от нас, рокоча на порогах, несла свои воды река Стикс. Слева, далеко во мраке, на крепостных валах Эреба — громадной черной стене, окружающей царство Аида, — горели огни.

Меня пробрала дрожь. В первый раз я побывал здесь в двенадцать лет, и только мои спутники — Аннабет и Гроувер — придавали мне силы, только благодаря им я смог двигаться дальше. От Нико в смысле «сил» ничего ждать не приходилось. У него самого вид был бледный и озабоченный.

Только Миссис О'Лири была счастлива. Она носилась вдоль берега, время от времени подхватывала какую-нибудь человеческую кость и мчалась ко мне. Опустив кость у моих ног, она ждала, что я сейчас буду с ней играть.

— Нет, девочка, может, попозже. — Я смотрел на черные воды, пытаюсь собрать все свое мужество.

— Ну, Нико... и как мы это сделаем?

— Сначала мы должны войти в ворота, — пробормотал он.

— Но река перед нами.

— Я должен достать кое-что... Это единственный способ.

И без дальнейших объяснений Нико зашагал прочь.

Я нахмурился. Нико раньше ничего не говорил ни о каких воротах. Но теперь, когда мы оказались здесь, мне ничего другого не оставалось — только подчиняться ему. Неохотно я последовал за ним вдоль берега к большим черным воротам.

Перед воротами стояла очередь мертвецов, дожидавшихся, когда их впустят. Наверно, в этот день было много похорон, потому что даже очередь к пропускному пункту «Легкая участь» еле двигалась.

— Гав! — веско высказалась Миссис О'Лири.

Я ее не успел остановить — она бросилась в проход. Из тьмы появился Цербер, собака, охраняющая Царство мертвых, — трехголовый ротвейлер такого размера, что рядом с ним Миссис О'Лири казалась карликовым пуделем. Цербер был полупрозрачным, а потому его трудно увидеть, пока он не приблизится настолько, что может тебя убить, но вел он себя так, словно ему до нас не было дела. Он прибежал поздороваться с Миссис О'Лири.

— Миссис О'Лири, нет, фу! — закричал я. — Не нюхай... о боже...

Нико улыбнулся, потом посмотрел на меня и сразу же снова посуровел, словно вспомнил что-то неприятное.

— Идем. Очередь нас не тронет. Ты со мной.

Мне это не понравилось, но мы прошли мимо скелетов-охранников и оказались в Полях асфodelей. Миссис О'Лири оставила Цербера только после моего третьего свиста и побежала за нами.

Мы брели через поля черной травы, время от времени на нашем пути попадались черные тополя. Если я и в самом деле умру через несколько дней, как об этом сказано в пророчестве, то могу оказаться в этих местах навсегда. Но я старался не думать об этом.

Нико шел впереди, и с каждым шагом мы приближались к дворцу Аида.

— Слушай, — сказал я, — мы уже и без того за воротами. Что мы...

Миссис О'Лири зарычала. Наверху появилась тень — что-то темное, холодное и пахнущее смертью. Оно опустилось на крону тополя.

К несчастью, я ее узнал. У нее были морщинистое лицо, жуткая синяя вязаная шапочка и помятое бархатное платье. Из спины торчали кожистые крылья, как у летучей мыши. На ногах — острые когти, а в пальцах с медными ногтями она держала пылающий хлыст и сумочку из клетчатой

материи.

— Миссис Доддс, — пробормотал я.

Фурия обнажила клыки.

— Добро пожаловать назад, зайчик.

Две ее сестры — другие фурии — тоже спустились и расселись на ветвях тополя.

— Ты знаешь Алектю? — спросил меня Нико.

— Если ты говоришь об этой карге в середине, то да — знаю, — сказал я. — Она была моей учительницей математики.

Нико кивнул, словно его это ничуть не удивило. Он посмотрел на фурий и глубоко вздохнул.

— Я сделал то, о чем меня просил отец. Доставьте нас во дворец.

— Постой-ка, Нико. — Я напрягся. — Что это ты...

— Мне жаль, Перси... но это моя новая ниточка. Отец обещал предоставить мне сведения о моей семье, но он хочет увидеть тебя прежде, чем мы полезем в реку. Извини.

— Ты меня обдурил?! — Я от злости даже соображать перестал.

Я бросился на Нико, но фурии оказались проворнее. Две из них спикировали и подхватили меня под мышки. Меч выпал у меня из руки, и я и пикнуть не успел, как уже болтался в воздухе метрах в двадцати над землей.

— Не сопротивляйся, зайчик, — проскрипела мне в ухо моя старая математичка. — Мне бы не хотелось тебя уронить.

Миссис О'Лири сердито залаяла и подпрыгнула, пытаясь меня достать, но мы были слишком высоко.

— Эй, скажи Миссис О'Лири, чтобы вела себя прилично, — крикнул Нико. Он висел рядом со мной, поднятый ввысь третьей фурией. — Я не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось. Мой отец ждет, Перси. Он просто хочет поговорить.

Я хотел сказать Миссис О'Лири «фас», чтобы она бросилась на Нико, но от этого было бы мало пользы, и в одном Нико прав: если моя собака начнет драться с фуриями, это может для нее плохо кончиться.

Я заскрежетал зубами.

— Миссис О'Лири, все в порядке! Успокойся, девочка.

Она заскулила и принялась бегать кругами, глядя на меня снизу.

— Ну что ж, предатель, — зарычал я на Нико. — Ты своего добился. Давай тащи меня в твой дурацкий дворец.

Алектю бросила меня, как мешок с картошкой, в середине дворцового

сада. Сад был красив на свой зловещий манер. Скелеты белых деревьев росли из мраморных бассейнов. Клумбы изобиловали золотыми растениями и драгоценными камнями. На балконе, выходящем на Поля асфodelей, стояли два трона — один из костей, другой из серебра. Тут было бы хорошо провести субботнее утро, если бы не запах серы и доносящиеся издали крики терзаемых душ. Единственный выход охраняли воины-скелеты. Они были одеты в униформу армии США и вооружены винтовками М-16.

Третья фурия опустила Нико рядом со мной. Потом вся троица уселась на спинку трона из костей. Я с трудом сдерживался, чтобы не придушить Нико, но понимал, что они меня остановят. Придется отложить месть на потом.

Я смотрел на пустые троны, ожидая, что будет дальше. Вдруг воздух начал мерцать. Появились три фигуры — Аида и Персефоны на двух крайних тронах и пожилой женщины между ними. Казалось, они явились, не закончив какого-то горячего спора.

— ...я тебе говорила, что он грубиян, — сказала пожилая женщина.

— Мама! — воскликнула Персефона.

— У нас гости! — пролаял Аид. — Тихо!

Аид, один из самых нелюбимых моих богов, разгладил на себе одежды, на которых были изображены искаженные ужасом лица проклятых. Его отличали бледная кожа и пронзительный взгляд сумасшедшего.

— Перси Джексон! — довольно объявил он. — Наконец-то.

Царица Персефона с любопытством рассматривала меня. Я видел ее один раз прежде — зимой, но теперь, летом, она выглядела совершенно по-другому. У нее были роскошные черные волосы и дружелюбные карие глаза. Платье ее переливалось множеством цветов — рисунки бутонов на ткани изменялись, расцветали розы, тюльпаны, жимолость.

Женщина между ними явно приходилась Персефоне матерью — с такими же волосами и глазами, только старше и суровее. На ней было золотое платье цвета пшеничного поля, в волосы вплетены сухие стебли трав, отчего мне в голову пришла мысль о плетеной корзинке. Я подумал, что если кто-нибудь рядом с ней чиркнет спичкой, то для нее это может плохо кончиться.

— Ага, — сказала пожилая женщина, — полукровки. Как раз то, что нам нужно.

Нико рядом со мной опустился на колено. Жаль, у меня не было моего меча — отрубил бы эту глупую башку. Но, к несчастью, Анаклузмос все

еще оставался где-то в поле.

— Отец, — сказал Нико. — Я сделал, как ты просил.

— Долго же ты собирался, — буркнул Аид. — Твоя сестра сделала бы это быстрее.

Нико опустил голову. Не будь я так зол на этого маленького мерзавца, то, наверно, пожалел бы его.

Посмотрев на повелителя Царства мертвых, я спросил:

— Чего тебе надо, Аид?

— Поговорить, конечно. — Рот бога искривился в жестокой улыбке. — Разве Нико тебе не сказал?

— Значит, вся эта история выдумана и Нико заманил меня сюда, чтобы убить?

— Н-нет, я думаю, Нико искренно хотел тебе помочь. Мальчишка честен в такой же мере, в какой и несообразителен. Просто я убедил его сначала сделать небольшой крюк и доставить тебя сюда.

— Отец, — вспыхнул Нико, — ты обещал, что с Перси ничего плохого не случится! Ты сказал, что если я приведу его сюда, то ты расскажешь мне о моем прошлом — о моей матери.

Царица Персефона театрально вздохнула:

— Может быть, мы все же не будем говорить об этой женщине в моем присутствии?

— Я тебя предупреждала, дочка, — фыркнула пожилая женщина. — От этого негодяя Аида ничего хорошего ждать не приходится. А ведь ты могла выйти замуж за бога врачей или бога юристов, так нет же. Тебе захотелось полакомиться гранатом.

— Мама...

— И застрять в Царстве мертвых.

— Мама, прошу тебя...

— Сейчас уже август — ты собираешься домой, как всегда? Ты когда-нибудь вспоминаешь о своей несчастной одинокой матери?

— Деметра! — вскричал Аид. — Хватит! Ты все же находишься в моем доме!

— Ах, неужели? — усмехнулась Деметра. — Ты называешь эту дыру домом? Заставил мою дочь жить в этом темном сыром...

— Я тебе говорил, наверху идет война. — Аид заскрежетал зубами. — Тебе с Персефой лучше переждать ее здесь. Здесь безопаснее.

— Прошу прощения, — вмешался я, — но если ты собираешься меня убить, то, может, лучше не тянуть с этим?

Все три бога уставились на меня.

— Посмотрите-ка на него, он, оказывается, еще и с характером, — заметила Деметра.

— И в самом деле, — согласился Аид. — Пожалуй, лучше его убить.

— Отец! — воскликнул Нико. — Ты же обещал!

— Аид, мы с тобой говорили об этом, — с упреком в голосе сказала Персефона. — Не можешь же ты уничтожать всех героев одного за другим. И потом, он такой смелый. Мне это нравится.

— Тебе нравился и этот типчик, Орфей. — Аид закатил глаза. — Ну и посмотри, что из этого вышло. Позволь мне его убить. Ну, немножко.

— Папа, ты обещал! — выкрикнул Нико. — Ты сказал, что хочешь только поговорить с ним. Ты говорил, что, если я приведу его, ты все расскажешь.

Аид разгладил складки на своем одеянии, взгляд его метал громы и молнии.

— Так тому и быть. Твоя мать... что я могу тебе сообщить о ней? Она была замечательной женщиной. — Он кинул смущенный взгляд на Персефону. — Прости меня, дорогая. Я имею в виду, что она была замечательной для смертных. Ее звали Мария ди Анджело. Родом из Венеции, но ее отец был дипломатом в Вашингтоне, округ Колумбия. Там я с ней и познакомился. Когда вы с сестрой были совсем маленькими, детям Аида жилось нелегко. Бушевала Вторая мировая война. Некоторые из моих... гм... других детей стояли во главе проигрывающей стороны, и я решил, что лучше отправить вас туда, где вам ничто не будет угрожать.

— Ты поэтому нас спрятал в казино «Лотос»?

Аид пожал плечами.

— Вы не выросли. Вы не чувствовали хода времени. Я ждал подходящего момента, чтобы забрать вас оттуда.

— Но что случилось с нашей матерью? Почему я ее не помню?

— Это не имеет значения, — отрезал Аид.

— Почему? Еще как имеет! У тебя ведь есть другие дети — почему ты отослал только нас, единственных из всех? И кто был тот адвокат, что нас вызволил?

— Ты лучше распахни уши и закрой рот, мой мальчик! Что касается адвоката... — Аид щелкнул пальцами.

Сидевшая на спинке его трона фурия Алекто начала видоизменяться, пока не превратилась в мужчину средних лет. На нем был костюм из ткани в тонкую полоску, в руке он держал портфель. Она... он, сидя на плече Аида, имел довольно странный вид.

— Ты! — выдохнул Нико.

— Я очень неплохо умею изображать адвокатов и учителей. — Фурия расхохоталась.

Нико задрожал от возмущения. Потом вновь обратился к отцу.

— Но почему ты освободил нас из казино?

— Ты знаешь почему, — сказал Аид. — Нельзя позволить, чтобы этот идиот — сыночек Посейдона — был дитя пророчества.

Я сорвал рубин с ближайшего растения и швырнул его в Аида. Камень без всякого вреда для бога шлепнулся ему на колени.

— Ты должен помогать Олимпу! — крикнул я. — Все остальные боги сражаются с Тифоном, а ты расселся тут, ждешь...

— ...когда все уляжется, — закончил за меня Аид. — Да, все верно. Может быть, ты скажешь мне, полукровка, когда в последний раз Олимп помогал мне? Когда в последний раз кому-либо из моих детей позволялось стать героем? С какой это стати я должен им помогать? Я остаюсь здесь со всеми моими силами в полном составе.

— А потом Кронос явится за тобой?!

— Пусть попробует. Он будет ослаблен. И тут при мне мой сын — Нико... — Аид с отвращением посмотрел на него. — Да, он пока не ахти что, тут я с тобой согласен. Лучше бы в живых осталась Бьянка. Но пусть еще годочка четыре подготовится. Мы до этого времени сумеем продержаться — тут нет вопросов. Нико тогда будет шестнадцать, как сказано в пророчестве, и тогда он примет решение, которое спасет мир. А я стану главным среди богов.

— Ты с ума сошел. Кронос сокрушит тебя, как только разделается с Олимпом.

Аид развел руками.

— Что ж, полукровка, у тебя будет возможность увидеть, так это или не так. Потому что ты будешь переживать эту войну в моем каземате.

— Нет! — сказал Нико. — Папа, мы так не договаривались. И потом, ты мне еще не все рассказал.

— Я рассказал все, что тебе нужно знать, — отрезал Аид. — А что до наших договоренностей, то разве я не поговорил с Джексоном, как обещал? И вреда ему никакого не причинил. Ты получил свою информацию. Если тебе нужна была договоренность понадежнее, то нужно было заставить меня поклясться водами Стикса. А теперь отправляйся в свою комнату! — Он махнул рукой, и Нико исчез.

— Мальчику нужно лучше питаться, — пробормотала Деметра. — А то кожа да кости. Ему нужно больше есть овсянки.

— Мама, хватит уже про овсянку! — Персефона закатила глаза. —

Мой повелитель Аид, ты уверен, что мы не можем отпустить этого маленького героя? Он ужасно смелый.

— Нет, моя дорогая. Я сохранил ему жизнь. Хватит с него и этого.

Я был уверен, что она собирается меня защитить. Отважная прекрасная Персефона должна была меня выручить.

Персефона безразлично пожала плечами.

— Ну и прекрасно. Что у нас на завтрак? Я ужасно проголодалась.

— Овсянка, — сказала Деметра.

— Мама!

Обе женщины исчезли в вихре цветов и зерна.

— Не расстраивайся, Перси Джексон, — сказал Аид. — Мои призраки досконально информируют меня о планах Кроноса. Уж ты мне поверь: у тебя нет ни малейшего шанса вовремя его остановить. Сегодня к вечеру с твоей драгоценной горой Олимп уже будет покончено. Мышеловка захлопнется.

— Какая еще мышеловка? — спросил я. — Если тебе что-то известно, сделай что-нибудь! Или, по крайней мере, дай мне известить других богов!

Аид улыбнулся.

— А ты с характером. Нужно отдать тебе должное. Ну, теперь можешь развлекаться в моем подземелье. Мы к тебе заглянем лет этак... через пятьдесят — шестьдесят.

Глава восьмая

Никому не пожелаю так искупаться!

Меч вернулся ко мне в карман.

Вот уж вовремя — ничего не скажешь. Теперь я могу сколько угодно бросаться с ним на стены. В моей камере не было решеток на окнах. Да и окон не было. И дверей. Стражники-скелеты пропихнули меня прямо через стену, и она сомкнулась за мной. Я не знал — может, это помещение воздухонепроницаемо. Возможно, казематы Аида предназначались для мертвецов, а те, как известно, не дышат. Так что о пятидесяти или шестидесяти годах можно забыть. Я умру через пятьдесят — шестьдесят минут. А пока, если Аид не врет, к концу дня в Нью-Йорке сработает какая-то громадная мышеловка, и я никак, совсем никак не могу этому помешать.

Я сел на каменный пол, пребывая в полном отчаянии.

Не помню, чтобы я задремал. Но с другой стороны, возможно, сейчас было часов семь утра земного времени, а я уже с ног валился от усталости.

Мне снилось, что я на крыльце загородного дома Рейчел в Сент-Томасе. Над Карибским морем встает солнце. В море виднеются десятки деревянных островков, воду рассекают белые паруса. Запах соленого воздуха заставил меня задуматься — увижу ли когда-нибудь еще океан?

Родители Рейчел сидели за столом во дворике, а персональный повар готовил им омлет. Мистер Дэр в белом полотняном костюме читал «Уолл-стрит джорнал». Напротив него за столом сидела, вероятно, миссис Дэр, хотя я и видел только ее наманикюренные розовые ногти и обложку журнала «Конде нэст трэвелер».^[6] Почему она на отдыхе читала журнал о том, где и как отдыхать, — это было выше моего понимания.

Рейчел стояла у перил крыльца и вздыхала. На ней были шорты и футболка с изображением Ван Гога. (Да, Рейчел пыталась меня просветить — рассказывала о живописи и всякое такое, но на меня это не произвело особого впечатления. А этого типа я запомнил только потому, что он отрезал себе ухо.)

Я спросил себя, уж не обо мне ли она думает и расстраивается, что я не поехал с ними на каникулы. Я-то об этом периодически думал.

Потом передо мной возникла другая сцена. Я стоял под Аркой в Сент-Луисе.^[7] Я уже бывал там. Да я даже чуть там не умер.

Над городом бушевала буря — стена абсолютного мрака. Небо

рассекали молнии. Неподалеку с включенными мигалками стояло несколько машин «скорой помощи». Из горы мусора (насколько я понял, это был рухнувший небоскреб) поднимался столб пыли.

Рядом кричала в микрофон репортерша: «Власти говорят, что это дефект конструкции, хотя никто, похоже, не знает, связано ли это со штормом!»

Ветер трепал ее волосы. Температура быстро понижалась — упала градусов на десять с того момента, как я там появился.

«К счастью, в здании никого не было — его предназначили к сносу, — продолжала она. — Но полиция эвакуировала всех из близлежащих зданий, опасаясь, как бы это обрушение не вызвало их...»

Девушка замолкла, потому что небеса прорезал грозный рев. Молния пронзила самый центр темноты. Весь город сотрясся. Воздух засиял, и волосы у меня на теле встали дыбом. По мощи взрыва я догадался: это не что иное, как удар молнии Зевса. Она должна была бы испепелить того, кому предназначалась, но черная туча только слегка отступила назад, из нее появился размытый кулак, который ударил еще по одной башне, и та рухнула, словно домик из детских кубиков.

Репортерша вскрикнула. На улицах суетились люди. Я увидел серебряную полосу в небесах — колесницу, запряженную оленем. Но это был вовсе не Санта-Клаус. Эта была Артемида — она скакала навстречу шторму и метала в темноту снопы лунного света. Огненно-золотистая комета пересекла ее путь — возможно, это был ее брат Аполлон.

Ясно одно: Тифон уже добрался до реки Миссисипи. Он преодолел половину расстояния, оставив руины на своем пути, а богам даже не удавалось замедлить его продвижение.

Надо мной образовалась гора темноты. Нога размером со стадион «Янки» грозила вот-вот раздавить меня, когда чей-то голос прошептал:

— Перси!

Я, не открывая глаз, метнулся в сторону. И еще проснуться толком не успел, как уже припечатал к полу Нико, приставив острое моего меча к его горлу.

— Я хочу... тебя спасти, — выдавил он.

Меня обуяла злость.

— Неужели?! И почему я должен тебе верить?!

— А какой у тебя выбор? — прохрипел Нико.

Чтоб он сдох со своей железной логикой. Мне пришлось убрать меч.

Нико свернулся калачиком, горло его приходило в норму, издавая рвотные звуки. Наконец он встал на ноги и настороженно посмотрел на

мой меч. Его собственный клинок оставался в ножнах. Я так думаю, если бы он собирался меня убить, то сделал бы это, пока я спал. И все же я ему не доверял.

— Нам нужно выбраться отсюда, — просипел он.

— Зачем? — спросил я. — Может быть, твой папочка хочет еще раз со мной поговорить?

Он поморщился.

— Перси, клянусь Стиксом — я не знал, что у него на уме.

— Ты же знаешь своего папочку!

— Он меня провел. Он обещал... — Нико поднял руки, предлагая сменить тему. — Слушай, сейчас у нас одна задача — выбраться отсюда. Охранников я усыпил, но это ненадолго.

Мне снова захотелось его придушить. Но, к несчастью, он был прав. Времени на споры не оставалось, а самому удрать отсюда у меня нет никакой возможности. Он показал на стену — целый кусок ее исчез, и мы увидели коридор.

— Идем. — Нико двинулся впереди.

Я пожалел, что у меня нет с собой кепки-невидимки Аннабет, но, как выяснилось, можно обойтись и без нее. Каждый раз, когда мы встречали стражника-скелета, Нико показывал на него пальцем, и горящие глаза стража тускнели. К несчастью, с ростом числа усыпленных охранников Нико становился все слабее. Мы продвигались по лабиринту коридоров, заполненных охранниками. Когда мы добрались до кухни, в которой орудовали повара-скелеты и слуги-скелеты, мне уже пришлось практически нести Нико. Он усыпил почти всех мертвецов, но и сам едва не вырубился. Я вытащил его через служебный выход в Поля асфоделей.

Только я собирался вздохнуть с облегчением, как услышал звук бронзовых гонгов в замке.

— Тревога! — пробормотал Нико сонным голосом.

— И что нам делать?

Он вздохнул, потом нахмурил брови, словно пытаясь вспомнить.

— Что, если мы... побежим?

Бежать с полуспящим сыном Аида было все равно что скакать в мешке с тряпичной куклой размером с человека. Я тащил его, держа перед собой меч, и духи мертвых расступались перед нами, словно небесная бронза была жарким пламенем.

По полю катился звук гонгов. Впереди виднелись стены Эреба, но чем дальше мы шли, тем дальше они казались. Я был готов рухнуть на землю

от усталости, когда раздалось знакомое:

— Га-а-ав!

Миссис О'Лири возникла словно бы из ниоткуда и принялась носиться вокруг нас кругами — давайте, мол, поиграем.

— Хорошая девочка, — похвалил я. — Не могла бы ты подбросить нас до Стикса?

При слове «Стикс» она еще больше оживилась — может, решила, что я ей предлагаю новую игру. Она подпрыгнула несколько раз и поймала себя за хвост, чтобы показать, кто здесь главный, а потом немного успокоилась, и мне удалось усадить Нико ей на спину. Я тоже запрыгнул на хребет адской гончей, и она понеслась к воротам. Миссис О'Лири перепрыгнула через очередь душ, ожидающих легкой участи, — охранники от испуга распростерлись на земле, а сигналы тревоги зазвучали еще громче. Цербер гавкнул, но, похоже, не от злости. Он вроде бы тоже был не прочь поиграть с нами.

К счастью, Цербер не бросился за нами вдогонку, и Миссис О'Лири поскакала дальше. Она остановилась, только когда мы были уже высоко в верховьях реки и огни Эреба исчезли в дымке.

Нико соскользнул со спины Миссис О'Лири и безвольно растянулся на черном песке.

Я вытащил кусочек амброзии — часть неприкосновенного запаса, который всегда был при мне. Он немного помялся, но Нико его сразу зажевал.

— Угу, — пробормотал он. — Уже лучше.

— Ты потерял много энергии.

Он сонно кивнул.

— Потери больших количеств энергии... вызывают большую потребность сна. Разбуди меня попозже.

— Эй, ты, зомби! — Я подхватил его, прежде чем он успел опять вырубиться. — Мы на берегу реки. Что нам делать дальше?

Я скормил ему остатки амброзии, что было немного рискованно. Эта штука излечивает полубогов, но если переберешь с количеством — она сожжет тебя дотла. Но к счастью, похоже, Нико получил нормальную дозу. Он несколько раз потрянул головой и, хотя и не без труда, встал на ноги.

— Скоро тут появится мой отец, — сказал он. — Нам нужно поторопиться.

Воды реки Стикс несли странные предметы — сломанные игрушки, порванные дипломы об окончании колледжа, увядшие букетики. Все те

мечты, с которыми расставались люди, переходя из мира живых в мир мертвых. Глядя в эти черные воды, я воображал себе сто миллионов других мест, в которых я предпочел бы поплавать.

— Так что... мне просто прыгать?

— Нет, сначала ты должен подготовиться, — помотал головой Нико. — Иначе река тебя уничтожит. Она растворит твоё тело и душу.

— Звучит забавно, — пробормотал я.

— Это не шутка, — предупредил Нико. — Есть лишь один способ укрепить твою смертную жизнь. Для этого ты должен...

Он посмотрел мне за спину, и его глаза расширились. Я повернулся и обнаружил перед собой греческого воина.

Сначала мне показалось, что это Арес, потому что этот тип в точности походил на бога войны — высокий, мускулистый, с жестоким, иссеченным шрамами лицом и бритыми черными волосами. Одетый в белую тунику и бронзовые доспехи, под мышкой он держал боевой шлем с перьями. Но глаза у воина были человеческие (светло-зеленые, как вода в море на мелководье), а из левой ноги чуть выше стопы торчала окровавленная стрела.

С греческими именами у меня плоховато, но даже я знал величайшего воина всех времен, который умер от ранения в пятку.

— Ахилл! — воскликнул я.

Призрак кивнул.

— Я предупреждал того, другого, чтобы он не следовал моему примеру. Теперь я предупреждаю тебя.

— Лука? Ты говоришь о Луке?

— Не делай этого, — сказал он. — От этого ты станешь сильным. Но от этого же ты станешь и слабым. Твоя боевая удаля будет превосходить силу и храбрость любого смертного, но увеличатся также и твои слабости, твои недостатки.

— Ты хочешь сказать, что у меня появится уязвимая пятка? — спросил я. — Может, мне просто надеть какую-нибудь другую обувь — не сандалии? Только без обид — ничего личного.

Ахилл посмотрел на свою окровавленную стопу.

— Стопа — это всего лишь моя физическая слабость, полукровка. Моя мать Тетис, окуная меня в Стикс, держала меня за пятку. Но на самом деле меня убила моя самоуверенность. Остерегись! Поверни назад!

Он говорил это вполне серьезно. Я в его голосе слышал сожаление и горечь. Он искренно пытался спасти меня от страшной судьбы.

Но ведь Лука уже побывал здесь, и он не повернул назад.

Вот, значит, почему Лука мог вбирать в себя дух Кроноса, не разрушаясь при этом. Вот, значит, как он подготовил себя. Вот, оказывается, почему он производил такое впечатление, будто его нельзя убить. Он искупался в Стиксе и обрел силы, равные тем, какими обладал величайший смертный герой Ахилл. Он был неуязвим!

— Не могу, — ответил я. — Иначе у меня не будет ни единого шанса.

— Пусть боги буду тому свидетелями — я пытался тебя убедить. — Ахилл опустил голову. — Герой, если ты, так или иначе, намерен это сделать, то сосредоточься на своей уязвимой точке. Представь единственное место на своем теле, которое останется незащищенным. Это та точка, через которую твоя душа будет связывать тело с миром. Это будет самой большой твоей слабостью, но еще и твоей единственной надеждой. Ни один человек не может быть неуязвимым полностью. Забудешь о том, что делает тебя смертным, и река Стикс растворит тебя. Ты прекратишь существовать.

— Ты вряд ли скажешь мне о слабом месте Луки?

Ахилл нахмурился.

— Соберись с силами, глупый мальчишка. Выживешь ты или нет, ты сам выбрал свою судьбу!

Произнеся это дружеское напутствие, он исчез.

— Перси, — проговорил Нико, — а может, он прав?

— Это была твоя идея.

— Я знаю, но теперь, когда мы здесь...

— Подожди на берегу. Если со мной что-нибудь случится... Что ж, может быть, желание Аида исполнится, и ты в конечном счете станешь дитем пророчества.

Его эта мысль не порадовала, но мне было все равно.

Чтобы не успеть передумать, я сосредоточился на пояснице — на маленькой точке напротив пупка. Когда я надевал доспехи, она была хорошо защищена. Ее трудно будет поразить случайно, и вряд ли враг будет целить туда намеренно. Идеального выбора в таком случае быть не могло, но этот казался мне верным и более благородным, чем, скажем, подмышка.

Я вообразил цепочку, такую пружину, которая тянется от моей поясницы и соединяет меня с миром, а потом шагнул в реку.

Представьте себе, что вы прыгаете в яму, наполненную кипящей кислотой. Теперь увеличьте ту боль, что вы испытываете при этом, раз в пятьдесят. И все равно вы еще будете далеки от понимания того, что испытывал я, окунаясь в Стикс. Я собирался войти в воду медленно и

отважно, как настоящий герой. Но как только вода коснулась моих ног, мои мышцы превратились в студень, и я упал в реку лицом вперед.

Я погрузился с головой. Впервые в моей жизни я не мог дышать под водой. Только теперь мне вполне стал ясен страх, который испытывают утопающие. Каждый нерв моего тела пылал. Я растворялся в воде. Я видел лица — Рейчел, Гроувер, Тайсон, моя мать, но они блекли, не успев появиться.

— Перси, — сказала мама, — я даю тебе мое благословение.

— Перси, будь осторожен, — умоляющим голосом попросил Тайсон.

— Блинчики! — проблеял Гроувер.

Я не понял, это-то откуда, да и ладно, все равно без толку.

Я проигрывал сражение. Боль убивала меня. Мои ноги и руки растворялись в воде, душа отрывалась от тела. Я не помнил, кто я такой. Боль от удара косой Кронаса была ничто в сравнении с этим.

«Струна, — подсказал знакомый голос. — Помни про нить своей жизни, дурачок».

Вдруг кто-то словно бы дернул меня сзади. Поток тащил меня, но больше уже не уносил прочь. Я представил себе бечеву у меня в спине, которая привязывает меня к берегу.

«Держись, Рыбы Мозги. — Это был голос Аннабет, теперь он звучал гораздо отчетливее. — Так просто ты от меня не уйдешь».

Бечева натянулась сильнее.

И теперь я увидел Аннабет — она, босая, стояла надо мной на пристани вроде той, что у нас в лагере на озере. Я просто вывалился из лодки. Вот в чем дело. Она протягивала руку, чтобы вытащить меня, и старалась не рассмеяться. На ней были оранжевая лагерная футболка и джинсы, волосы спрятаны под бейсболку «янки»... Мне это показалось странным, потому что в таком случае она должна была бы стать невидимой.

— Ты иногда бываешь таким идиотом. — Она улыбнулась. — Ну давай! Хватай меня за руку.

Воспоминания нахлынули на меня — более четкие и красочные. Я перестал растворяться. Меня звали Перси Джексон. Я дотянулся до Аннабет и ухватил ее за руку.

Внезапно я выскочил из реки и упал на песок. Нико удивленно отпрянул от меня.

— Как ты? — проговорил он. — Твоя кожа... О боги, что с тобой?!

Руки у меня стали ярко-красные. Меня всего словно сжигали на медленном огне.

Я оглянулся в поисках Аннабет, хотя и знал, что ее здесь нет. Но все случившееся было таким реальным...

— Ничего страшного... я думаю.

Цвет моей кожи вернулся в норму, боль утихала. Ко мне подбежала Миссис О'Лири и сочувственно ко мне принялась. От меня явно пахло чем-то для нее приятным.

— Ты себя чувствуешь сильнее? — спросил Нико.

Я не успел осознать, что именно чувствую, как, словно гром с небес, раздался голос:

— Вот они!

К нам устремилась армия мертвецов. Впереди шла сотня скелетов в доспехах римских легионеров со щитами и копьями. Следом — такое же число английских солдат, они были вооружены винтовками с примкнутыми штыками. В центре этого войска ехал сам Аид на черной с золотом колеснице, которую тащили жуткие кобылы с дымищимися глазами и гривами.

— На сей раз тебе не уйти, Перси Джексон! — взревел Аид. — Убейте его!

— Папа, стой! — закричал Нико, но было слишком поздно.

Римские зомби из первого ряда опустили пики и пошли в атаку.

Миссис О'Лири зарычала и изготавилась к прыжку. Может, это и привело меня в чувство. Я не хотел, чтобы они покалечили мою собаку. К тому же я устал от Аида с его вечным самомнением. Если мне суждено умереть, то лучше уж я погибну в бою!

Я закричал, и река Стикс словно бы взорвалась. Черная приливная волна нахлынула на легионеров. Копья и щиты поплыли во все стороны. Римские зомби начали растворяться, из их бронзовых шлемов повалил дым.

Английские солдаты опустили штыки, но я не стал ждать, что они будут делать, — я сам бросился в атаку.

Ничего глупее этого я в жизни не делал. Сотня мушкетов выстрелила в меня в упор. И ни одна пуля не попала в цель. Я вломился в шеренгу и принялся крушить солдат своим мечом. Штыки кололи. Мечи рубили. Ружья перезаряжались и стреляли. Я оставался невредим.

Я вихрем прошелся по их рядам, обращая солдат одного за другим в прах. Мой мозг работал на автопилоте: колоть, уклоняться, рубить, парировать, делать выпад. Анаклузмос перестал быть просто мечом. Он превратился в вихрь чистого разрушения.

Я пробился сквозь ряды противника и запрыгнул на черную колесницу.

Аид вскинул свой посох. Ко мне метнулся сгусток черной энергии, но я парировал его клинком и бросился на Аида. Мы с богом вывалились из колесницы.

А потом я вдруг понял, что упираюсь коленями в грудь лежащего Аида. Я держал его за ворот царской мантии одной рукой, а острие моего меча зависло над его лицом.

Тишина. Армия не сделала ни шагу, чтобы защитить своего хозяина. Я оглянулся — и понял почему. От них ничего не осталось, кроме оружия, валяющегося в песке, и груды дымящихся пустых мундиров. Я уничтожил их всех!

Аид проглотил слюну.

— Слушай, Джексон, я вот чего...

Он был бессмертен. Я не мог его убить, но богов можно ранить. Я это знал с самого начала и понимал, что меч перед его физиономией не доставляет ему удовольствия.

— Я тебя отпущу по одной причине — я добрый! — прорычал я. — Я тебя отпущу. Но сначала ты мне скажешь об этой мышеловке... об этой западне, как ты ее называешь!

Аид внезапно исчез. В руках у меня осталась только его черная мантия.

Я выругался и, тяжело дыша, поднялся на ноги. Теперь, когда опасность миновала, я понял, как устал. Все мышцы моего тела стонали от боли. Я посмотрел на свою одежду — она была вся разодрана, повсюду виднелись дыры от пуль, но я остался целехонек. На мне — ни царапинки!

— Ты... одним мечом... ты... — Нико никак не мог прийти в себя.

— Я думаю, эта штука с рекой сработала, — сказал я.

— Ни фиги себе! — саркастически выдохнул он. — Он думает!

Миссис О'Лири радостно лаяла и махала хвостом. Она прыгала вокруг нас, обнюхивала пустые мундиры и выискивала косточки. Я поднял мантию Аида. На мерцающей ткани все еще кривились искаженные мукой лица.

Я подошел к кромке воды.

— Свободны! — сказал я и бросил мантию в воду.

Она закружилась, поплыла прочь, растворяясь в потоке.

— Возвращайся к отцу, — сказал я Нико. — Скажи ему, что он мой должник — я ведь его отпустил. Выясни, что должно произойти на горе Олимп, и убеди его помочь нам.

— Я... я не могу. — Нико смотрел на меня широко раскрытыми глазами. — Он теперь меня возненавидел. Я хочу сказать... еще сильнее,

чем прежде.

— Ты обязан это сделать, — напомнил я. — Ты ведь тоже мой должник.

Уши у него покраснели.

— Перси, я тебе говорил, что я виноват. Пожалуйста, позволь мне пойти с тобой. Я хочу сражаться.

— От тебя здесь будет больше пользы.

— Ты хочешь сказать, что больше не доверяешь мне? — с несчастным видом проговорил он.

Я не ответил. Я не знал, что хочу сказать. Я был слишком ошарашен только что произошедшим сражением, а потому мысли у меня путались.

— Возвращайся к своему отцу, — повторил я, стараясь говорить не слишком резко. — Работай на него. Ты единственный, кого он хоть как-то будет слушать.

— Вот это-то меня и удручает, — вздохнул Нико. — Ну, хорошо. Я постараюсь. И потом, он все еще что-то скрывает от меня о моей матери. Может, удастся выяснить — что.

— Удачи. Ну а теперь нам с Миссис О'Лири пора.

— И куда вы? — спросил Нико.

Я посмотрел на вход в пещеру и представил себе долгий подъем назад, в мир живых.

— Нужно начинать войну. Пора мне найти Луку.

Глава девятая

Меня спасают две змеи

Я люблю Нью-Йорк. Вы можете выбраться из Царства мертвых в Центральном парке, взять такси, проехать по Пятой авеню в сопровождении гигантской адской гончей, которая несется рядом с машиной, и никто даже не посмотрит на вас недоуменным взглядом.

Ну конечно, и Туман здесь помогает. Возможно, люди просто не видели Миссис О'Лири, а может, просто принимали ее за большой, шумный, вполне симпатичный грузовик.

Я решил рискнуть и воспользовался мобильником мамы, чтобы во второй раз позвонить Аннабет. Я уже звонил ей — из туннеля, но мне ответила только ее голосовая почта. Связь была на удивление хорошей, если учесть, что я все же находился в мифологическом центре мира, но мне не хотелось думать о том, сколько снимут с маминого счета за роуминг.

На сей раз Аннабет ответила.

— Привет, — сказал я. — Ты получила мое сообщение?

— Перси, где ты пропадаешь? Из твоего сообщения почти ничего не ясно! Мы тут от беспокойства с ума сходим.

— Я тебе все расскажу позднее, — ответил я, хотя понятия не имел, как мне это удастся. — Ты сейчас где?

— Мы на пути туда, куда ты и просил, почти у туннеля Квинс-Мидтаун. Перси, что ты задумал? Мы оставили лагерь практически беззащитным, и боги не смогут...

— Положись на меня! Встретимся там.

Я отключился. Руки у меня дрожали. Я не знал, то ли это последствия моего плавания в Стиксе, то ли страх перед тем, что я собирался сделать. Если мой план не удастся, то даже моя неуязвимость меня не защитит — меня разорвут на клочки.

Когда я вышел из такси у Эмпайр-стейт-билдинга, день уже клонился к вечеру. Миссис О'Лири прискакала за мной по Пятой авеню, облизывая машины и обнюхивая киоски с хот-догами. Никто ее, казалось, не замечал, хотя люди недоуменно и шарахались в сторону, когда она к ним приближалась.

Я, свистнув, подозвал ее, и тут у тротуара остановились три белых

фургона. На них было написано «Развозка клубники» — это прикрытие для Лагеря полукровок. Я никогда прежде не видел все три фургона в одном месте, хотя и знал, что они доставляют наш свежий продукт по всему городу.

За рулем первого фургона сидел Аргус, наш многоглазый шеф службы безопасности. За рулем двух других были гарпии, они, по существу, демонический гибрид человека и курицы с дурным характером. Мы использовали гарпий в основном для уборки лагеря, но они неплохо справлялись и с обязанностями водителей, когда нужно было выезжать в город.

Двери фургонов открылись, и оттуда вывалилась ватага обитателей лагеря, некоторые из них слегка позеленели от долгой поездки. Я порадовался, что приехало так много народу — Поллукс, Силена Боргард, братья Стоулл, Майкл Ю, Джейк Мейсон, Кати Гарднер и Аннабет, а с ними почти все их братья и сестры. Последним из фургона появился Хирон. Его лошадиная часть была трансформирована в волшебное кресло-каталку, а потому он воспользовался инвалидным спускоподъемником. Никого из домика Ареса не было, но я постарался не очень злиться из-за этого. Чего еще можно ожидать от упрямой идиотки Клариссы? Ладно, забыли.

Я пересчитал ребят по головам.

Сорок душ.

Не слишком много, чтобы вести войну, но на моей памяти более крупной группировки полукровок за пределами лагеря никогда не собиралось. Все немного нервничали, и я понимал почему. Вокруг нас, вероятно, была такая сильная полубожественная аура, что все монстры на северо-востоке Штатов теперь знали, где мы находимся.

Я оглядывал знакомые лица (всех этих парней и девчонок я знал не один год), а в голове вертелось: «Один из них — шпион».

Но я не мог и не хотел долго думать об этом. Передо мной — мои друзья, и они нужны мне.

Потом я вспомнил злобную ухмылку Кроноса. «Нельзя полагаться на друзей. Они непременно тебя подведут».

Ко мне подошла Аннабет. В черном камуфляже, нож небесной бронзы пристегнут ремешками к руке, сумка с ноутбуком на плече — полная боевая готовность: сражаться или подключаться к Интернету, что потребуется на выбор.

— В чем дело? — нахмурилась она.

— В смысле?

— Ты как-то странно на меня смотришь.

Тут я понял, что думаю о том своем странном видении — как Аннабет вытаскивает меня из Стикса.

— Да так, ерунда. — Я повернулся к ребятам. — Всем спасибо, что приехали. Хирон, мы последуем за тобой.

Мой старый наставник покачал головой.

— Я приехал пожелать тебе удачи, мой мальчик. Но для себя я решил, что никогда не взойду на Олимп, если только меня не призовут.

— Но ты наш вождь!

Он улыбнулся.

— Я ваш тренер. Ваш учитель. А вождь — это другое. Я пойду соберу подмогу, какую смогу. Может быть, еще не поздно убедить моих братьев кентавров помочь нам. А пока — ты вызвал сюда полукровок, Перси, ты их и веди.

Я хотел возразить, но все они выжидательно смотрели на меня. Даже Аннабет.

Я глубоко вздохнул.

— Ну хорошо. Я уже сказал Аннабет по телефону, что сегодня вечером здесь произойдет что-то ужасное. Тут приготовлена какая-то ловушка. Мы должны добиться аудиенции у Зевса и убедить его защитить город. Помните: отрицательный ответ нас не устраивает!

Я попросил Аргуса присмотреть за Миссис О'Лири, от чего оба они не пришли в восторг.

— Так держать, Перси. — Хирон пожал мне руку. — Помни о своих сильных сторонах и не забывай о слабых.

Это было пугающе похоже на то, что сказал мне Ахилл. Потом я вспомнил, что Хирон воспитывал Ахилла. Не то чтобы это меня очень ободрило, но я кивнул и попытался улыбнуться ему уверенной улыбкой.

— Ну, вперед, — сказал я полукровкам.

В холле за столом сидел охранник — читал большую черную книгу с цветком на обложке. Он поднял на нас глаза, когда мы ввалились внутрь, клацая оружием и доспехами.

— Школьная экскурсия? Мы уже закрываемся.

— Нет, — решительно проговорил я. — Шестисотый этаж.

Он обвел нас взглядом. У него были светло-голубые глаза и совершенно лысая голова. Я не мог сказать, человек он или нет, но он, похоже, заметил наше оружие, так что, думаю, Туман его не обманул.

— Шестисотого этажа нет, малыш. — Он произнес эти слова как

пароль, которому он и сам не верил. — Не толпитесь тут.

Я склонился над столом.

— Сорок полубогов притягивают чертову прорву монстров. Вы и в самом деле хотите, чтобы мы ошивались тут у вас в холле?

Он задумался на секунду, потом нажал на кнопку, и турникет открылся.

— Только быстро.

— Вы же не хотите, чтобы мы проходили через металлодетектор, — добавил я.

— Нет, не хочу, — согласился охранник. — Лифт справа. Ну, я думаю, вы сами все знаете.

Я кинул ему золотую драхму, и мы прошли внутрь.

Мы решили, что подняться лифтом можно будет в два приема. Я отправился с первой группой. Когда я тут был в прошлый раз, в лифте играла другая музыка, а теперь я услышал песню «Би джиз» в стиле диско — «Остаться в живых». Перед моим мысленным взором промелькнул ужасающий образ: Аполлон в расклешенных брюках и рубашке в обтяжку.

Я обрадовался, когда двери лифта, звякнув, наконец-то раскрылись. Перед нами оказалась дорожка, выложенная висящими в воздухе камнями, она вела через тучи к горе Олимп, парящей на высоте две тысячи футов над Манхэттеном.

Я несколько раз бывал на Олимпе, но стоило мне увидеть его, как дыхание у меня перехватило. На склонах горы лепились особняки, сверкавшие белизной и золотом. На сотнях террас расцветали сады. На жаровнях, которыми были уставлены извилистые улочки, курились благовония, поднимаясь кверху дымками. А на самой вершине, увенчанной снежной шапкой, стоял главный дворец богов. Он казался таким же величественным, как всегда, но что-то в нем вроде бы изменилось. И тут я понял: гора была погружена в тишину — не играла музыка, не звучали голоса и смех.

Аннабет внимательно посмотрела на меня.

— Ты теперь какой-то... другой, — заключила она. — Где это ты успел побывать?

Двери лифта снова распахнулись, и к нам присоединилась вторая группа полукровок.

— Потом расскажу. Идем.

По небесному мосту мы вышли на улицы Олимпа. Магазины тут были закрыты, парки пусты. На скамейке, перебирая струны пламенных лир, сидели две музы, но играли они, казалось, совсем без души. По улице

протопал одинокий циклоп, волоча вырванный с корнем дуб. С балкона нас увидел какой-то малый бог и, нырнув внутрь, опустил жалюзи.

Мы прошли под большой мраморной аркой со статуями Зевса и Геры по бокам. Аннабет скорчила гримасу царице богов.

— Ненавижу ее, — пробормотала она.

— Она что, прокляла тебя или как? — спросил я.

В прошлом году Аннабет чем-то досадила Гере, но предпочитала об этом помалкивать.

— Да так, всякая ерунда, — сказала Аннабет. — Ведь ее священное животное — корова?

— Да.

— Ну вот, она и насылает на меня коров.

— Коров? В Сан-Франциско? — Я с трудом сдержал улыбку.

— Ну да. Обычно их самих я не вижу, но они оставляют мне повсюду маленькие подарочки — в нашем заднем дворе, на дорожке, в школьном коридоре. Все время приходится смотреть под ноги, чтобы не наступить.

— Смотрите! — воскликнул Поллукс, указывая на горизонт. — Это что такое?

Мы замерли. По вечернему небу в сторону Олимпа, словно кометы, летели синие огоньки. Они, казалось, летели со всех сторон, направляясь точно к горе. Приближаясь, они словно бы рассыпались. Мы смотрели на них несколько минут, и они, казалось, никому не причиняли вреда, но все равно это было странно.

— Как на приборе ночного видения, — пробормотал Майкл Ю. — К нам пристреливаются.

— Идем во дворец, — сказал я.

Холл дворца никто не охранял. Двери из золота и серебра оказались широко открытыми. Мы вошли в тронный зал под гулкое эхо собственных шагов.

Слово «зал», конечно, не очень точно описывает открывшуюся нам картину — помещение было размером с Мэдисон-сквер-гарден. Высоко наверху на потолке сверкали созвездия. Вокруг очага гигантской буквой U стояли двенадцать громадных тронов. В одном из углов в воздухе парил водяной шар размером с дом, а в нем плавал мой старый друг Офиотавр — полукорова-полузмея.

— Му-у-у! — радостно промычал он, разворачиваясь.

Несмотря на всю серьезность ситуации, я не мог сдержать улыбки. Два года назад мы потратили немало времени, пытаясь спасти Офиотавра от титанов, и я типа подружился с ним. Он ко мне тоже вроде привязался, хотя

я поначалу думал, что он девочка, и назвал его Бесси.

— Привет, старина. — Я помахал рукой. — Как тут с тобой обходятся — не жалуешься?

— Му-у-у! — ответил Бесси.

Мы направились к тронам, и тут раздался женский голос:

— Здравствуй еще раз, Перси Джексон. Здесь рады тебе и твоим друзьям.

Гестия стояла у очага, вороша палкой угли. На ней было такое же простое коричневое платье, что и прежде, только теперь она стала взрослой женщиной.

— Госпожа Гестия. — Я поклонился.

Мои друзья последовали моему примеру.

Гестия оглядела меня своими горящими красными глазами.

— Я вижу, ты воплотил свой план в жизнь. На тебе проклятие Ахилла.

Ребята начали перешептываться вполголоса:

— Что это она сказала?

— При чем тут Ахилл?

— Ты должен быть осторожен, — предупредила она меня. — Ты многое получил после этого путешествия, но важные истины все еще остаются скрытыми от тебя. Придется тебя немного просветить.

Аннабет толкнула меня локтем в бок.

— Эй... о чем это она говорит?

Я уставился в глаза Гестии, и перед моим взором вдруг возникла картина: я увидел темный проулок между складами красного кирпича. Табличка над одной из дверей гласила: «Литейные работы. Ричмонд».

Поблизости, стараясь быть незаметными, присели на корточках двое полукровок — парнишка лет четырнадцати и девчонка лет двенадцати. Я, вздрогнув, понял, что мальчишка этот — Лука, а девчонка — Талия, дочь Зевса. Это была сцена из прошлого — из тех времен, когда они были в бегах, перед тем как их нашел Гроувер.

У Луки был бронзовый нож, у Талии — копье и Эгида, щит ужаса.^[8] Худые и голодные, Лука и Талия озирались затравленными глазами, словно только и ждали нападения.

— Ты уверен? — спросила Талия.

Лука кивнул.

— Тут что-то есть. Я его чую.

По проулку разнесся грохот, словно кто-то ударил в металлическую плиту. Полукровки крадучись стали двигаться вперед.

На погрузочной эстакаде были складированы старые ящики. Талия и

Лука приблизились к ним, держа оружие наготове. Гофрированный жестяной лист подрагивал, словно за ним кто-то прятался.

Талия бросила взгляд на Луку. Он начал одними губами считать: «Один, два!..» На счет «три» он откинул лист в сторону, и прямо на них выскочила девчонка с молотком.

— О-па! — удивился Лука.

Девчонке было не больше семи. Спутанные светлые волосы, фланелевая пижамка... Однако не будь Лука так проворен, она размозжила бы ему голову.

Он ухватил ее за кисть, и молоток выпал из ее руки, ударился о цементный пол.

Девчонка принялась сопротивляться и лягаться.

— Хватит с меня монстров! Убирайтесь отсюда!

— Да все хорошо! — Лука с трудом удерживал ее. — Талия, убери свой щит — ты пугаешь ее.

Талия постучала по Эгиде — и та свернулась в серебряный браслет.

— Все в порядке, — подтвердила она. — Мы тебе ничего не сделаем. Меня зовут Талия. А это — Лука.

— Монстры!

— Да нет же, — улыбнулся Лука. — Но мы знаем о монстрах все. Мы тоже сражаемся с ними.

Девчонка понемногу прекратила лягаться. Она внимательно посмотрела на Луку и Талию большими сообразительными глазами.

— Так вы такие же, как я? — подозрительно спросила она.

— Ну да, — ответил Лука. — Мы... понимаешь, это не просто объяснить, но мы истребители монстров. А где твоя семья?

— Моя семья меня ненавидит, — глухо проговорила девочка. — Я им не нужна. Вот я и убежала.

Талия и Лука переглянулись. Я знал: они оба прекрасно поняли, что она сказала.

— Тебя как зовут, малышка? — спросила Талия.

— Аннабет.

Лука улыбнулся.

— Хорошее имя. Вот что я тебе скажу, Аннабет... ты такая отчаянная. Мы могли бы взять тебя в истребители.

— Правда? — Глаза Аннабет расширились.

— Конечно. — Лука перехватил нож и протянул его девочке рукояткой вперед. — Как тебе нравится такая штука для уничтожения монстров? Это небесная бронза. Гораздо надежнее молотка.

В любой другой ситуации предлагать семилетней девчонке нож вряд ли было бы разумно, но если ты полукровка, то общепринятые правила иногда можно выкидывать на помойку.

— Ножам пользуются только самые отважные и ловкие истребители, — пояснил Лука. — У них нет ни дальности, ни мощи меча, но их просто спрятать, и они легко находят слабые места в доспехах врага. Для того чтобы пользоваться ножом, нужны умные воины. У меня такое чувство, что ты очень умная.

— Да! — Аннабет восторженно уставилась на него.

Талия ухмыльнулась.

— Пойдем с нами, Аннабет. У нас есть укрытие на Джеймс-ривер. Мы тебе там найдем одежду и дадим поесть.

— А вы... вы не отвезете меня назад домой? — спросила она. — Обещаете?

Лука положил руку ей на плечо.

— Теперь ты — часть нашей семьи. И я тебе обещаю — ничего плохого с тобой не случится, я этого не допущу. Я тебя не предаю, как наши семьи предали нас. Договорились?

— Договорились! — радостно согласилась Аннабет.

— А теперь идем, — поторопила ее Талия. — Не можем же мы торчать тут целую вечность.

Потом картина переменилась. Я увидел трех полукровок, бегущих по лесу. Это было спустя несколько дней после предыдущей сцены. Может быть, даже спустя несколько недель. Все они имели помятый вид, словно побывали в сражении. На Аннабет я увидел новую одежду — джинсы и армейскую куртку на несколько размеров больше, чем ей требовалось.

— Еще немного, — ободряющим голосом проговорил Лука.

Аннабет споткнулась, и он схватил ее за руку. Талия бежала позади, размахивая щитом, — она словно отпугивала того, кто гнался за ними. Она прихрамывала на левую ногу.

Они взобрались на гряды и посмотрели вниз на другую сторону — там стоял белый дом в колониальном стиле. Владение миссис Кастеллан.

— Значит, так, — сказал Лука, тяжело дыша. — Я проберусь в дом, найду какие-нибудь лекарства и еду. А вы ждите здесь.

— Лука, ты уверен? — спросила Талия. — Ты ведь клялся, что никогда не вернешься домой. Если она тебя поймает...

— У нас нет выбора, — прорычал он в ответ. — Наше ближайшее убежище накрылось. А тебе нужно что-то делать с раной на ноге.

— Это твой дом? — удивилась Аннабет.

— Это был мой дом, — пробормотал Лука. — Поверь мне, если бы не чрезвычайная ситуация...

— А что твоя мама — она и в самом деле такая ужасная? — спросила Аннабет. — Мы не можем ее увидеть?

— Нет! — отрезал Лука.

Аннабет отпрянула от него, словно удивившись его злости.

— Ты... ты извини, — сказал он. — Ждите меня здесь. Обещаю — все будет в порядке. Ничего с вами не случится. Я вернусь...

Лес осветился золотистой вспышкой. Полукровки вздрогнули.

Затем раздался громopodobный голос:

— Тебе не следовало приходить домой!

Видение померкло.

Мои коленки подогнулись, но Аннабет меня подхватила.

— Перси! Что с тобой?

— Ты что, не видела?

— Что не видела?

Я бросил взгляд на Гестию. Но лицо богини было непроницаемым. Я вспомнил слова, которые она сказала мне тогда в лесу: «Если ты хочешь понять своего врага Луку, то ты должен понять его семью». Но зачем она показала мне эти сцены?

— Сколько я отсутствовал? — пробормотал я.

Аннабет подняла брови.

— Перси, ты вообще не отсутствовал. Ты всего одну секунду смотрел на Гестию, а потом чуть не упал.

Я чувствовал, что все смотрят на меня, а потому не мог позволить себе показаться слабым. Что бы ни означали эти видения, я должен думать только о нашей миссии.

— Моя госпожа Гестия, — сказал я. — Мы пришли по важному делу. Нам необходимо увидеть...

— Мы знаем, что вам необходимо, — раздался мужской голос.

Я вздрогнул, потому что именно этот голос я слышал в моем видении.

Рядом с Гестией, замерцав, материализовался бог. На вид ему было лет двадцать пять — курчавые, чуть тронутые сединой волосы и точеные черты лица. Одет в летный костюм, на шлеме и черных кожаных ботинках — крохотные птичьи крылышки. Рукой он обхватывал жезл, вокруг которого обвились две живые змеи.

— Теперь я вас покину, — сказала Гестия.

Она поклонилась летчику и исчезла в дыму. Я понял, почему она так

торопилась. У Гермеса, бога глашатаев, вид был не очень радостный.

— Привет, Перси.

Он нахмурился, словно был недоволен мной, и я подумал, знает ли он о видении, которое только что было мне явлено. Я хотел спросить, почему он оказался в доме Мей Кастеллан той ночью и что случилось после того, как он поймал Луку. Я вспомнил, как познакомился с Лукой в Лагере полукровок. Я у него спросил, видел ли он когда-нибудь своего отца, а он горько посмотрел на меня и сказал: «Один раз». Я посмотрел на Гермеса и по выражению его лица понял, что сейчас лучше не задавать ему никаких вопросов.

— Мой господин Гермес. — Я неумело поклонился.

«Господин-господин, — прошипела одна из змей прямо у меня в голове. — А с нами можно не здороваться — мы-то всего лишь рептилии».

«Джордж, — брюзгливо сказала другая змея. — Повеселее».

— Здравствуй, Джордж, — сказал я. — Привет, Марта.

«Ты принес нам крысу?» — спросил Джордж.

«Джордж, прекрати! — огрызнулась Марта. — Ты не видишь — он занят?»

«Слишком занят для крыс? — съехидничал Джордж. — Это печально».

Я решил, что лучше не ввязываться в препирательства с Джорджем.

— Послушай, Гермес. Нам необходимо поговорить с Зевсом. Это важно.

Глаза Гермеса блеснули стальным холодом.

— Я — глашатай, посланник. Могу передать послание.

За моей спиной беспокойно зашептались полукровки. В наши планы это не входило. Может быть, мне следовало поговорить с Гермесом с глазу на глаз...

— Ребята, — попросил я, — ну-ка пробежитесь по городу. Проверьте оборонительные сооружения. Посмотрите, кто остался на Олимпе. И возвращайтесь сюда ко мне и Аннабет через тридцать минут.

Силена Боргард нахмурилась.

— Но...

— Отличная мысль, — оборвала ее Аннабет. — Коннор и Тревис, вы — старшие.

Стоуллам это вроде бы понравилось — как же, им дали важное поручение в присутствии отца. Обычно их не назначали старшими, разве что отправляя в рейды за туалетной бумагой.

— Будет сделано, — сказал Тревис.

Они вытолкали остальных из тронного зала, оставив меня и Аннабет с Гермесом.

— Мой господин, — начала Аннабет, — Кронос собирается атаковать Нью-Йорк. Ты, вероятно, об этом догадываешься. Моя мать, видимо, это предвидела.

— Твоя мать, — проворчал Гермес.

Он почесал себе спину жезлом, и Джордж с Мартой забормотали: «Ах, ах, ах».

— Не заставляй меня вспоминать о твоей матери, девушка. Это по ее милости я оказался здесь. Зевс не хотел, чтобы кто-либо из нас покидал передовую. Но твоя мать без конца морочила ему голову: «Это ловушка, это отвлекающий маневр». И так сто двадцать пять раз без передышки. Она сама хотела вернуться, но Зевс не позволил своему главному стратегу покинуть армию, пока мы сражаемся с Тифоном. И поэтому он, естественно, послал меня поговорить с вами.

— Но это ловушка, — гнула свое Аннабет. — Неужели Зевс настолько слеп, что не видит?

В небе прогремел гром.

— Я бы на твоём месте был поосторожнее с такими замечаниями, девочка, — предупредил ее Гермес. — Зевс не слеп и не глух. Он не оставил Олимп совсем уж беззащитным.

— Но тут эти голубые огни...

— Да-да, я их видел. Наверняка какая-нибудь новая шалость Гекаты, этой невыносимой богини магии. Но как вы, вероятно, заметили, они не приносят никакого вреда. На Олимпе сильная система антимагии. И потом Эол, бог ветров, послал самых своих мощных слуг на охрану цитадели. С воздуха к Олимпу не может приблизиться никто, кроме богов. Они просто будут сброшены с неба.

Я поднял руку.

— А как насчет этого дела... гм, ну, материализации-телепортации, вы это вроде хорошо умеете?

— Это тоже один из способов перемещения по воздуху, Джексон. Очень быстрый способ, Джексон, но боги ветров быстрее. Нет уж, если Кроносу нужен Олимп, то ему с его армией придется пройти через весь город и захватить лифты. Ты можешь себе представить такое?

Судя по словам Гермеса, это должно было выглядеть смешно — шайки монстров поднимаются на лифтах по двадцать штук за раз и слушают «Остаться в живых». И все же мне его речи не показались убедительными.

— Может, все же некоторые из вас вернутся? — предложил я.

— Ты не понимаешь, Перси Джексон. — Гермес нетерпеливо покачал головой. — Тифон — наш самый главный враг.

— Я думал, самый главный враг — Кронос.

Глаза бога засверкали.

— Нет, Перси. В старину Тифон чуть было не захватил Олимп. Он муж Ехидны...

— Видел ее у Арки, — пробормотал я. — Не самое приятное знакомство.

— ...и отец всех монстров. Мы никогда не забудем, что он почти уничтожил нас всех... что он нас унизил! А в те дни мы были мощнее, чем нынче. Теперь мы не можем ждать помощи от Посейдона, потому что он ведет собственную войну. Аид сидит в своем царстве и выжидает, а Деметра с Персефоной находятся при нем и пикнуть не могут. Все оставшиеся наши силы должны быть брошены против гигантской бури. Мы не можем разбрасываться силами или ждать, когда Тифон доберется до Нью-Йорка. Мы должны сражаться с ним сейчас. И дела у нас идут успешно.

— Успешно? — проговорил я. — Да он почти уничтожил Сент-Луис!

— Да, — согласился Гермес. — Но он уничтожил только половину Кентукки. Теперь он замедляется. Теряет силы.

Я не стал с ним спорить, но мне казалось, что Гермес пытается уговорить сам себя. В углу печально замычал Офиотавр.

— Гермес, послушай, — сказала Аннабет. — Ты говорил, что сюда хотела отправиться моя мать. Она тебе для нас ничего не передавала?

— Передавала?.. — пробормотал он. — А мне когда-то говорили: «Соглашайся — классная должность. Работенка не бей лежачего. И уйма обожателей». И вот, пожалуйста... никого не интересует, что могу сказать я. Все время речь идет о посланиях других.

«Грызуны, — задумчиво произнес Джордж. — Я участвую в этом ради грызунов».

«Ш-ш-ш, — попыталась урезонить его Марта. — Нас интересует, что может сказать Гермес, правда, Джордж?»

«Безусловно. Ну, мы теперь уже можем вернуться на поле битвы? Я хочу снова поработать в лазерном режиме. Это так забавно».

— А ну-ка помолчите, вы оба, — проворчал Гермес.

Бог посмотрел на Аннабет, которая состроила посланнику богов большие умоляющие серые глаза.

— Да, — вздохнул Гермес, — твоя мать просила предупредить тебя, что вы тут сами по себе. Вы должны удерживать Манхэттен без помощи

богов. Будто я этого и без нее не знал! Тоже мне — богиня мудрости. За что ей только деньги платят — ума не приложу.

— Что-нибудь еще?

— Она сказала, что вы должны задействовать двадцать третий план. Вроде ты знаешь, о чем речь.

Аннабет побледнела. Она явно знала, о чем речь, и ей это не понравилось.

— Продолжай.

— И последнее. — Гермес посмотрел на меня. — Она просила передать Перси: «Помни о реках». И еще... гм... что-то о том, чтобы ты держался подальше от ее дочери.

Я не знаю, кто покраснел сильнее — Аннабет или я.

— Спасибо, Гермес, — поблагодарила Аннабет. — А я... я хотела сказать... мне жаль, что с Лукой все так получилось.

Выражение лица бога посуровело, словно он превратился в мрамор.

— Не нужно было тебе поднимать эту тему.

— Извини. — Аннабет занервничала и сделала шаг назад.

— Что толку от твоих извинений?!

Джордж и Марта обвилились вокруг жезла, который начал мерцать и превратился в нечто подозрительно напоминающее электрошокер для домашнего скота.

— Ты должна была спасать его, когда у тебя была такая возможность, — заворчал Гермес, глядя на Аннабет. — Только ты и могла это сделать.

Я попытался вмешаться.

— О чем это вы говорите? Аннабет не...

— Не защищай ее, Джексон! — Гермес направил электрошокер на меня. — Она прекрасно знает, о чем я говорю.

— Может, тебе стоит винить себя самого?! — Лучше бы мне было держать рот на замке, но единственное, что мне пришло в голову, — надо отвлечь его от Аннабет. Пока что он не выказывал своего недовольства мне, только Аннабет. — Может быть, все было бы иначе, если бы ты не бросил Луку и его мать!

Гермес поднял свой электрошокер и начал расти, пока наконец не достиг в высоту метров трех.

Я подумал: «Ну, вот и все». Но когда он собирался нанести удар, Джордж и Марта приблизились к уху бога и что-то прошептали.

Гермес заскрежетал зубами. Он опустил электрошокер, и тот снова превратился в жезл.

— Перси Джексон, — провозгласил он, — я должен пощадить тебя, потому что ты принял проклятие Ахилла. Теперь ты в руках мойр.^[9] Но не смей больше говорить со мной в таком тоне. Ты и понятия не имеешь, что я принес в жертву, чтобы...

Голос его осекся, он уменьшился до человеческих размеров.

— Мой сын, самая большая моя гордость... моя бедная Мей...

Голос его звучал так сокрушенно — я даже не знал, что ему сказать. Только что он был готов нас уничтожить, а теперь вызывал жалость.

— Послушай, господин Гермес, я приношу свои извинения, но я должен знать. Что случилось с Мей? Она говорила что-то о судьбе Луки, и ее глаза...

Гермес гневно посмотрел на меня, и я остановился на полужестком выражении его лица, однако, было не рассерженным — я увидел боль, глубокую, невыразимую боль.

— Теперь я вас покину, — сурово изрек он. — Идет война — и я должен вернуться в строй.

Его фигура окуталась сиянием. Я отвернулся и заставил Аннабет сделать то же самое, потому что она стояла ошеломленная, не в силах сдвинуться с места.

«Удачи тебе, Перси», — прошипела змея Марта.

Гермес засветился как сверхновая — и через мгновение исчез.

Аннабет села у подножия трона своей матери и заплакала. Я хотел утешить ее, вот только не знал как.

— Аннабет, это не твоя вина. Я никогда не видел, чтобы Гермес вел себя так. Я думаю, хотя и не уверен, что он, наверно, чувствует себя виноватым из-за Луки. И ищет, на кого бы спихнуть вину. Не знаю, чего это он напустился на тебя. Ты ничем не заслужила такого отношения.

Аннабет вытерла слезы. Она смотрела на очаг, словно это был ее собственный погребальный костер.

Я стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Ведь не заслужила же?

Она не ответила.

К руке у нее был пристегнут нож небесной бронзы — тот самый, что я видел в видении Гестии. Я ведь только теперь узнал, что это был подарок Луки. Я не раз у нее спрашивал, почему она предпочитает сражаться ножом, а не мечом, а она так толком и не ответила. Теперь я знал почему.

— Перси, — спросила она, — что ты имел в виду, когда говорил о матери Луки? Ты что, видел ее?

Я неохотно кивнул.

— Мы с Нико заглядывали к ней. Она была... немного не в себе.

Я описал Мей Кастеллан, рассказал о ее таинственном преображении, о том, что случилось с ее глазами, когда они начали светиться и она заговорила о судьбе своего сына.

Аннабет нахмурилась.

— Ерунда какая-то. Но зачем вы ходили к... — Глаза ее расширились. — Гермес сказал, что на тебе проклятие Ахилла. И Гестия о том же говорила. Неужели ты... окунался в Стикс?

— Не перескакивай с одной темы на другую.

— Перси, да или нет?

— Гм... ну, может быть... немного.

Я рассказал ей историю об Аиде и Нико, о том, как я сражался с армией мертвецов. Я опустил то место, в котором она вытаскивала меня из реки. Мне эта часть так до сих пор и не была ясна, и я смущался, думая про этот эпизод.

Аннабет потрясла головой — все никак не могла поверить тому, что услышала.

— Ты хоть понимаешь, насколько это было опасно?

— У меня не было выбора, — ответил я. — Только так у меня есть шансы против Луки.

— Ты, конечно, имеешь в виду... неуязвимость! Вот почему Лука не умер. Он отправился к Стиксу и... Ах, Лука, Лука. О чем ты думал?

— Ну вот, теперь ты снова начала переживать из-за Луки, — проворчал я.

— Что? — Она посмотрела на меня так, будто я только что свалился из космоса.

— Так, ерунда, — пробормотал я.

Интересно, подумал я, что имел в виду Гермес, когда говорил Аннабет о том шансе спасти Луку, который она не использовала. Она явно что-то недоговаривала. Но в этот момент я был не настроен расспрашивать ее. Меньше всего мне хотелось слушать про ее отношения с Лукой.

— Все дело в том, что он не умер в Стиксе, — сказал я. — И я тоже не умер. Теперь я должен сразиться с ним. Мы должны защитить Олимп.

Аннабет продолжала вглядываться в мое лицо, словно пытаясь понять, изменилось ли в нем что-нибудь после моего купания в Стиксе.

— Ну, кажется, ты в порядке. Моя мать говорила...

— О двадцать третьем плане.

Она порылась в сумочке и вытащила оттуда ноутбук Дедала. Когда она

загрузила его, на экране засветился символ «Дельта». Она открыла какие-то файлы и начала читать.

— Вот он, — сказала она. — О боги, сколько всего нам нужно сделать.

— Одно из Дедаловых изобретений?

— Куча изобретений... и притом опасных. Если моя мать хочет, чтобы мы действовали по этому плану, то, вероятно, она считает, что дела обстоят очень плохо. — Аннабет посмотрела на меня. — А как насчет ее послания тебе: «Помни о реках»? Это что значит?

Я потряс головой. Я, как водится, и понятия не имел, в чем смысл божественных посланий. О каких реках я должен был помнить? О Стиксе? О Миссисипи?

В этот момент в тронный зал вбежали братья Стоулл.

— Вы должны это увидеть! — воскликнул Коннор. — Скорее!

Синие огоньки пропали с неба, и поначалу я даже не понял, что имеют в виду Стоуллы. Остальные обитатели лагеря собрались в небольшом парке у подножия горы. Они сгруппировались у перил, глядя на Манхэттен. У перил были закреплены такие туристские бинокли — туда можно опустить золотую драхму и посмотреть на город. Ни одного свободного бинокля не осталось — ребята расхватали все до единого.

Я посмотрел вниз. С моего места было видно почти все — Ист-ривер и Гудзон, огибающие Манхэттен, сетка улиц, огни небоскребов, темная лента Центрального парка на севере. Все казалось обычным, но что-то было не так. Я это нутром почувствовал, еще до того как понял, что случилось.

— Я ничего... не слышу, — сказала Аннабет.

В этом-то и дело!

Даже с такой высоты я должен был слышать шум: миллионы спешащих по своим делам людей, тысячи несущихся автомобилей — гул громадного города. Живя в Нью-Йорке, не думаешь об этом, но этот гул всегда присутствует. Даже в разгар ночи Нью-Йорк не бывает тихим.

Но теперь оттуда не доносилось ни звука!

У меня возникло такое чувство, будто оглох мой лучший друг.

— Что они сделали? — Голос мой звучал рассерженно и напряженно. — Что они сделали с моим городом?

Я оттолкнул Майкла Ю от бинокля и приник к окулярам.

На улицах внизу прекратилось движение. Пешеходы лежали на тротуарах или, свернувшись калачиком, у дверей. Никаких следов насилия, разрушения — ничего такого. Создавалось ощущение, будто ньюйоркцы просто решили прекратить все свои занятия и отдохнуть.

— Они что, мертвы? — удивленно спросила Силена.

У меня в животе словно образовался кусок льда. В ушах зазвенела строка пророчества: «Мир погрузится в сон, будто пьяный». Я вспомнил историю Гроувера о его встрече с богом Морфеем в Центральном парке. «Тебе повезло, что я берегу энергию для главного события».

— Они не мертвы, — сказал я. — Морфей погрузил весь Манхэттен в сон. Вторжение началось.

Глава десятая

Я покупаю новых друзей

Одна только Миссис О'Лири чувствовала себя счастливой в спящем городе.

Мы увидели, как она выуживает содержимое из киоска с хот-догами, хозяин которого свернулся калачиком и спал рядом, посасывая большой палец.

Нас ждал Аргус, все его сто глаз были широко открыты. Он не сказал ни слова. Он вообще всегда помалкивает. Я думаю, это потому что у него и на языке глазное яблоко. Но, судя по его лицу, и Аргус пребывал в шоке.

Я рассказал ему о том, что нам удалось узнать на Олимпе. Что боги не кинутся сюда, нам на выручку. Аргус в отвращении закатил глаза, приобретя весьма экзотический видок, потому что все его тело от этого завернулось в спираль.

— Тебе лучше вернуться в лагерь, — сказал я ему. — Охраняй его, сколько хватит сил.

Он ткнул в меня и вопросительно поднял брови.

— Я остаюсь.

Аргус кивнул, словно этот ответ его удовлетворил, потом посмотрел на Аннабет и начертил пальцем круг в воздухе.

— Да, — согласилась Аннабет. — Я думаю, время пришло.

— Для чего? — спросил я.

Аргус вытащил из своего фургона бронзовый щит и передал его Аннабет. Внешне это был щит обычного, стандартного производства — такие круглые щиты мы всегда использовали при захвате флага. Но когда Аннабет положила его на землю, полированная поверхность отразила не окружающие здания и небо, а статую Свободы, которой рядом не было.

— Ух ты! — восхитился я. — Видео щит.

— Одна из идей Дедала, — сказала Аннабет. — Я попросила Бекендорфа — и он сделал его мне некоторое время назад... — Она кинула взгляд на Силену. — В общем, этот щит искривляет солнечный или лунный свет из любой точки мира и создает отражение. Ты в буквальном смысле можешь увидеть любую цель под солнцем или луной, пока на щит падает естественный свет. Смотри.

Мы сгрудились вокруг Аннабет. Она сосредоточилась. Изображение

сначала увеличилось и развернулось так стремительно, что голова у меня закружилась. Мы оказались в зверинце Центрального парка, потом переместились по 60-й Восточной улице мимо Блумингдейлса,^[10] потом свернули на Третью авеню.

— Ни фиги себе! — возвестил Коннор Стоулл. — Дай-ка назад. И теперь увеличение.

— Что? — нервно спросила Аннабет. — Ты видишь силы вторжения?

— Нет, вот тут — кондитерская Диланс. — Коннор ухмыльнулся, взглянув на своего брата. — Братишка, она открыта. И там все спят. Тебе приходят в голову те же мысли, что и мне?

— Коннор! — крикнула Кати Гарднер, нахмурившись. Она говорила таким же тоном, что и ее мать Деметра. — Это серьезно. Ты что, собираешься мародерствовать в кондитерской, когда идет война?!

— Извини, — пробормотал Коннор, но пристыженным он не казался.

Аннабет провела рукой перед щитом, и на нем появилась другая сцена: ФДР-драйв,^[11] вид через реку на Лайтхаус-парк.

— Это позволит нам увидеть, что происходит в городе, — пояснила она. — Спасибо, Аргус. Надеюсь, мы еще встретимся в лагере... когда-нибудь.

Аргус пробурчал что-то неразборчивое, посмотрел на меня взглядом, в котором явно читалось: «Удачи — она тебе понадобится», и забрался в фургон. Он и две гарпии-водительницы укатили, объезжая застывшие автомобили, стоявшие повсюду на дороге.

Я свистнул Миссис О'Лири — и та прискакала ко мне.

— Привет, девочка! Ты помнишь Гроувера? Это тот сатир, которого мы встретили в парке.

— Гав!

Я надеялся, что она имела в виду: «Конечно помню!», а не «У тебя больше нет хот-догов?»

— Мне нужно, чтобы ты его нашла, — сказал я. — Убедись, что он не улегся спать. Нам понадобится его помощь. Поняла? Найди Гроувера!

Миссис О'Лири облизала меня слюнявым языком, а потом понеслась прочь.

Поллукс присел рядом со спящим полицейским.

— Не понимаю — почему мы тоже не уснули? Почему только смертные?

— Это слишком крупномасштабное волшебство, — вмешалась Силена Боргард. — Чем масштабнее магия, тем проще ей противиться. Если ты

хочешь усыпить миллионы смертных, то тебе нужно размазать волшебство очень тонким слоем. А вот усыпить полубога гораздо труднее.

Я уставился на нее.

— Когда это ты столько успела узнать про магию?

— Не все же время я провожу, подбирая себе гардероб! — Силена зарумянилась.

— Перси, — услышал я голос Аннабет. Она все еще смотрела на щит. — Взгляни-ка сюда.

На бронзовом щите было изображение пролива Лонг-Айленд в районе аэропорта Ла Гуардиа.^[12] По темной воде к Манхэттену устремилось с десяток быстроходных катеров, забитых полукровками в полных греческих доспехах. На корме ведущего катера трепыхалось на ветру багряное знамя с черной косой. Я никогда еще не видел такого, но сообразить было нетрудно: боевое знамя Кроноса.

— Проверь периметр острова, — подсказал я. — Быстро!

Аннабет изменила изображение на щите — теперь он показывал часть острова к югу от гавани. Около Эллис-Айленд вспарывал воду стейтен-айлендский паром. Палуба была забита драконицами и целой сворой адских гончих. Перед паромом плыла стая морских млекопитающих. Поначалу я было подумал, что это дельфины, но потом, увидев их собачьи физиономии и мечи, пристегнутые к талиям, понял, что это тельхины.

Картинка на щите снова переменилась — теперь на нем был виден берег Джерси прямо перед въездом в туннель Линкольна. По проезжей части между замерших машин маршировала сотня самых разных монстров — великаны с дубинками, отколовшиеся от своего рода циклопы, несколько огнедышащих драконов, а в довершение ко всему колонну замыкал танк времен Второй мировой войны — «шерман»: въезжая в туннель, он сминал стоящие у него на пути машины.

— Что происходит со смертными за пределами Манхэттена? — спросил я. — Неужели усыплен весь штат?

Аннабет нахмурилась.

— Не думаю. Но это странно. Судя по этим изображениям, Манхэттен целиком погрузился в сон. Потом, в радиусе около пятидесяти миль вокруг острова время течет очень-очень медленно. Чем ближе к Манхэттену — тем медленнее.

Она показала мне еще одну сцену — шоссе в Нью-Джерси. Стоял субботний вечер, а потому движение было не таким напряженным, как в будни. Водители вроде бы не спали, но машины двигались со скоростью около мили в час. Над ними медленно пролетали птицы.

— Это Кронос, — сказал я. — Он замедляет время.

— А ему, наверно, помогает Геката, — добавила Кати Гарднер. — Вы посмотрите, как все машины уходят от съездов на Манхэттен — словно получают какой-то подсознательный приказ возвращаться.

— Не знаю... — Голос Аннабет звучал растерянно. Она ужасно не любила всякие непонятные и нелогичные вещи. — Ясно только, что они окружили Манхэттен кольцами магии. Внешний мир, возможно, даже не понимает, что тут творится нечто неладное. Все смертные, направляющиеся к Манхэттену, замедляются до такой степени, что перестают понимать происходящее.

— Это как мушки в янтаре, — пробормотал Джейк Мейсон.

— Нам не стоит рассчитывать на чью-либо помощь.

Я повернулся к ребятам. Вид у них был ошеломленный и испуганный, винить их в этом я не мог. Щит показал нам не меньше трех сотен врагов, направлявшихся в нашу сторону. А нас было всего сорок. И мы остались в одиночестве.

— Итак, мы будем оборонять Манхэттен!

Силена поправила на себе доспехи.

— Слушай, Перси, — неуверенно протянула она, — ведь Манхэттен — он такой громадный.

— Мы будем его оборонять, — повторил я. — У нас нет другого выхода.

— Он прав, — поддержала Аннабет. — Боги ветров не подпустят силы Кроноса к Олимпу по воздуху, поэтому враги предпримут атаку с земли. Мы должны заблокировать все доступы на остров.

— Но у них же катера, — заметил Майкл Ю. Меня словно токомшибануло — я вдруг вспомнил совет Афины: «Помни о реках».

— О катерах позабочусь я, — сказал я.

— Каким образом? — нахмурился Майкл.

— Предоставьте это мне. Мы должны охранять мосты и туннели. Будем исходить из того, что они предпримут попытку атаковать откуда-нибудь из центральной части города. По крайней мере, такой будет первая попытка. Это самый близкий путь к Эмпайр-стейт-билдингу. Майкл, бери домик Аполлона и иди к мосту Уильямсберг. Кати, ты с домиком Деметры обороняешь туннель Бруклин-Бэттери. Вырасти в туннеле колючий кустарник и ядовитый плющ. Делайте, что сочтете нужным, только задержите их там! Коннор, бери половину домика Гермеса — будешь прикрывать мост Манхэттен. Тревис, ты с другой половиной будешь оборонять мост Бруклин. И чтобы не заглядывать там в кондитерские —

никаких грабежей и мародерства!

— О-о-о-о! — в один голос жалобно простонал домик Гермеса.

— Силена, ты берешь команду Афродиты и идешь к туннелю Куинс-Мидтаун.

— О боги, — проговорила одна из ее сестер, — мы же будем проходить по Пятой авеню! Там можно прибарахлиться всякими штучками, а монстры — они запах «Живанши» просто ненавидят.

— Никаких задержек! — отрезал я. — Ну а что касается духов... если ты думаешь, что это поможет.

Шесть девчонок Афродиты, радостно подпрыгивая, принялись целовать меня в щеки.

— Все! Хватит! — Я закрыл глаза, пытаюсь вспомнить: не забыл ли чего. — Так, теперь туннель Холланд. Джейк, ты ведешь туда домик Гефеста. Используйте греческий огонь, расставляйте ловушки — все, что есть в запасе.

— С удовольствием, — ухмыльнулся он. — За нами должок. За Бекендорфа.

Весь домик разразился одобрительными возгласами.

— Мост на Пятьдесят девятой улице, — продолжил я. — Кларисса...

Я запнулся. Клариссы с нами не было. Весь домик Ареса, будь они прокляты, остался в лагере.

— Туда пойдем мы, — вмешалась Аннабет, спасая меня от неловкой паузы. Она повернулась к своим братьям и сестрам: — Малькольм, бери домик Афины и активируйте двадцать третий план. Как я вам показывала. Обороняйте эту позицию.

— Ясно.

— Я пойду с Перси. Потом мы присоединимся к вам... или направимся туда, где будем нужнее.

Из задних рядов раздался чей-то голос:

— Вы только там на пару не загуляйте.

Послышались смешки, но я решил не обращать на них внимания.

— Ну, все, — заключил я. — Связь держим по мобильникам.

— Нет у нас мобильных, — возразила Силена.

Я нагнулся, вытащил из сумочки у какой-то похрапывающей дамы ее «блэкберри» и кинул Силене.

— Теперь есть. Вы все знаете номер Аннабет? Если мы вам понадобится, берите любой телефон и звоните. Один звонок — и выбрасывайте его. Если понадобится позвонить еще раз — берите другой. Так монстрам будет труднее вас засечь.

Все засмеялись — им эта идея явно пришлась по вкусу. Тревис откашлялся.

— Ну если мы найдем какой-нибудь особо крутой телефон...

— Нет, не смейте себе оставлять, — оборвал его я.

— Да брось ты.

— Постой-ка, Перси, — вмешался Джейк Мейсон, — ты забыл про туннель Линкольна!

Я чуть не выругался. Он был прав. Прямо сейчас по нему маршировала сотня монстров с танком «шерман» в арьергарде, а все наши силы уже были распределены.

Вдруг с другой стороны улицы раздался девчоночий голос:

— Что, если ты поручишь это нам?

Никогда я еще не был так счастлив! Пятую авеню пересекала группа примерно из тридцати девушек. Белые рубашки, серебристые камуфляжные штаны и армейские ботинки, у всех на поясах висели мечи, на спине колчаны, луки на изготовку. У их ног мельтешили белые волки, многие держали на руке охотничьих соколов.

У девчонки, возглавлявшей эту группу, черные волосы иголками торчали во все стороны. На ней была черная кожаная куртка, а на голове, словно диадема принцессы, серебряный венец, который плохо подходил к ее сережкам в форме черепов и футболке «смерть Барби» — куколка была изображена со стрелой, пронзившей голову.

— Талия! — воскликнула Аннабет.

Дочь Зевса усмехнулась.

— Охотницы Артемиды к бою готовы!

Начались объятия и приветствия... во всяком случае, Талия вела себя по-дружески. Остальным охотницам претило общение с обитателями лагеря, в особенности с мальчишками, но они, по крайней мере, никого из нас не пристрелили, а уже само это было теплым приемом.

— Где ты пропадала целый год? — спросил я у Талии. — У тебя, я смотрю, охотниц теперь стало раза в два больше!

Она рассмеялась.

— Ну, это очень долгая история. Могу поспорить, мои приключения были поопаснее твоих, Джексон.

— Наглая ложь! — возмутился я.

— Посмотрим, — ответила Талия. — Когда все это закончится, ты, Аннабет и я... встречаемся в этом отеле — как там его? — на Пятьдесят шестой Западной. Чизбургеры и картошка фри.

— «Ле паркер меридьен» называется. Договорились. Да, Талия, и еще — спасибо...

Она пожала плечами.

— Эти монстры даже не поймут, отчего они умерли. Охотницы, вперед!

Она шлепнула по серебряному браслету, и щит Эгиды увеличился до своих полных размеров. Золотая голова Медузы в центре была такой страшной, что все тут же отвели взгляд. Охотницы двинулись по улице вместе с волками и соколами, и я преисполнился уверенности, что за туннель Линкольна пока можно не волноваться.

— Слава богам! — Аннабет, как всегда, угадала мои мысли. — Но если мы не перекроем доступ на берег тем катерам, то охрана мостов и туннелей становится бессмысленной.

— Ты права.

Я посмотрел на ребят — у них был суровый и решительный вид. Мне не хотелось думать, что я, может быть, в последний раз вижу их всех вместе.

— Вы — величайшие герои этого тысячелетия, — сказал я им. — Не имеет значения, сколько монстров будет вас атаковать. Сражайтесь храбро — и мы победим! — Я вскинул Анаклузмос и прокричал: — За Олимп!

— За Олимп! — раздался в ответ дружный вопль сорока глоток, его эхо разнеслось по безмолвному городу.

Мне показалось, что я слышу отвагу в этом крике, но потом он стих — и возобладала тишина, воцарившаяся над десятью миллионами спящих ньюйоркцев.

Мы с Аннабет могли бы выбрать себе автомобиль, чтобы добраться до места, но они стояли плотно — бампер к бамперу — и, что странно, ни один двигатель не работал. Казалось, что у водителей, прежде чем их сморил сон, нашлось время, чтобы выключить зажигание. А может, Морфей обладал способностью усыплять и двигатели? Большинство водителей, почувствовав, что вот-вот вырубятся, явно пытались припарковаться у тротуара, но все же улицы были слишком забиты транспортом — не проехать.

Наконец мы нашли спящего курьера, прикорнувшего у кирпичной стены на своей «веспе». Мы стащили его со скутера и положили на тротуар.

— Извини, братишка, — сказал я. — Если повезет, я смогу вернуть скутер на место. Если нет, то это не будет иметь значения, потому что от

города останутся одни руины.

Я устроился в седле, посадив сзади Аннабет, она обхватила меня за талию. Мы петляли по Бродвею, и наш двигатель громко урчал в этой феерической тишине. Единственными звуками были раздававшиеся время от времени трели телефонов, такое впечатление, словно они звонили друг другу, а Нью-Йорк превратился в гигантский вольер для электронных пташек.

Продвигались мы медленно. Время от времени нам попадался пешеход, заснувший прямо перед автомобилем. Таких мы оттаскивали в сторону — на всякий случай. Один раз нам пришлось остановиться, чтобы погасить загоревшуюся тележку торговца солеными крендельками. Несколько минут спустя мы кинулись за детской коляской, которая сама по себе катилась по улице. Оказалось, что ребенка в ней не было — только чей-то уснувший пудель. Поди пойми, что он там делал. Мы поставили коляску у дверей магазина и двинулись дальше.

Мы проезжали Мэдисон-сквер-парк, когда Аннабет сказала:

— Ну-ка, притормози.

Я остановился посреди 23-й Восточной улицы. Аннабет спрыгнула с седла и побежала к парку. Когда я догнал ее, она разглядывала бронзовую статую на постаменте из красного мрамора. Я проходил мимо этой статуи, наверно, миллион раз, но так и не удосужился разглядеть ее по-настоящему.

На стуле, заложив ногу на ногу, сидел мужик, одетый в старомодный костюм на манер Авраама Линкольна — в галстук-бабочке и длиннополом фраке... ну, всякое такое. Под стулом лежала кipa книг. В одной руке он держал гусиное перо, а в другой — большой металлический лист бумаги.

— На кой ляд нам... — Я прищурился, разглядывая имя на пьедестале. — Уильям Стюард?

— Сьюард, — поправила меня Аннабет. — Он был губернатором Нью-Йорка. Малый полубог — сын Гебы, кажется. Но это не имеет значения. Меня интересует статуя.

Она взобралась на садовую скамейку и внимательно осмотрела основание статуи.

— Только не говори мне, что он автоматон, — сказал я.

Аннабет улыбнулась.

— Как выясняется, большинство статуй в городе — автоматоны. Дедал посадил их сюда на тот случай, если ему понадобится армия.

— Чтобы атаковать Олимп или защищать его?

— Какая разница! — Аннабет пожала плечами. — Это был двадцать третий план. Достаточно активировать одну статую, а та уже начнет

активировать остальных своих собратьев по всему городу, пока не соберет армию. Но конечно, это опасно. Ты же знаешь, насколько непредсказуемы автоматоны.

— Угу, — кивнул я. У нас был неудачный опыт общения с автоматоны. — Ты что, серьезно думаешь активировать его?

— У меня есть записки Дедала. Я думаю, у меня получится... Ага, вот она.

Она нажала на носок Сьюардова ботинка, и статуя встала, держа на изготовку перо и лист бумаги.

— И что он будет делать? — пробормотал я. — Стенографировать?

— Тихо! — шикнула Аннабет. — Привет, Уильям.

— Билл, — подсказал я.

— Билл... да замолчи ты! — повернулась ко мне Аннабет.

Статуя наклонила голову и уставилась на нас пустыми металлическими глазами.

Аннабет откашлялась.

— Здравствуйте, губернатор Сьюард. Последовательность команд: Дедал Двадцать три. Защита Манхэттена. Начать активацию!

Сьюард прыгнул со своего пьедестала. Он так грохнулся о землю, что под его ботинками треснул асфальт. Тяжелыми шагами он направился на восток.

— Вероятно, он собирается разбудить Конфуция, — предположила Аннабет.

— Что? — переспросил я.

— Другую статую на Дивижн-стрит. Они, наверное, станут будить друг друга, пока не будут активированы все.

— А потом?

— Надеюсь, они защитят Манхэттен.

— А они знают, кто враг?

— Хочется верить...

— Ты меня утешила...

Я представил себе все бронзовые статуи в домах, парках, на площадях Нью-Йорка. Их, наверно, сотни, а может, тысячи.

Потом в вечернем небе где-то над Ист-ривер вспыхнул зеленый шар — греческий огонь.

— Надо спешить! — воскликнул я, и мы побежали к «веспе».

Мы притормозили у Баттери-парк в нижнем окончании Манхэттена, где, вливаясь в залив, встречаются Гудзон и Ист-ривер.

— Жди меня здесь, — сказал я Аннабет.
— Перси, ты не должен уходить один.
— Если ты можешь дышать под водой — присоединяйся...
— Ты иногда просто невыносим, — вздохнула она.
— Иногда — это в тех случаях, когда я прав? Можешь мне поверить — все будет в порядке. Теперь на мне проклятие Ахилла. Я весь неуязвимый и всякое такое.

Аннабет это вовсе не показалось убедительным.

— Будь осторожнее. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ну, то есть... ты нам еще понадобишься, когда начнется сражение.

Я ухмыльнулся.

— Вернусь — и глазом моргнуть не успеешь.

Я спустился к заливу и вошел в воду.

Совет всем, кто не имеет отношения к морским богам: не купайтесь в нью-йоркской гавани. Может, вода там и не такая грязная, как во времена юности моей матери, но и сейчас еще, окунись — и у тебя может прорезаться третий глаз или, когда вырастешь, будут рождаться дети-мутанты.

Я нырнул во мрак и быстро оказался на дне. Попытался найти точку, где течения двух рек казались равными по силе — где они встречались, образуя залив. Я решил, что это наилучшее место, чтобы привлечь их внимание.

— Эгей! — закричал я своим наилучшим подводным голосом. Этот звук гулко разнесся в темноте. — Ходят слухи, ребята, будто вы стали такими грязными, что вам стыдно показывать свои физиономии. Это правда?

Холодное течение несло через залив, разметая потоки мусора и ила.

— Я слышал, что Ист-ривер токсичнее, — продолжал я, — но от Гудзона воняет похуже. Или наоборот?

Вода замерцала. Теперь за мной наблюдало что-то мощное и рассерженное. Я ощущал его присутствие... или два присутствия. Я боялся, что неправильно рассчитал силу оскорблений. Что, если они просто разорвут меня на части, даже не показавшись? Но это все же были нью-йоркские речные боги, и я решил, что они, подчиняясь инстинкту, захотят посмотреть на меня.

И точно — передо мной возникли две гигантские фигуры. Поначалу это были просто темно-коричневые вихри ила, более плотные, чем вода вокруг них. Потом у них проявились руки, ноги и недовольные лица.

Существо слева неприятно напоминало тельхина: волчья физиономия,

тело, отдаленно смахивающее на моржовое — обтекаемое, черное с ногами и руками в виде ласт. Глаза излучали зеленый свет.

Тип справа имел вид более гуманоидный. На нем было надето какое-то тряпье и морские водоросли с кольчугой, сделанной из крышечек от пивных бутылок и старых пластиковых упаковок. Лицо подернуто ряской, борода выросла до немыслимых размеров, глубоко посаженные синие глаза горели гневом.

Морж, который, судя по всему, был богом Ист-ривер, сказал:

— Тебе что, парень, жизнь надоела? Или ты просто очень глупый?

— Ну, по дуракам ты у нас главный спец, Ист. — Бородатый дух Гудзона усмехнулся.

— Помолчи, Гудзон, — прорычал Ист. — Оставайся по свою сторону острова и не суй нос в чужие дела!

— А то что? Бросишь в меня еще одну баржу с мусором?

Они поплыли навстречу друг другу, готовые сойтись в схватке.

— Эй, погодите! — закричал я. — Тут у нас проблема посерьезнее.

— Этот парень прав, — пробурчал Ист. — Давай-ка прикончим его, а потом будем выяснять отношения.

— Хорошая мысль, — согласился Гудзон.

Я и пикнуть не успел, как со дна поднялись две горы мусора и с обеих сторон полетели прямо на меня — битое стекло, камни, консервные банки, покрышки.

Но я этого и ждал. Вода передо мной сгустилась в щит. Мусор отскакивал от него, не причиняя мне вреда. До меня добрался только один осколок стекла — он ударил меня в грудь и, наверно, убил бы, однако сейчас просто отскочил от кожи.

Два речных бога недоуменно уставились на меня.

— Сын Посейдона? — спросил Ист.

Я кивнул.

— Окунался в Стикс?

— Точно.

Оба произвели звуки, которые я не мог истолковать иначе как отвращение.

— Ну и дела, — протянул Ист. — Как же мы теперь его уьем?

— Может, током? — задумчиво сказал Гудзон. — Если я найду где-нибудь провода высокого напряжения...

— Послушайте меня! — заорал я. — Армия Кроноса вторгается на Манхэттен!

— Ты что думаешь — мы этого не знаем? — спросил Ист. — Я в этот

самый момент чувствую его катера. Они почти добрались до берега.

— Ну да, — согласился Гудзон. — Я тут тоже перехватил несколько грязных монстров, которые пересекали мои воды.

— Так остановите их, — попросил я. — Утопите. Пустите их катера на дно.

— С какой стати? — проворчал Гудзон. — Ну захватят они Олимп? Нам-то что?

— А то, что я вам могу заплатить!

Я вытащил песчаный доллар, подаренный мне отцом на день рождения.

Глаза речного бога расширились.

— Он мой! - рыкнул Ист. — Дай его мне, парень, и я тебе обещаю, что ни один из кроносовских подонков не пересечет Ист-ривер.

— Забудь об этом, — возразил Гудзон. — Или ты отдашь этого ежа мне, или все их катера пересекут Гудзон.

— Давайте пойдем на компромисс.

Я разломал песчаный доллар пополам. Из места разлома хлынул ручеек чистой свежей воды, словно растворяя всю грязь залива.

— Каждый из вас получит половинку, — сказал я. — А вы за это не пустите силы Кроноса на Манхэттен.

— О дружище, — застонал Гудзон, протягивая руку за морским ежом. — Я так давно не был чистым.

— Мощь Посейдона, — пробормотал Ист-ривер. — Он, конечно, клоун, но он знает, как бороться с загрязнением.

Они посмотрели друг на друга, а потом сказали в унисон:

— Договорились!

Я протянул каждому по половинке морского ежа, они стремительно выхватили их у меня.

— Только не забудьте про вторжение, — напомнил я.

Ист сделал движение рукой.

— Они уже на дне.

Гудзон щелкнул пальцами.

— Стая адских гончих уже под водой.

— Спасибо. Желаю вам чистоты и свежести.

Я стал подниматься на поверхность, когда Ист окликнул меня:

— Эй, парень, если у тебя появится еще песчаный доллар — возвращайся. Если, конечно, останешься жив.

— Проклятие Ахилла, — фыркнул Гудзон. — Они всегда думают, что это их спасет.

— Если бы он только знал, — согласился Ист.
Они, рассмеявшись, растворились в воде.

Когда я выплыл на берег, Аннабет разговаривала по телефону, но стоило ей увидеть меня, как она отсоединилась. Вид у нее был совершенно потрясенный.

— Получилось, — отрапортовал я. — По рекам они не пройдут.

— Отлично, — сказала она. — Но у нас есть другие проблемы. Только что звонил Майкл Ю. По мосту Уильямсберг движется еще одна армия. Домик Аполлона просит помощи. И знаешь, кто ведет этих монстров? Перси, это Минотавр.

Глава одиннадцатая

Мы ломаем мост

К счастью, Пират был начеку. Я засвистел как мог громче, словно такси вызывал, и через несколько минут с небес кругами спустились две тени. Поначалу они вроде были похожи на коршунов, но когда приблизились, я различил длинные ноги пегасов.

«Иа-а, босс! — Пират приземлился, перебирая копытами, а следом за ним сел его друг Порки. — Ну я тебе скажу, эти боги ветров чуть не забросили нас в Пенсильванию. Поутихли, только когда мы сказали, что мы с тобой!»

— Спасибо, что прискакали, — сказал я ему. — Слушай, а почему пегасы даже в полете галопируют?

Пират заржал.

«А почему люди размахивают руками на ходу? Я этого не знаю, босс. Просто так получается. Так мы куда?»

— Нам нужно на мост Уильямсберг.

Пират опустил шею.

«Ты прав, босс, черт побери. Мы пролетели над ним по пути сюда, и дела там идут не ахти. Прыгай!»

Пока мы летели к мосту, в желудке у меня постепенно образовался ледяной комок. Минотавр был одним из первых побежденных мной чудовищ. Четыре года назад он почти убил мою мать на Холме полукровок. Меня эта сцена до сих пор преследует в ночных кошмарах.

Я надеялся, что он хоть несколько веков пробудет мертвым, однако следовало знать: удача — штука непостоянная.

Мы увидели, что идет сражение, еще до того как сумели разглядеть отдельные фигуры. Время уже перевалило за полночь, но на мосту было светло как днем. Горели машины. Огненные дуги пронизывали воздух в обоих направлениях — противники стреляли друг в друга горящими стрелами или метали огненные копья.

Когда мы зашли на бредущем, я увидел, что домик Аполлона отступает. Ребята, укрываясь за автомобилями, стреляли в наступающую армию, разбрасывали разрывные стрелы и устанавливали проволочные заграждения, где только было можно, возводили огненные баррикады,

выволакивали из автомобилей спящих водителей, чтобы те ненароком не пострадали. Но враг продолжал их теснить. Впереди двигалась целая фаланга дракониц, они сомкнули щиты, а поверх них выставили копья. Время от времени стрела попадала в чье-нибудь змеиное туловище, или шею, или зазоры в доспехах, и тогда невезучая женщина-змея рассыпалась в прах, но большинство стрел Аполлона отскакивали от щитов, не причиняя драконам никакого вреда. За ними шла еще сотня монстров.

Изредка вперед выпрыгивали адские гончие. Большинство из них тут же погибали под градом стрел, но одной удалось схватить кого-то из наших и утащить с собой. Я не видел, что с ним случилось потом, — и думать об этом не хотел.

— Смотри! — крикнула Аннабет со спины своего пегаса.

Какие могли быть сомнения — в середине наступающего легиона шествовал сам Говяжья Башка.

Когда я в последний раз видел Минотавра, на нем были только трусики в обтяжку. Не знаю почему. Может, он спал у себя в кровати, перед тем как броситься в погоню за мной. На этот раз он подготовился к бою.

От пояса вниз он облачился в обычное греческое боевое снаряжение — кожаная юбка наподобие шотландского килта, бронзовые ножные латы с застешками и плотно зашнурованные кожаные сандалии. Верхняя половина Минотавра была абсолютно бычья — волосы, шкура и мышцы вплоть до головы, такой огромной, что даже казалось странным, почему он не теряет равновесия и не падает под одним только весом рогов. Похоже, он увеличился в размерах с тех пор, как я видел его в последний раз, — монстр имел никак не меньше трех метров росту. На спине у него был пристегнут двусторонний топор, и Минотавр, видимо, горел желанием воспользоваться этим оружием. Увидев, что я кружу над ним (скорее почуяв, потому что зрение у него было никудышное), он заревел и схватил белый лимузин.

— Пират, пикируй! — завопил я.

«Что? — удивился пегас. — Ничего у него не получится... о святые лошадиные силы!»

Мы были на высоте метров тридцать, но лимузин летел прямо в нас, переворачиваясь в воздухе, словно двухтонный бумеранг. Аннабет и Порки с бешеной скоростью метнулись в сторону, а Пират сложил крылья и нырнул вниз. Лимузин пролетел над моей головой сантиметрах в пяти. Он срезал несущий трос моста и полетел вниз — в воды Ист-ривер.

Чудовища захохотали и закричали, а Минотавр схватил другую машину.

— Высади нас за нашей передней линией обороны, — велел я Пирату. — Оставайся поблизости, но в безопасном месте.

«Даже не буду спорить, босс!»

Пират приземлился за перевернутым школьным автобусом, где пряталась пара наших. Мы с Аннабет скатились с пегасовых спин, как только их копыта коснулись асфальта, а Пират и Порки тут же воспарили в ночное небо.

К нам подбежал Майкл Ю. Он был самым низкорослым бойцом, каких мне доводилось видеть. Рука перевязана, остренькое личико перепачкано сажей, а в колчане почти не осталось стрел — но он улыбался так, словно никогда в жизни так славно не развлекался.

— Здорово, что вы с нами! — осклабился он. — А где еще подкрепление?

— Других пока не будет! — сказал я.

— Тогда нам конец, — так же жизнерадостно объявил он.

— Твоя летучая колесница все еще при тебе? — спросила Аннабет.

— Не-а, — ответил Майкл. — Оставил ее в лагере. Я сказал Клариссе — пусть пользуется. А что? Я решил, хватит уже ссориться из-за нее. Но она сказала, что слишком поздно. Что ее честь оскорблена, что эта капля переполнила чашу, и все такое.

— Ну, по крайней мере, ты попытался.

Майкл пожал плечами.

— Ну я пообзывал ее по-всякому, когда она сказала, что все равно не будет драться. Вряд ли это помогло... Ну вот, опять эти уроды!

Он вытащил стрелу и пустил ее в противника. Стрела в полете производила жуткое скрежетание. Ударившись о землю, она взорвалась, издав звук, похожий на взятый на электрогитаре аккорд, усиленный через самые мощные в мире громкоговорители. Взорвалась ближайшая машина. Монстры побросали оружие и зажали уши руками. Некоторые пустились наутек. Другие рассыпались в прах на месте.

— Все. Последняя стрела осталась, — вздохнул Майкл.

— Подарок отца? — поинтересовался я. — Бога музыки?

— Громкая музыка может приносить ощутимый ущерб. — Майкл озорно усмехнулся. — К сожалению, убивает она не всегда.

Большинство монстров, как и следовало ожидать, оправившись от испуга, перестроились.

— Мы должны отойти, — сообщил Майкл. — Я отправил Кайлу и Остину ставить ловушки на мосту немного дальше.

— Нет, — возразил я. — Веди своих ребят вперед — на эту позицию.

И ждите моего сигнала. Мы выгоним врага назад в Бруклин.

Майкл засмеялся.

— И как ты собираешься это сделать?

Я обнажил меч.

— Перси, — предложила Аннабет. — Давай я с тобой.

— Слишком опасно. И потом мне нужно, чтобы ты помогла Майклу координировать оборону. Я отвлеку чудовищ. А вы собирайтесь здесь в кулак. Уберите спящих смертных, чтобы не мешали. А потом начнете отстреливать монстров, пока они будут гоняться за мной. Если кому это по силам, то тебе одной.

— Ну спасибо. — Майкл обиженно фыркнул.

Я не сводил взгляда с Аннабет.

Она неохотно кивнула.

— Ладно. Давай.

Чувствуя, что мужество покидает меня, я поторопился сказать:

— А как насчет поцелуя на удачу? Это ведь как бы традиция.

Я думал, она съездит мне по физиономии, но Аннабет вытащила свой кинжал и хмуро оглядела наступающую на нас армию.

— Возвращайся живым, Рыбы Мозги. А там посмотрим.

Я решил, что большего мне от нее сейчас не добиться (хорошо хоть так), и вышел из-за школьного автобуса. И, не прячась, двинулся по мосту — прямо на противника.

Стоило Минотавру увидеть меня, как его глаза прямо-таки загорелись ненавистью. Он заревел — звук этот был похож на нечто среднее между воплем, мычанием и очень громкой отрыжкой.

— Эй, Говяжья Башка! — прокричал я. — Я ведь, кажется, тебя убил один раз!

Он впечатал кулак в капот «лексуса», и металл смялся, как фольга.

Несколько дракониц запустили в меня огненные дротики. Я клинком отмел их в сторону. Адская гончая бросилась на меня, но я увернулся. Я мог бы ее убить, но не стал этого делать.

«Это же не Миссис О’Лири, — напомнил я себе. — Это обычный неприрученный монстр. Он может убить меня и остальных».

Адская гончая прыгнула на меня снова, и на сей раз я взмахнул Анаклузмосом, описывая убийственную дугу. От адской гончей остались только шерсть да пыль. На меня бросились новые монстры — змеи, великаны и тельхины, но Минотавр зарычал на них, и они отступили.

— Один на один? — выкрикнул я. — Как в старые времена?

Ноздри Минотавра задрожали. Нет, ему явно не помешала бы пачка бумажных салфеток в кармане, потому что нос у него стал мокрый, красный и сопливый. Он отстегнул топор и принялся им размахивать.

На свой суровый манер типа «я тебе сейчас выпущу кишки!» — это было, наверно, красиво. Каждая из заточенных лезвий топора имела форму буквы Ω, («омега») — последней буквы греческого алфавита. Может, потому, что его жертвы последним видели в жизни именно этот топор. Топорище было высотой с Минотавра — бронза в кожаной оплетке. Вокруг основания с каждой стороны болталось множество бус. Я вдруг понял, что это бусы из Лагеря полукровок — ожерелья, отобранные у полукровок, побежденных Минотавром.

Это меня так взбесило, что мои глаза засверкали, наверно, не слабее, чем у Минотавра. Я поднял меч. Армия монстров криками подбадривала Минотавра, но эти звуки стихли, когда я парировал его первый удар и разрубил его топор пополам — ровно между топорищами.

— Му-у? — замычал он.

— Ха! — Я с разворота нанес ему удар ногой прямо в морду.

Он пошатнулся, попытался удержать равновесие, потом наклонил голову, готовясь к атаке.

Но такой возможности я ему не предоставил. Мой меч рассек воздух — Минотавр лишился сначала одного рога, потом другого. Он попытался схватить меня. Я отскочил, успев подобрать половинку его разрубленного топора. Остальные монстры, напуганные и удивленные, молча отступили назад, образовав для нас круг. Минотавр взревел от злости. Откровенно говоря, он никогда не был особо умен, но теперь от ненависти стал еще и неосторожен. Он бросился на меня, а я, прорвавшись через ряд дракониц, кинулся к краю моста.

Минотавр, видимо, почуял близость победы. Он решил, что я пытаюсь дать деру. Его «шестерки» оживились. У края моста я развернулся и заклинил топор в ограждении так, чтобы его лезвие встретило Минотавра. Говяжьё Башка даже не сбавил скорости.

Хрусть.

Минотавр удивленно посмотрел на рукоятку топора, торчащую из его нагрудника.

— Спасибо за игру, — сказал я.

Я приподнял его за ноги и швырнул вниз с моста. Еще не успев достичь воды, он распался, снова превратившись в прах, его сущность вернулась в Тартар.

Я повернулся к армии чудовищ. Соотношение сил примерно сто

девятью к одному. Я сделал то, что было естественно в моем положении, — бросился в атаку.

Вам, конечно, интересно, как действовала эта самая неуязвимость: то ли я волшебным образом парировал все удары, то ли удары достигали цели, но не наносили мне вреда. Если откровенно, то я не помню. Я только знал, что не имею права пропустить этих монстров в мой город.

Я разрубал доспехи на врагах, словно бумажные. Женщины-змеи взрывались. Адские гончие растворялись в тени. Я рубил, колол и резал, раз или два, кажется, даже рассмеялся — смех сумасшедшего, который напугал меня не меньше, чем моих врагов. Я чувствовал, что ребята из домика Аполлона стреляют из луков у меня за спиной, пресекая все попытки врага перегруппироваться. В конечном счете монстры повернулись и бросились наутек — из двух сотен в живых осталось не больше двадцати.

Я преследовал их, а на пятки мне наступали ребята Аполлона.

— Да! — вопил Майкл Ю. — Получайте, гады!

Мы выгнали их на бруклинскую часть моста. Небо на востоке просветлело. Впереди виднелись будки и турникеты для взимания платы за проезд по мосту.

— Перси! — раздался крик Аннабет. — Ты их уже отогнал! Отходим! Мы слишком растянули наши коммуникации.

Какая-то часть меня понимала, что она права, но у меня так все здорово получалось... Мне хотелось уничтожить всех монстров до единого!

Но тут я увидел толпу у въезда на мост. Отступающие монстры бежали прямо к своему подкреплению. Это была небольшая группа из тридцати или сорока полубогов в боевых доспехах на лошадях-скелетах. У одного в руках багровело знамя с черной косой.

Передний всадник направил коня в мою сторону. Он снял шлем — и я узнал самого Кроноса, с глазами как расплавленное золото. Аннабет и ребята Аполлона остановились. Монстры, за которыми мы гнались, достигли группы титана и влились в нее. Кронос смотрел в нашу сторону. Он был от нас на расстоянии в четверть мили, но я могу поклясться, что видел его ухмылку.

— Теперь отходим, — сказал я.

Армия титана обнажила мечи и бросилась в атаку. Копыта их лошадей-скелетов цокали по асфальту. Наши лучники дали залп, и несколько врагов свалились с лошадей, но остальные неслись на нас.

— Отходите! — крикнул я ребятам. — Я их задержу!

Не прошло и нескольких секунд, как они набросились на меня.

Майкл и его лучники пытались отступить, но Аннабет осталась у меня за спиной, сражаясь своим ножом и зеркальным щитом. Мы медленно отходили по мосту.

Кавалерия Кроноса окружила нас, размахивая мечами и выкрикивая оскорбления. Сам титан наступал неторопливо, словно ему некуда было торопиться. Что ж, если ты, как Кронос, владыка времени, может, тебе и в самом деле некуда спешить.

Я старался не убивать его приспешников, а только ранить. Это, конечно, затрудняло мою задачу, но ведь они все же не монстры, а полукровки, попавшие под власть Кроноса. Я не видел их лиц под боевыми шлемами, но некоторые из них когда-то, вероятно, были моими товарищами. Я рубил ноги их коням, отчего эти скакуны-скелеты распадались на части. После того как несколько первых полукровок свалились на землю, остальные решили сражаться со мной спешившись.

Мы с Аннабет стояли спина к спине, отражая атаки с разных сторон. Надо мной появилась темная тень, и я решился взглянуть наверх. С небес спускались Пират и Порки, они лягались, раскидывая в сторону наших врагов в шлемах, а потом взмывали вверх, словно гигантские голубикамикадзе.

Мы пробились почти до середины моста, когда произошло что-то странное. У меня мороз по коже прошел, а может, это мурашки побежали — не успел толком понять. За спиной закричала от боли Аннабет.

— Аннабет!

Я повернулся в тот момент, когда она упала, держась за руку.

Над ней стоял полубог с окровавленным ножом.

Я мгновенно понял, что случилось. Судя по положению его клинка, он собирался ударить меня (может быть, совершенно случайно) именно в поясницу — в мое единственное уязвимое место.

Аннабет закрыла меня собой!

Но почему? Она ведь не знала о моем слабом месте. Никто не знал.

Я посмотрел в глаза врагу-полубогу, под его боевым шлемом я увидел повязку на глазу: Эфан Накамура, сын Немезиды! Ему каким-то образом удалось остаться в живых после взрыва на «Принцессе Андромеде». Я с такой силой заехал ему в лицо эфесом меча, что металл шлема прогнулся.

— Прочь! — закричал я, описывая мечом круги, чтобы отогнать остальных полукровок. — Пусть кто-нибудь только посмеет тронуть ее!

— Так... интересно...

Надо мной на коне-скелете возвышался Кронос, держа в одной руке косу. Прищулив глаза, он разглядывал поле боя, словно почуяв, что я только что был на волосок от смерти, — так волк чует страх жертвы.

— Отважная схватка, Перси Джексон, — сказал он. — Но ты должен сдаться — иначе девчонка умрет.

— Перси, не делай этого, — простонала Аннабет.

Ее рубашка напиталась кровью. Ее надо унести отсюда.

— Пират! — выкрикнул я.

Быстрее молнии пегас опустился на землю и ухватил зубами ремешки на доспехах Аннабет. Враг и глазом не успел моргнуть, как они оказались далеко на берегу реки.

Кронос зарычал.

— Очень скоро я сварю суп из пегаса. А пока... — Он спешил, его коса сияла в лучах занимающейся зари. — А пока меня устроит еще один мертвый полукровка.

Первый его удар — от которого сотрясся весь мост — я отразил Анаклузмосом и сумел не потерять равновесия. Ухмылка сошла с лица Кроноса.

Завопив, я сбил его с ног — он упал, и коса выпала из его рук на дорогу. Я попытался заколоть его, но он откатился в сторону и вскочил на ноги. Коса вернулась ему в руки.

— Так... — Он внимательно смотрел на меня, вид у него был слегка раздраженный. — Значит, тебе хватило смелости посетить Стикс. Луку мне пришлось долго уговаривать, прежде чем он сделал это. Если бы вместо него у меня был ты, если бы ты впустил меня в твое тело... но это не имеет значения. Я по-прежнему сильнее тебя. Ведь я титан.

Он ударил по мосту рукоятью косы, и меня потрянула силовой волной. Машины подскочили. Полубоги (и прихвостни Луки тоже) попадали в воду. Несущие тросы спружинили, и я отлетел назад по мосту, в сторону Манхэттена.

Я неуверенно поднялся на ноги. Ребята Аполлона отошли к самому началу моста, только Майкл Ю остался, ухватившись за трос в нескольких метрах от меня. Последняя стрела из его колчана была вставлена в лук.

— Майкл, уходи! — крикнул я.

— Перси! — заорал он в ответ. — Мост! Он уже ослаблен.

Поначалу я не понял, но, посмотрев вниз, увидел трещины в бетоне. Греческий огонь растопил целые куски дороги. Мосту изрядно досталось от действий Кроноса и от взрывающихся стрел.

— Доломай его! — завопил Майкл. — Используй свою силу!

Мысль была отчаянная (нет, сработать эта идея не могла), но я все же вонзил Анаклузмос в мост. Волшебный клинок по рукоять ушел в бетон. Из трещины хлынула соленая вода, словно я попал в гейзер. Я вытащил меч, и трещина расширилась. Мост задрожал и начал разрушаться. В Ист-ривер полетели обломки размером с дом. Полукровки из армии Кроноса закричали и попятились. Кое-кто сверзился вниз. Еще секунда-другая — и в мосту Уильямсберг между мной и Кроносом открылась двадцатиметровая пропасть.

Вибрации прекратились. Бойцы Кроноса осторожно подобрались к ее краю и посмотрели вниз — до воды было метров сорок.

Но я не чувствовал себя в безопасности. Несущие тросы еще держали мост. Если кому хватит смелости, то можно перебраться и по ним. А может, Кронос знает какие-то волшебные способы заделать пробоину.

Владыка титанов оценивал ситуацию. Он оглянулся на поднимающееся солнце, потом улыбнулся мне через разделявшую нас пропасть. И в издевательском приветствии поднял свою косу.

— Встретимся вечером, Джексон!

Титан вскочил на коня, развернулся и сопровождаемый своими воинами поскакал в Бруклин.

Я повернулся, чтобы поблагодарить Майкла, но слова застряли у меня в горле. В пяти метрах от меня лежал лук, а вот его владельца нигде не было.

— Нет! — вырвалось у меня.

Я обследовал обломки с моей стороны моста, вгляделся в воду внизу. Ничего!

Я закричал от злости и разочарования, и мой крик долгим эхом разнесся в утренней тишине. Я собирался высвистеть Пирата, чтобы он помог мне в поисках, но тут зазвонил мобильник матери. На дисплее высветилось — звонок от «Финкельштейн энд ассошиэйтс». Вероятно, звонил кто-то из наших с выбранного телефона.

Я нажал кнопку «ответ», надеясь услышать хорошие новости. Конечно же, я ошибался.

— Перси? — Голос Силены Боргард звучал так, будто она плакала. — Отель «Плаза». Приходи как можно скорее и лучше с целителем из домика Аполлона. Аннабет... ей плохо.

Глава двенадцатая

Рейчел заключает плохую сделку

Я взял Уилла Соласа из домика Аполлона, а его родне дал приказ искать Майкла. Мы одолжили у спящего байкера «ямаху» и помчались в отель «Плаза» со скоростью, от которой у моей матери наверняка случился бы сердечный приступ. Я никогда прежде не ездил на мотоциклах, но это оказалось не сложнее, чем скакать на пегасе.

По пути нам попадались пустые пьедесталы, на которых обычно стояли статуи. Похоже, двадцать третий план действовал. Понятия не имею, плохо это или хорошо.

Нам потребовалось всего пять минут, чтобы доехать до юго-восточного угла Центрального парка, где располагалась «Плаза» — старомодный отель из белого камня с остроконечной синей крышей.

С тактической точки зрения размещение штаба в «Плазе» было не лучшим выбором. «Плаза» — далеко не самое высокое здание в городе, и расположено оно не в центре. Но отель выстроен в духе старой школы и за прошедшие годы привлек внимание многих знаменитых полубогов, таких как, скажем, «Битлз» или Альфред Хичкок, так что я решил, мы там будем в хорошей компании.

Я прибавил газу, и «ямаха» выскочила через бордюр на тротуар и остановилась у фонтана перед отелем.

Мы с Уиллом спрыгнули с седла. Статуя на вершине фонтана проговорила:

— О, великолепно! Я полагаю, что вы хотите, чтобы я и за вашим мотоциклом присмотрела?

Эта бронзовая статуя в человеческий рост стояла в середине гранитной чаши. На ней было только бронзовое полотнище вокруг бедер, а в руках она держала корзинку с металлическими фруктами. Прежде я на нее не обращал особого внимания. Но ведь и она тоже до этого со мной не разговаривала.

— Ты вроде бы Деметра? — спросил я.

У меня над головой просвистело бронзовое яблоко.

— Все думают, что я Деметра, — пожаловалась она. — Но я Помона — римская богиня фруктовых садов, но тебе-то какая разница? Малые боги никого не интересуют. Если бы вас интересовали малые боги, вы бы не

проигрывали эту войну! Привет Морфею и Гекате.

— Присмотри за мотоциклом, — сказал я ей.

Помона выругалась на латыни и, когда мы побежали к дверям отеля, швырнула еще одно яблоко в Уилла.

Вообще-то я никогда прежде не бывал в «Плазе». Холл с хрустальными люстрами и спящими повсюду богачами производил внушительное впечатление, но я не особо обращал внимание на все это. Две охотницы указали нам направление к лифтам, и мы поднялись к номерам пентхауса.

Верхние этажи были полностью заняты полукровками. Охотницы и обитатели лагеря отдыхали на диванах, умывались в ваннных комнатах, срывали шторы, чтобы перебинтовать раны, подкреплялись закусками и лимонадом из мини-баров. Два волка пили воду из унитазов. Я с облегчением увидел, что немало моих друзей пережили эту ночь, но вид у всех был довольно плачевный.

— Перси! — Меня хлопнул по плечу Джейк Мейсон. — Мы получаем сообщения...

— Потом, — перебил я. — Где Аннабет?

— На террасе. Она жива, вот только...

Я оттолкнул его в сторону.

В другой ситуации я бы любовался видом с террасы. Она выходила прямо на Центральный парк. Утро было ясное и свежее — идеальное для пикника или прогулки. Да для чего угодно, только не для сражения с монстрами.

Аннабет лежала на кушетке, лицо у нее побледнело, на лице выступили капельки пота. Она дрожала, хотя и была укрыта одеялами. Силена Боргард вытирала ей лоб влажной салфеткой.

Мы с Уиллом протиснулись через толпу ребят Афины. Уилл снял бинты с раны Аннабет, и я чуть не грохнулся в обморок. Кровотечение прекратилось, но рана была глубокой. Кожа вокруг нее приобрела жуткий зеленоватый оттенок.

— Аннабет... — Горло у меня перехватило.

Она защитила меня собой. Как я мог это допустить?

— Отравленный клинок, — пробормотала она. — Как глупо с моей стороны...

Уилл Солас вздохнул с облегчением.

— Все не так плохо, Аннабет. Опоздай я на несколько минут, и было бы намного хуже. Но пока яд не успел распространиться дальше плеча. Ты

полежи спокойно. Кто-нибудь, дайте мне нектар!

Я протянул ему фляжку. Уилл очистил рану напитком богов, а я держал Аннабет за руку.

— Ой, — выдохнула она. — Ой-ой!

Она так сжала мои пальцы, что они посинели, но, как и просил Уилл, не шелохнулась.

Силена бормотала ей слова утешения. Уилл наложил на рану какую-то серебристую мазь и произнес несколько древнегреческих слов — гимн Аполлону. Потом он забинтовал рану заново и неуверенно поднялся на ноги.

Лечение, видимо, отняло у него много энергии. Он стал почти таким же бледным, как Аннабет.

— Все будет хорошо. Но нам понадобятся еще лекарства, которыми пользуются смертные. — Уилл взял фирменный лист почтовой бумаги, написал на нем что-то и протянул одному из детей Афины. — Тут на Пятой есть аптека. В обычной ситуации я бы никогда не стал красть...

— А я стану, — сказал Тревис.

Уилл сердито посмотрел на него.

— Оставь в кассе доллары или драхмы, что там у тебя есть. Ситуация чрезвычайная. У меня такое чувство, что нам понадобится еще немало лечебных средств.

Никто ему не возразил. Пожалуй, не осталось ни одного полукровки, который не получил бы то или иное ранение. Кроме меня.

— Идем отсюда, ребята, — сказал Тревис Стоулл. — Аннабет нужно побольше воздуха. А мы еще должны ограбить... я хотел сказать «посетить»... аптеку.

Полукровки заторопились в пентхаус. Джейк Мейсон, выходя, положил руку мне на плечо.

— Мы поговорим позднее, но ситуация под контролем. Я взял щит Аннабет и просматриваю все позиции. С восходом солнца враг отошел. У нас на всех туннелях и мостах блокпосты.

— Спасибо, дружище, — сказал я.

Он кивнул.

— Ты не спеши.

Он вышел и закрыл за собой дверь, оставив нас втроем: меня, Силену и Аннабет.

Силена прижала холодную салфетку ко лбу Аннабет.

— Это все моя вина.

— Нет, — слабым голосом проговорила Аннабет. — Силена, как это

может быть твоя вина?

— В лагере я всегда плохо успевала, — пробормотала она. — В отличие от тебя или Перси. Если бы я умела драться получше...

Губы у нее задрожали. После смерти Бекендорфа она таяла с каждым днем, и каждый раз, глядя на нее, я исполнялся ненависти к врагам. Она становилась похожей на стекло — такая же хрупкая, вот-вот разобьется. Я поклялся себе, что если когда-нибудь найду шпиона, на чьей совести жизнь ее друга, то скормлю его Миссис О'Лири.

— Ты замечательно успевала в лагере, — сказал я Силене. — Ты лучший наездник на пегасах, каких я только встречал. И ты умеешь ладить с другими. Поверь мне, тот, кто сумел подружиться с Клариссой, — просто гений.

Она уставилась на меня, словно я подсказал ей какую-то блестящую мысль.

— Вот именно. Нам нужен домик Ареса. Я могу поговорить с Клариссой. Я знаю... я смогу ее убедить помочь нам.

— Э-э, Силена, даже если тебе удастся выбраться с Манхэттена, Кларисса ужасная упрямец. Если она на кого разозлится...

— Пожалуйста, — настаивала Силена. — Я могу взять пегаса. Я знаю, что смогу добраться до лагеря. Дай мне попробовать.

Я поймал взгляд Аннабет. Она едва заметно кивнула.

Мне эта идея не нравилась. Я думал, что у Силены нет ни малейшего шанса убедить Клариссу. С другой стороны, Силена теперь была в таких растрепанных чувствах, что легко могла погибнуть в сражении. Может, если отправить ее в лагерь, она немного отвлечется и придет в себя.

— Ну хорошо, — сказал я. — Если это кому и удастся, то одной тебе.

Силена обняла меня, потом отпрянула, покосившись на Аннабет.

— Извини... Спасибо, Перси! Я тебя не подведу.

Как только она вышла, я встал на колени рядом с Аннабет и потрогал ее лоб. Он еще горел.

— Ты, когда беспокоишься, такой симпатичный, — пробормотала она. — У тебя брови сходятся вместе.

— Слушай меня внимательно. Ты не умрешь, поскольку у меня перед тобой должок. Почему ты приняла на себя этот удар ножом?

— Ты сделал бы то же самое для меня.

Это так. Мы оба знали это наверняка. И все же у меня было такое чувство, будто кто-то терзает мое сердце холодным металлическим клинком.

— Откуда ты узнала?

— Что узнала?

Я оглянулся, чтобы удостовериться — нас никто не слышит. Потом я наклонился к ее уху и прошептал:

— Откуда ты узнала про мою ахиллесову пяту? Если бы не ты, он бы меня убил.

В глазах у нее было какое-то нездешнее выражение. Дыхание ее пахло виноградом, возможно, от нектара.

— Не знаю, Перси. У меня просто возникло такое чувство, что тебе грозит опасность. А где... где твоя ахиллесова пята?

Я никому не должен был об этом говорить. Но меня же спрашивала Аннабет! Если не доверять ей, то кому тогда доверять?

— В пояснице.

Она подняла руку.

— Где? Здесь?

Аннабет положила руку мне на позвоночник, и мурашки побежали у меня по коже. Я подвинул ее пальцы к той единственной точке, что привязывала меня к смертной жизни. Мне показалось, что по моему телу прошел ток напряжением в тысячу вольт.

— Ты меня спасла, — выдавил я. — Спасибо.

Она убрала руку, но я ее не отпустил.

— Значит, у тебя передо мной должок? — слабым голосом сказала она. — Какие еще новости?

Она посмотрела на солнце, встававшее над городом. В это время по улицам должны были двигаться миллионы машин, но мы не слышали ни одного автомобильного гудка, а по тротуарам не спешили толпы людей.

Издали до меня донесся вой автомобильной сирены. Где-то над Гарлемом в небо поднимался столб черного огня.

«Сколько же плит было включено, когда людей усыпили чары Морфея? — думал я. — Сколько людей уснули, готовя обед?»

Скоро начнутся еще пожары. Все ньюйоркцы в опасности — и все они теперь зависят только от нас.

— Ты спрашивал, почему Гермес разозлился на меня, — начала Аннабет.

— Слушай, тебе нужно отдохнуть...

— Нет, я хочу тебе сказать. Меня это уже давно беспокоит. — Она пошевелила плечом и поморщилась. — В прошлом году у меня в Сан-Франциско объявился Лука.

— Собственной персоной?! — У меня было такое чувство, будто мне шарахнули молотком по лбу. — Пришел к тебе домой?

— Это случилось до того, как мы побывали в Лабиринте. До того... — Голос у Аннабет сорвался, но я понял, что она хочет сказать: «До того, как он стал Кроносом». — Он пришел с белым флагом. Сказал, что ему нужно только пять минут — поговорить со мной, и все. Знаешь, он выглядел таким испуганным. Он сказал, что Кронос с его помощью собирается завоевать мир. Он сказал, что хочет убежать, как в прежние времена. Он хотел, чтобы я убежала вместе с ним.

— Но ты ему не поверила.

— Конечно нет. Я решила, что это такая уловка. К тому же... многое изменилось с прежних времен. Я сказала Луке «нет». Он взбесился. Сказал... он сказал, что лучше уж мне прикончить его прямо тут, на месте, потому что другого случая у меня не будет.

На лбу у Аннабет снова выступил пот. Эта история отнимала у нее слишком много энергии.

— Все хорошо. Попробайся немного отдохнуть.

— Ты не понимаешь, Перси. Гермес был прав. Может, если бы я пошла с ним, то мне удалось бы его отговорить. Или... или... у меня ведь был нож. А у Луки — ничего. Я могла бы...

— Убить его? — спросил я. — Знаешь, это было бы нехорошо.

Аннабет зажмурила глаза.

— Лука сказал, что Кронос хочет его использовать «как инструмент для достижения цели». Это его слова. Кронос собирался использовать его и стать еще более сильным.

— Он так и сделал, — кивнул я. — Он овладел телом Луки.

— Но что, если тело Луки — это только нечто промежуточное? Что, если Кронос хочет стать еще более могущественным? Я могла бы его остановить. Эта война началась по моей вине.

Я слушал ее рассказ, и мне показалось, что я снова в Стиксе, пытаюсь замедлить растворение в черных водах. Я вспомнил прошлое лето, когда двуликий бог Янус предупреждал Аннабет, что ей предстоит сделать серьезный выбор и это случится после того, как она встретится с Лукой. Кое-что говорил ей и Пан: «Ты сыграешь важную роль, хотя сейчас и представить себе не можешь какую».

Я хотел спросить ее о том видении, что показала мне Гестия, — о ее встрече с Лукой и Талией. Я знал, это как-то связано с моим пророчеством, но не понимал этого.

Я еще не успел собраться с духом, чтобы задать эти вопросы, как дверь на террасу открылась и вошел Коннор Стоулл.

— Перси. — Он кинул взгляд на Аннабет, словно не хотел сообщать

какие-то плохие вести в ее присутствии, но по его виду было ясно, что новости он принес неважные. — Вернулась Миссис О’Лири с Гроувером. Я думаю, тебе нужно с ним поговорить.

Гроувер перекусывал в гостиной. Он был в боевом одеянии — кольчуга из коры деревьев и веточек, а из-за пояса у него торчали деревянная дубинка и свирели.

Домик Деметры соорудил настоящий шведский стол в кухне отеля, где было все — от пиццы до ананасового мороженого. Гроувер, к сожалению, ел мебель. Он уже сгрыз набивку с мягкого стула, а теперь доедал подлокотник.

— Братишка, — предупредил я, — ты что-то разошелся. Мы здесь только временно.

— Ай-ай-ай! — Все лицо у него было в клочьях обивки. — Извини, Перси. Ведь это мебель в стиле Людовика Шестнадцатого. Вкуснотища. А потом я всегда ем мебель, когда...

— ...когда волнуешься, — продолжил я. — Да, я знаю. Так что у нас?

Он постучал по полу копытцами.

— Мне сказали про Аннабет. Как она?..

— Она поправится. А сейчас отдыхает.

— Это хорошо. — Гроувер глубоко вздохнул. — Я мобилизовал большинство духов природы в городе... ну, по крайней мере, тех, кто пожелал меня слушать. — Он потер лоб. — Я и понятия не имел, что желудями можно бить так больно. Как бы там ни было, мы помогаем чем можем.

Сатир рассказал мне о схватках, в которых они участвовали. Они в основном прикрывали те части города, где у нас не хватало полубогов. Адские гончие с помощью движения по теням появлялись за нашей передовой, а дриады и сатиры прогоняли их. В Гарлеме объявился молодой дракон, и, прежде чем монстра удалось победить, погибло с десятков лесных нимф.

В этот момент вошла Талия с двумя своими помощницами. Она мрачно кивнула мне, вышла на террасу проведать Аннабет, а потом вернулась. Она дослушала доклад Гроувера — подробности становились все мрачнее и мрачнее.

— Мы потеряли двадцать сатиров против нескольких великанов в Форт-Вашингтоне, — сказал он дрожащим голосом. — Почти половина из них — моя родня. В конечном счете речные духи утопили великанов, но...

Талия закинула на плечо лук.

— Перси, силы Кроноса концентрируются у всех мостов и туннелей. И Кронос там — не единственный титан. Одна из моих охотниц засекла эту громадину в золотистых доспехах — он собирает армию на берегу Джерси. Я не знаю, кто он такой, но он излучает энергию, как это свойственно только богам или титанам.

Я вспомнил золотистого титана из моего сна — того, что превратился в языки пламени на горе Отрис.

— Ясно. А хорошие новости у тебя есть?

Талия пожала плечами.

— Мы перекрыли туннели метро, ведущие на Манхэттен. Там действуют мои лучшие следопыты. И еще. Похоже, враг готовит атаку к вечеру. Я думаю, что Луке... — она поправилась, — то есть Кроносу, нужно время, чтобы восстановиться после вчерашней схватки. Он все еще не освоился в своей новой форме. Он расходует слишком много энергии, замедляя время в городе.

Гроувер кивнул.

— К тому же большинство его воинов сильнее по ночам. Они вернутся с заходом солнца.

— Так, ясно. — Я постарался сосредоточиться. — От богов есть какие-нибудь новости?

Талия покачала головой.

— Я знаю, что госпожа Артемида появится здесь, если сможет. И Афина. Но пока Зевс приказал им держаться поблизости от него. Последнее, что я слышала: Тифон уничтожает долину реки Огайо. К полудню он должен добраться до Аппалачей.

— Так что у нас, — сказал я, — до его прибытия в лучшем случае два дня.

Джейк Мейсон откашлялся. Он стоял так тихо, что я почти забыл о его присутствии.

— Перси, еще кое-что, — сказал он. — Судя по тому, что Кронос появился на мосту Уильямсберг, он знал, что встретит тебя там. И он передислоцировал свои силы к самым слабым нашим местам. Не успели мы развернуться, как он изменил тактику. Он почти не предпринял никаких действий в туннеле Линкольна, где охотницы были сильны. Он направил свои силы в наши самые уязвимые точки, словно знал.

— Словно получал информацию изнутри, — кивнул я. — От своего шпиона.

— Какого шпиона? — спросила Талия.

Я рассказал ей о серебряном брелке, что показывал мне Кронос. Через

него шпион связывался с титаном.

— Это плохо, очень плохо, — нахмурилась Талия.

— Это может быть кто угодно, — добавил Джейк. — Мы все присутствовали, когда Перси отдавал приказы.

— Но что же нам делать? — спросил Гроувер. — Обыскать всех полукровок и найти этот брелок в форме косы?

Они все смотрели на меня в ожидании решения. Даже если наше положение казалось безнадежным, я не мог показать им, как я близок к панике.

— Мы продолжим сражаться, — сказал я. — Мы не можем отвлекаться на этого шпиона. Если мы будем подозревать друг друга, то это не пойдет нам на пользу. Вы, ребята, здорово дрались прошлой ночью. Я не мог бы пожелать себе более отважной армии. Давайте установим время дежурств. Отдыхайте, пока есть возможность. У нас впереди долгая ночь.

Ребята согласно закивали. Каждый отправился заниматься своим делом — поспать, или поесть, или отремонтировать оружие.

— Тебе тоже нужно отдохнуть, Перси, — предложила Талия. — Мы тут подежури́м. Пойди приляг. Нам нужно, чтобы к ночи ты был в хорошей форме.

Я не стал с ней спорить — нашел ближайшую спальню и грохнулся на кровать с пологом. Я думал, что слишком взвинчен и не смогу уснуть, но веки у меня почти сразу же сомкнулись.

Во сне я увидел Нико ди Анджело — он был один в саду Аида. Он только что выкопал ямку в одной из клумб Персефоны, и я подумал, что царице это ой как не понравится. Он налил в лунку вина из кубка и начал читать заклинание: «Пусть снова вкушают мертвые. Пусть они восстанут и примут это подношение. Мария ди Анджело, покажись!»

Собрался белый дымок, сформировалась человеческая фигура, но это была не мать Нико. Это была темноволосая девочка со смуглой кожей и в серебристых одеждах охотницы.

— Бьянка, — сказал Нико. — Но...

«Не вызывай нашу мать, Нико, — остерегла его девочка. — Она тот единственный дух, который тебе запрещено видеть».

— Почему? — спросил он. — Что скрывает наш отец?

«Боль, — ответила Бьянка. — И ненависть. Проклятие, которое восходит к великому пророчеству».

— Что ты хочешь этим сказать? Я должен знать.

«Это знание только причинит тебе боль. Помни, о чем я тебе сказала:

роковая беда детей Аида — злопамятность».

— Я знаю, — ответил Нико. — Но я уже не тот, что прежде. Не нужно пытаться защитить меня, Бьянка.

«Брат, ты не понимаешь...»

Нико взмахнул рукой, рассеивая туман, и образ Бьянки исчез.

— Мария ди Анджело, — снова сказал он, — ответь мне.

Теперь появился другой образ. Явление это скорее напоминало сцену, а не одиночного призрака. В тумане я увидел Нико и Бьянку маленькими детьми, они играли в холле шикарного отеля, гонялись друг за дружкой среди мраморных колонн.

На диване неподалеку сидела женщина в черном платье, перчатках и черной шляпке с вуалью — так одевались кинозвезды в фильмах сороковых годов. У нее были улыбка Бьянки и глаза Нико.

В кресле рядом с ней сидел крупный холеный джентльмен в костюме из ткани в тонкую полоску. С изумлением я вдруг понял, что это Аид. Он наклонялся к женщине, что-то говорил ей и отчаянно при этом жестикулировал.

— Прошу тебя, моя дорогая, — сказал он. — Ты должна отправиться в подземное царство. Мне безразлично, что там скажет Персефона. Там ты будешь в безопасности.

— Нет, любовь моя. — Она говорила с итальянским акцентом. — Чтобы наши дети росли в Царстве мертвых? Я на это никогда не пойду.

— Мария, послушай меня. Из-за войны в Европе другие боги ополчились на меня. Было произнесено пророчество. Моим детям угрожает опасность. Посейдон и Зевс втянули меня в их соглашение. Теперь никто из нас больше не сможет иметь детей-полукровок.

— Но у тебя уже есть Нико и Бьянка. Что уж...

— Нет! Пророчество говорит о ребенке, которому исполняется шестнадцать. Зевс провозгласил, что дети, которые у меня уже есть, должны быть отданы в Лагерь полукровок для надлежащей подготовки, но мне известно, что это означает. В лучшем случае они будут под наблюдением, в заключении, их настроят против отца. Но еще вероятнее, он не станет рисковать. Он не позволит моим детям-полукровкам достичь шестнадцати лет. Он найдет способ их уничтожить, а я на такой риск пойти не могу!

— Certamente,^[13] — сказала Мария. — Мы останемся вместе. Зевс просто un imbecille.^[14]

Я не мог не восхититься ее мужеством. Аид тревожно обшарил

взглядом потолок.

— Мария, пожалуйста, я тебе уже говорил: Зевс дал мне срок — на прошлой неделе я должен был отдать детей в этот лагерь. Его гнев будет ужасен. А вечно прятать тебя я не могу. Пока ты с детьми — ты тоже подвергаешься опасности.

Мария улыбнулась, и у меня опять мурашки побежали по коже от того, как она похожа на свою дочь.

— Ты ведь бог, любимый. Ты нас защитишь. Но я не возьму Нико и Бьянку в Царство мертвых.

Аид в отчаянии заломил руки.

— Тогда... тогда есть еще один вариант. Я знаю одно место в пустыне, где время не течет. Я мог бы отправить детей туда на некоторое время. Ради их безопасности. А мы могли бы остаться вместе. Я построю тебе золотой дворец у Стикса.

Мария ди Анджело тихонько рассмеялась.

— Ты добрый человек, мой любимый. Щедрый. Если бы другие боги знали тебя так, как я, то они и относились бы к тебе по-другому, без страха. Но Нико и Бьянке нужна мать. И потом, они ведь только дети. Боги не причинят им вреда.

— Ты не знаешь мою семейку, — мрачно сказал Аид. — Пожалуйста, Мария, я не могу тебя потерять.

— Ты меня не потеряешь. — Она прикоснулась кончиками пальцев к его губам. — Подожди, я только возьму сумку. Присмотри за детьми.

Мария поцеловала повелителя мертвых и встала с дивана. Аид проводил ее взглядом — она поднималась по лестнице, и каждый ее шаг словно причинял ему боль.

Мгновение спустя он напрягся. Дети прекратили играть, словно и они что-то почувствовали.

— Нет! — сказал Аид.

Но даже он, бог, был здесь бессилен. У него лишь хватило времени на то, чтобы воздвигнуть стену черной энергии вокруг детей, — и тут отель взорвался.

Сила взрыва была такова, что вся сцена расплылась. Когда четкость изображения снова вернулась, я увидел Аида среди руин — он стоял на коленях, обнимая искалеченное тело Марии ди Анджело. Вокруг него все еще бушевало пламя. С небес на землю неслись молнии, гремел гром.

Маленькие Нико и Бьянка, ничего не понимая, смотрели на мать. За ними появилась фурия Алекто, она шипела и хлопала кожистыми крыльями. Дети, похоже, даже не заметили ее.

— Зевс! — Аид воздел кулак к небу. — Я тебя уничтожу за это! Я оживлю ее!

— Мой повелитель, это выше твоих сил, — сказала Алект. — Из всех бессмертных ты превыше всего должен уважать законы смерти.

Аид от бешенства потерял голову. Я боялся, что он проявится в своей истинной форме, отчего его дети аннигилируются, но в последний момент он все же взял себя в руки.

— Возьми их, — велел он Алект, едва сдерживая рыдания. — Сотри в Лете их воспоминания и отнеси в отель «Лотос». Там Зевс ничего с ними не сделает.

— Как прикажешь, повелитель. А тело женщины?

— Возьми и ее, — горько сказал он. — Исполни над ней древние ритуалы.

Алект, дети и тело Марии растворились в тени, и на руинах остался один Аид.

— Я тебя предупреждала, — раздался новый голос.

Аид повернулся. У дымящихся останков дивана стояла черноволосая, коротко стриженная девочка в цветастом платье, она смотрела на него печальными глазами. Ей было лет двенадцать, не больше. Я ее не знал, но она показалась мне до странности знакомой.

— И ты осмелилась прийти сюда? — зарычал Аид. — Да я тебя в пыль сотру!

— Не получится, — сказала девочка. — Меня защищает сила Дельф.

Мурашки побежали у меня по коже, когда я понял, что передо мной — дельфийский оракул в те времена, когда она была живой и юной. Такой она была почему-то даже страшнее, чем в виде мумии.

— Ты убила женщину, которую я любил! — взревел Аид. — Вот что сделало твое пророчество!

Он грозно надвинулся на девочку, но она даже не шелохнулась.

— Зевс предназначал этот взрыв для детей, — сказала она. — Потому что ты не подчинился его воле. Я к этому не имею никакого отношения. И я тебя предупреждала, что ты должен спрятать их как можно скорее.

— Я не мог! Мария мне не позволяла! И потом, они невинны.

— И тем не менее они твои дети, а это делает их опасными. Даже если ты спрячешь их в отеле «Лотос», то всего лишь отложишь на потом решение проблемы. Нико и Бьянка смогут вернуться в мир только после того, как им исполнится шестнадцать лет.

— Все из-за твоего так называемого великого пророчества. И ты вынудила меня дать клятву, что у меня не будет других детей. Ты оставила

меня ни с чем!

— Я предвижу будущее, — вздохнула девочка. — Но не могу его изменять.

В глазах бога загорелся черный огонь, и я понял — сейчас случится что-то ужасное. Я хотел крикнуть девочке: «Беги или спрячься!»

— Тогда, оракул, выслушай слова Аида, — заревел он. — Возможно, не в моих силах вернуть Марию. Возможно, не в моих силах убить тебя прежде времени. Но твоя душа — она смертна, и я могу проклясть тебя.

Глаза девочки расширились.

— Ты этого не...

— Я клянусь, — проговорил Аид, — пока мои дети остаются изгоями, пока на мне лежит проклятие твоего великого пророчества, дельфийский оракул никогда не получит нового смертного тела. Ты никогда не обретешь покоя. Никто другой не займет твоего места. Твое тело увянет и умрет, но дух оракула останется запертым внутри тебя. Ты будешь произносить свои горькие пророчества, пока не превратишься в прах. Оракул умрет вместе с тобой!

Девочка вскрикнула, и туманный образ распался. Нико упал на колени в саду Персефоны, его лицо побелело от ужаса. Возвышаясь над ним в своем черном одеянии, стоял настоящий Аид и грозно смотрел на сына.

— Ну и что ты тут делаешь? — спросил он у Нико.

Мое сновидение заполнилось черным взрывом, и сцена переменялась.

По пляжу белого песка шла Рейчел Элизабет Дэр в купальнике и повязанной на поясе футболке. На плечах и лице у нее были солнечные ожоги.

Она опустилась на колени и принялась что-то выводить пальцем на песке в зоне прибоя. Я попытался разобрать буквы, но у меня ничего не получилось. Я решил, что дело тут в моей дислексии, но потом понял, что Рейчел пишет по-древнегречески. Это было невероятно. Нет, такого сна просто быть не могло!

Рейчел написала несколько слов и пробормотала:

— Что за черт?

Я умею читать по-гречески, но успел распознать только одно слово, прежде чем волна смысла написанное: Περσεύς, то есть мое имя — Персей.

Рейчел резко встала и отошла от воды.

— О боги, — вздохнула она. — Вот что это значит.

Она развернулась и, взрыхляя песок, побежала назад на свою виллу. Тяжело дыша, она взбежала на крыльцо, и ее отец, оторвав глаза от «Уолл-стрит джорнал», посмотрел на нее.

— Папа, — сказала Рейчел. — Мы должны вернуться.
Губы ее отца скривились, словно он пытался вспомнить, как улыбнуться.

— Вернуться? Да мы только что сюда приехали.
— В Нью-Йорке беда. Перси угрожает опасность.
— Он тебе что, звонил?
— Ну... не совсем чтобы звонил. Но я знаю. Чувствую.
Мистер Дэр сложил газету.
— Мы с твоей матерью так долго ждали этого отпуска.
— Нет, ничего вы не ждали. Вы оба ненавидите море! Просто вы слишком упрямы, чтобы признаться в этом.
— Послушай меня, Рейчел...
— Я тебе говорю, что в Нью-Йорке происходит бог знает что! Весь город... я не знаю, что именно, но на него напали.
Ее отец вздохнул.
— Я думаю, мы бы узнали об этом из новостей.
— Нет, — гнула свое Рейчел. — Это нападение совсем другого рода. Тебе кто-нибудь звонил с тех пор, как мы приехали сюда?
— Нет... — Ее отец нахмурился. — Но сейчас выходные, разгар лета.
— Тебе всегда звонят, — настаивала Рейчел. — Ну признай, что это необычно.
— Мы не можем так вот взять и уехать, — сказал отец Рейчел после некоторой паузы. — Мы потратили кучу денег.
— Послушай, папа! Я очень нужна Перси. Я должна доставить послание. Это вопрос жизни и смерти.
— Какое послание? О чем ты говоришь?
— Я тебе не могу сказать.
— Значит, и уехать ты не можешь.
Рейчел закрыла глаза, словно набираясь мужества.
— Папа... отпусти меня, и тогда я заключу с тобой сделку.
Мистер Дэр подался вперед. В сделках он неплохо разбирался.
— Я слушаю.
— Эта женская академия в Кларионе... я... я туда поеду учиться осенью. Я даже ныть не буду. Но за это ты должен немедленно отправить меня в Нью-Йорк.
Отец Рейчел долго молчал, потом достал мобильник и набрал номер.
— Дуглас? Приготовьте самолет. Мы улетаем в Нью-Йорк. Да... немедленно.
Рейчел обняла отца, чем немало удивила его, словно такого не

случалось никогда прежде.

— Я тебя не обману, папа! — воскликнула она.

Он улыбнулся, но выражение его лица оставалось холодным. Он смотрел на нее так, словно перед ним была не дочь, а молодая леди — именно такой он и желал ее видеть, когда она закончит академию.

— Хорошо, Рейчел. Я тебе верю.

Потом эта сцена подернулась дымкой. Я пробормотал во сне: «Нет, Рейчел, не делай этого!»

Я продолжал вертеться и метаться на постели, когда меня разбудила Талия.

— Перси! Просыпайся. Уже вечер. У нас гости.

Я сел, не понимая, где я. Кровать была слишком удобной, а я терпеть не мог спать в середине дня.

— Гости? — переспросил я.

Талия мрачно кивнула.

— Титан с белым флагом. Хочет переговорить с тобой. У него послание от Кроноса.

Глава тринадцатая

Титан приносит мне подарок

Белый флаг размером с футбольное поле был виден с расстояния полумили. Нес его десятиметровый великан с ярко-синей кожей и белесыми волосами.

— Гиперборец, — сказала Талия. — Великан севера. То, что они присоединились к Кроносу, плохой знак. Обычно северяне миролюбивы.

— Ты с ними сталкивалась? — спросил я.

— Ммм, у них большая колония в Альберте. В снежки с этими ребятами лучше не играть.

Великан подошел поближе, и я разглядел три фигуры человеческого размера, сопровождающие его, — полукровка в доспехах, демон-эмпуса с пылающими волосами в черных одеяниях и высокий человек в смокинге. Эмпуса держала типа в смокинге под руку, поэтому они выглядели как парочка, собравшаяся на какое-нибудь бродвейское шоу... вот только ее горящие волосы и клыки разрушали эту иллюзию.

Вся компания неторопливо двигалась к детской площадке Хекшера. Теннисные корты были пусты. Единственное, что нарушало тишину, — журчание фонтана на Крысином Камне. ^[15]

Я вопросительно взглянул на Гроувера.

— Этот тип в смокинге — титан?

Гроувер нервно кивнул.

— Он похож на фокусника. Ненавижу фокусников. Они обычно таскают с собой кроликов.

— Ты что, боишься зайчиков?

— Ну... Они такие хулиганы. Всегда воруют овсянку у беззащитных сатиров!

Талия закашлялась.

— Что такое? — спросил Гроувер.

— Мы займемся твоей зайцефобией позднее, — сказал я. — Они уже рядом.

Вперед вышел тип в смокинге. Здоровый, выше среднего человеческого роста — метра два с небольшим. Черные волосы были сплетены в косичку на затылке, глаза спрятаны за темными круглыми очками. Но больше всего мое внимание привлекла кожа на его лице, вся

исцарапанная, словно на него напало какое-то маленькое животное — ну, какой-нибудь взбесившийся хомячок.

— Перси Джексон, — сказал черноволосый бархатным голосом. — Какая честь для меня!

Его подружка эмпуса зашипела на меня. Вероятно, она знала, что прошлым летом я уничтожил двух ее сестер.

— Моя дорогая, — обратился к ней тип в смокинге. — Почему бы тебе не устроиться тут поудобнее, пока мы поговорим.

Она отпустила его руку и направилась к садовой скамейке.

Я посмотрел на вооруженного полубога за типом в смокинге. В этом новом шлеме я его не узнал, но это был мой старый дружок, любящий наносить удары сзади, — Эфан Накамура. Нос у него после нашей схватки на мосту Уильямсберг походил на раздавленный помидор. Когда я увидел это, настроение у меня улучшилось.

— Привет, Эфан, — сказал я. — Прекрасно выглядишь.

Эфан смерил меня злобным взглядом.

— Давай к делу. — Тип в смокинге протянул руку. — Меня зовут Прометей.

Я так удивился, что забыл пожать протянутую руку.

— Похититель огня? Тот самый, которого приковали к скале, чтобы к нему прилетала птичка выклевывать печень?

Прометей поморщился. Он потрогал царапины у себя на лице.

— Пожалуйста, не надо о птичках. Ну да, я действительно похитил огонь у богов и дал его твоим предкам. За это неизменно милосердный Зевс приковал меня к скале и обрек на вечное мучение.

— Но...

— Как я освободился? Мне помог Геракл. Это было тысячи лет назад. Поэтому я питаю слабость к героям. Некоторые из вас бывают довольно цивилизованными.

— В отличие от тех, с кем теперь водишься ты, — заметил я.

Я смотрел на Эфана, но Прометей явно решил, что я имею в виду эмпусу.

— Ну, демоны не так уж плохи. Их только нужно сытно кормить. А теперь, Перси Джексон, давай поговорим серьезно.

Он показал рукой на столик для пикников, и мы сели за него. Талия и Гроувер встали за моей спиной.

Синий гигант поставил белый флаг у дерева и с отсутствующим видом занялся площадкой. Он наступил на шведскую стенку и сломал ее, но, судя по его виду, сделал это вовсе не по злобе. Он только нахмурился и сказал:

«Ой-ой». Потом он вошел в фонтан и расколол пополам бетонную чашу. «Ой-ой». Вода под его ногой замерзла. На поясе у него висело несколько плюшевых зверушек — громадных игрушек-призов, вручаемых во всевозможных конкурсах.

Глядя на великана, я вспомнил Тайсона, и мне стало грустно при мысли о том, что придется сражаться с этим большим ребенком.

Прометей подался вперед и сплел пальцы рук. Вид у него был серьезный, доброжелательный и мудрый.

— Перси, твои позиции слабы. Ты знаешь, что не выдержишь еще одной атаки.

— Посмотрим.

На лице Прометея появилось мученическое выражение, словно его действительно заботило, что случится со мной.

— Перси, я из тех титанов, что не лишены способности мыслить. Я знаю, что произойдет.

— А еще ты — титан, который дает коварные советы, — вставил Гроувер. — Ударение на слове «коварные».

— Не стану спорить, сатир. — Прометей пожал плечами. — Но в последней войне я поддерживал богов. Я сказал Кроносу: «У тебя мало сил. Ты проиграешь». И я был прав. Так что, как видишь, я умею присоединяться к победителю. На сей раз я поддерживаю Кроноса.

— Потому что Зевс приковал тебя к скале, — высказал предположение я.

— Отчасти да. Не буду отрицать, что жажду мести. Но это не единственная причина, по которой я поддерживаю Кроноса. Это самый мудрый выбор. Я пришел к тебе, потому что ты, я думаю, способен прислушаться к доводам разума.

Пальцем, который оставлял за собой золотистый след, сверкавший на бетоне, он нарисовал на столе карту.

— Это Манхэттен. Наши армии стоят здесь, здесь, здесь и здесь. Мы знаем вашу численность. Мы превосходим вас по составу в двадцать раз.

— Ваш шпион хорошо вас информирует, — высказал я еще одно предположение.

На лице Прометея появилась извиняющаяся улыбка.

— В любом случае, наши силы с каждым днем растут. Сегодня вечером Кронос пойдет в атаку. Вы будете просто раздавлены. Вы храбро сражались, но у вас нет ни малейшего шанса удержать весь Манхэттен. Вам придется отступить к Эмпайр-стейт-билдингу. А там вы будете уничтожены. Я видел это. Так оно и будет.

Я вспомнил картину, которую нарисовала Рейчел в моем сне, — армия у Эмпайр-стейт-билдинга. Я вспомнил слова девочки-оракула там же, во сне: «Я предвижу будущее. Но не могу его изменять». Прометей говорил с такой уверенностью, что не поверить ему было трудно.

— Я этого не допущу, — сказал я.

Прометей стряхнул пылинку с лацкана смокинга.

— Ты пойми, Перси. Ты здесь ведешь новую Троянскую войну. В истории часто встречаются аналогии. Похожие события возрождаются, как и чудовища. Великая осада. Две армии. Единственное отличие в том, что ты теперь обороняющаяся сторона. Ты — Троя. А ты ведь знаешь, что случилось с троянцами?

— Значит, вы собираетесь затолкать деревянного коня в лифт Эмпайр-стейт-билдинга? — спросил я. — Удачи вам!

Прометей улыбнулся.

— Троя была сметена с лица земли. Ты же не хочешь, чтобы это случилось и здесь? Сдайся — и Нью-Йорк пощадят. Твоей армии будет даровано прощение. Пусть Кронос захватит Олимп. Какая тебе разница? Тифон так или иначе уничтожит богов.

— Ну-ну, — сказал я. — Значит, ты предлагаешь мне поверить в то, что Кронос пощадит город?

— Ему нужен только Олимп, — не смутился Прометей. — Боги остаются могущественными, пока они занимают свой центр власти. Ты видел, что случилось с Посейдоном, когда был атакован его подводный дворец.

Я поморщился, вспомнив, каким постаревшим и дряхлым выглядел мой отец.

— Да, — печально сказал Прометей. — Я знаю, тебе это далось нелегко. Когда Кронос уничтожит Олимп, власть богов кончится. Они станут такими слабыми, что победить их не составит труда. Кронос хотел бы сделать это, пока Тифон отвлекает богов на западе. Так гораздо проще. Меньше потерь. Только не заблуждайся на сей счет: максимум, что ты можешь сделать, это замедлить наше продвижение. Послезавтра Тифон будет в Нью-Йорке, и тогда у вас не останется ни малейшего шанса. Но это будет стоить гораздо дороже и тебе, и городу. В любом случае к власти придут титаны.

Талия стукнула кулаком по столу.

— Я служу Артемиде. Охотницы будут сражаться до последнего дыхания. Перси, ты же не станешь слушать эту кучу дерьма.

Я думал, Прометей сейчас уничтожит ее, но он только улыбнулся.

— Твое мужество делает тебе честь, Талия Грэйс.

Талия напряглась.

— Это фамилия моей матери. Я ею не пользуюсь.

— Как тебе будет угодно, — небрежно сказал Прометей, но я видел, что он сильно задел Талию. Я никогда прежде не слышал ее фамилию. С ней она почему-то казалась почти обыкновенной. Меньше таинственности и могущества.

— В любом случае, — сказал титан, — тебе нет нужды быть моим врагом. Я всегда был помощником человечества.

— Твои слова воняют, как навоз Минотавра, — презрительно уронила Талия. — Когда человечество приносило первую жертву богам, ты обманом выудил у него лучшую часть. Ты дал нам огонь, чтобы досадить богам, а не потому, что заботился о людях.

Прометей покачал головой.

— Ты не понимаешь. Я помог сформировать вашу природу.

В его руках появился податливый комоч глины, и Прометей вылепил из него человечка с руками и ногами. У глиняного человечка не было глаз, но он на ощупь пополз по столу, перебираясь через Прометеевы пальцы.

— Я с самых первых шагов человечества был его верным советчиком. Я олицетворял ваше любопытство, вашу тягу к знаниям, вашу изобретательность. Помогите мне спасти вас, Перси. Сделай это — и я преподнесу человечеству еще один подарок, это будет такое откровение, которое продвинет вас вперед так же, как продвинул когда-то огонь. Такой прогресс для вас невозможен, пока вами управляют боги. Они этого никогда не допустят. А я могу привести вас в новый золотой век. Альтернатива...

Он сложил пальцы в кулак и смял глиняного человечка в блин.

Синий гигант загоготал: «Ох-ох». На садовой скамейке эмпуса обнажила в улыбке клыки.

— Ты же знаешь, Перси, что титаны и их потомство не так уж и плохи, — продолжал Прометей. — Ты знаком с Калипсо.

— Это другое дело. — На моем лице вспыхнул румянец.

— Почему? Она во многом похожа на меня: не совершила ничего плохого, но была сослана навечно только из-за того, что она — дочь Атласа. Мы вам не враги. Не допусти, чтобы случилось худшее, — умоляющим голосом сказал он. — Мы предлагаем вам мир.

Я посмотрел на Эфана Накамуру.

— Тебе, наверно, это не нравится.

— Я не понимаю, о чем это ты, — вспыхнул Эфан.

— Если мы пойдем на эту сделку, не видать тебе твоей мести. Ты не сможешь поубивать всех нас. А ведь ты этого хочешь?

Его единственный глаз злобно сверкнул.

— Я хочу одного, Джексон, — уважения. Боги никогда не отдавали мне должного. Вы хотели, чтобы я жил в вашем дурацком лагере, торчал в битком набитом домике Гермеса, потому что я не имею значения? Потому что меня никто не признает?

Он говорил точно так же, как Лука четыре года назад, когда пытался убить меня в лесу у лагеря. От этого воспоминания моя рука зачесалась в том месте, куда меня ужалил скорпион.

— Твоя мать — богиня мщения, — сказал я Эфану. — Мы должны уважать это?

— Немезида нужна для справедливости. Когда людям слишком везет, Немезида служит для них чем-то вроде холодного душа.

— Так вот почему она забрала твой глаз?

— Это было платой, — прорычал он. — Она поклялась мне, что за это в один прекрасный день я окажусь на вершине власти. Я восстановлю уважение к малым богам! Глаз — малая плата за это.

— У тебя прекрасная мамочка.

— По крайней мере, она держит слово. В отличие от олимпийцев. Она всегда платит по счету — добром или злом.

— Ну да, — ухмыльнулся я. — Я, значит, спас твою жизнь, а ты мне отплатил, помог подняться Кроносу. Это благородно.

Эфан ухватился за рукоять меча, но Прометей остановил его.

— Ну-ну, — напомнил титан. — Мы же здесь с дипломатической миссией.

Прометей посмотрел на меня — похоже, он пытался понять причины моей злости, потом кивнул, словно прочел мою мысль.

— Тебя беспокоит то, что случилось с Лукой, — решил он. — Гестия показала тебе не всю историю. Возможно, если бы ты понял...

Титан протянул руку.

Талия вскрикнула, предупреждая меня об опасности, но прежде чем я успел пошевелиться, указательный палец Прометея коснулся моего лба.

Внезапно я снова оказался в гостиной Мей Кастеллан. На каминной полке мерцали свечи, отражаясь в зеркалах, висевших на стенах. Через кухонную дверь я видел Талию — она сидела за столом, а миссис Кастеллан забинтовывала ее раненую ногу. Рядом с ней сидела семилетняя Аннабет — играла с погремушкой в виде Медузы.

Отдельно в гостиной стояли Лука и Гермес.

Лицо бога в мерцании язычков пламени казалось прозрачным, словно он не был уверен, какую форму ему принять. Одет он был в спортивный костюм цвета морской волны и кроссовки «Рибок» с крылышками.

— Зачем ты появился теперь? — спросил Лука. Плечи его были напряжены, словно он собирался драться. — Все эти годы я звал тебя, умолял появиться, а ты — ничего! Ты оставил меня с ней. — Он указал на кухню, словно не мог заставить себя посмотреть на мать, а уж тем более — произнести ее имя.

— Лука, не смей ее оскорблять, — остерег его Гермес. — Твоя мать старалась как могла. А что до меня, то я не мог вмешиваться в твою жизнь. Дети богов должны сами находить свой путь.

— Значит, все это было ради моего же блага — и то, что я рос на улице, и сам себя защищал, и сражался с монстрами.

— Ты — мой сын. Я знал, что ты сможешь. Когда я был младенцем, я выбрался из колыбели и отправился в...

— Я не бог! Хотя бы раз ты мог подсказать мне что-нибудь. Помочь мне, когда... — Лука прерывисто вздохнул, понизил голос, чтобы никто на кухне не смог услышать его, — когда у нее был один из этих приступов, когда она трясла меня и говорила всякие жуткие вещи о моей судьбе. Когда я прятался в чулане, чтобы она не нашла меня и не смотрела своими... горящими глазами. Неужели тебя ничуть не волновало, что мне было страшно? Ты хоть знал, что я в конечном счете убежал от нее?

На кухне миссис Кастеллан болтала без умолку, готовя растворимый лимонад для Талии и Аннабет, рассказывала им истории о детстве Луки. Талия нервно потирала забинтованную ногу. Аннабет заглянула в гостиную, показала Луке подгоревшее печенье и произнесла одними губами: «Ну, можем мы уже уйти?»

— Лука, меня очень волнует все, что происходит с тобой, — медленно проговорил Гермес. — Но боги не должны напрямую вмешиваться в дела смертных. Это один из наших древних законов. В особенности когда твоя судьба... — Голос его замер. Он уставился на свечи, словно вспоминая что-то неприятное.

— Так что? — звонко спросил Лука. — Как насчет моей судьбы?

— Ты не должен был возвращаться, — пробормотал Гермес. — Это только расстраивает вас обоих. Но теперь я вижу, что ты уже достаточно взрослый, чтобы жить в бегах без помощи. Я поговорю с Хироном в Лагере полукровок — попрошу его, чтобы он прислал за тобой сатира.

— Мы прекрасно обходимся и без твоей помощи, — проворчал

Лука. — Так что ты говорил о моей судьбе?

Крылышки на кроссовках Гермеса беспокойно затрепетали. Он вглядывался в сына, словно пытался запомнить его лицо, и внезапно на меня будто подуло ледяным ветром. Я понял: Гермесу известно, что означают бормотания Мей Кастеллан. Я не знаю почему, но, глядя на его лицо, я абсолютно уверовал в это. Гермес предвидел, что случится с Лукой, как он встанет на сторону зла.

— Мой сын, — сказал он, — я — бог путешественников, бог дорог. Если я о чем и могу говорить с уверенностью, так это о том, что ты должен идти своим путем, хотя у меня от этого сердце разрывается на части.

— Ты не любишь меня!

— Клянусь... я тебя люблю. Отправляйся в лагерь. Я сделаю так, чтобы тебя как можно скорее отправили в экспедицию. Может быть, ты сразишься с гидрой или похитишь яблоки Гесперид. У тебя будет возможность стать великим героем, прежде чем...

— Прежде чем что? — Голос Луки теперь дрожал. — Что видела моя мать? Отчего она стала такой? Что случится со мной? Если ты меня любишь — скажи.

— Не могу. — Лицо Гермеса приняло суровое выражение.

— Значит, я тебе безразличен! — выкрикнул Лука.

Разговор в кухне резко оборвался.

— Лука? — позвала Мей Кастеллан. — Это ты? Что с моим мальчиком — все ли в порядке?

Лука отвернулся, пряча лицо, но я увидел слезы в его глазах.

— У меня все хорошо. У меня теперь новая семья. Мне не нужны ни ты, ни она.

— Но я — твой отец, — напомнил Гермес.

— Отец должен быть рядом с сыном. А я тебя в первый раз вижу. Талия, Аннабет — мы уходим! Быстро!

— Мой мальчик, не уходи! — крикнула ему вслед Мей Кастеллан. — Я как раз приготовила тебе ланч!

Лука бросился прочь из дома — Талия и Аннабет припустили за ним. Мей Кастеллан попыталась было догнать их, но Гермес удержал ее.

Когда захлопнулась сетчатая дверь, Мей упала на руки Гермеса. Ее начало трясти. Глаза Мей открылись — они теперь светились зеленым светом, и она в отчаянии ухватила Гермеса за плечи.

— Мой сын! — прошелестела она хриплым голосом. — Опасность! Страшная судьба!

— Я знаю, любимая, — печально сказал Гермес. — Поверь мне: знаю.

Сцена поблекла. Прометей убрал руку от моего лба.

— Перси? — спросила Талия. — Что... что с тобой было?

Я вдруг понял, что весь мокрый от пота.

Прометей сочувственно кивнул.

— Ужасно. Богам известно будущее, но они ничего не делают. Даже для своих детей. Сколько им понадобилось времени, чтобы рассказать тебе о твоём пророчестве, Перси Джексон? Тебе не кажется, что твоему отцу известно твоё будущее?

Я был слишком ошеломлен, чтобы ответить ему.

— Пе-е-ерси, — предостерегающе проблеял Гроувер, — он играет твоими чувствами. Пытается вызвать у тебя ненависть к богам.

Гроувер умел читать эмоции, а потому, наверное, чувствовал, что Прометей близок к успеху.

— Неужели ты и в самом деле в чем-то винишь своего друга Луку? — спросил титан. — А как насчет тебя самого, Перси? Ты хочешь быть заложником своей судьбы? Кронос готов предложить тебе кое-что получше.

Я сжал кулаки. Какие бы сильные чувства ни вызывало у меня то, что показал Прометей, Кроноса я ненавидел еще сильнее.

— Я предлагаю тебе сделку. Скажи Кроносу, пусть отменяет штурм, пусть покинет тело Луки Кастеллана и вернется в Тартар. Тогда, может быть, я не уничтожу его.

Эмпуса зарычала, ее волосы взметнулись новыми языками пламени, но Прометей только вздохнул.

— Если ты передумаешь, — сказал он, — у меня есть для тебя подарок.

На столе появилась греческая ваза. Она была высотой около метра и шириной сантиметров тридцать, шлифованная, с черно-белыми геометрическими рисунками. Наверху — керамическая крышка на кожаных ремешках.

Увидев ее, Гроувер застонал.

— Это не... — у Талии перехватило дыхание.

— Да-да, — сказал Прометей. — Вы ее узнали.

Глядя на вазу, я ощутил необъяснимое чувство страха.

— Это принадлежало моей кухне, — сказал Прометей. — Пандоре.

— Так это и есть ящик Пандоры?

— Не знаю, откуда взялась история про ящик, — покачал головой Прометей. — Никакого ящика никогда не было. Был пифос — кувшин для хранения всякой всячины. Я так думаю, что пифос Пандоры просто звучит

иначе, но не в этом суть. Да, она и в самом деле открыла этот кувшин, в котором находились почти все те демоны, которые теперь преследуют человечество, — страх, смерть, голод, недуги.

— Не забудь про меня, — проурчала эмпуса.

— Ни в коем разе. Первая эмпуса тоже находилась в этом кувшине, и ее выпустила Пандора. Но вот что мне кажется забавным в этой истории: все всегда обвиняют Пандору. Она наказана за свое любопытство. Боги внушают вам мысль: урок состоит в том, что человечество никуда не должно соваться. Не должно задавать вопросов. Должно только делать, что ему говорят. Вообще-то этот кувшин был придуман Зевсом и другими богами. Это была месть мне и всему моему семейству — моему бедному простодушному брату Эпиметею и его жене Пандоре. Боги знали, что она откроет кувшин. Они были готовы вместе с нами наказать и все человечество.

Я вспомнил сон про Аида и Марию ди Анджеоло. Зевс уничтожил целый отель, чтобы устранить двух маленьких полубогов. Он спасал свою шкуру, потому что боялся пророчества. Он убил невинную женщину и, наверное, через секунду и думать об этом забыл. Аид был ничем не лучше. Отомстить Зевсу он не мог — сил не хватало, а потому он проклял оракула, обрек маленькую девочку на ужасную судьбу. А Гермес... почему он бросил Луку? Почему он хотя бы не предупредил его, не попытался его лучше воспитать, чтобы тот не переметнулся к силам зла?

Наверно, Прометей действительно играл моими чувствами.

«Но что, если он прав? — думал я. — Чем на самом деле боги лучше титанов?»

Прометей постучал по крышке кувшина Пандоры.

— Там остался только один дух, когда Пандора открыла крышку.

— Надежда, — вспомнил я.

Прометей довольно посмотрел на меня.

— Отлично, Перси. Элпис, дух надежды, он не оставит человечество. Надежда не уходит, не получив разрешения. Освободить ее может только человеческое дитя.

Титан по столешнице подтолкнул кувшин в мою сторону.

— Я даю тебе этот кувшин, чтобы он напоминал тебе о сущности богов, — сказал Прометей. — Если тебе так нравится, держи в нем Элпис. Но если ты решишь, что хватит разрушений, хватит ненужных страданий, тогда открой крышку. Выпусти Элпис. Распрощайся с надеждой, и тогда я буду знать, что ты сдался. Я тебе обещаю: Кронос будет милосерден. Он пощадит тех, кто останется в живых.

Я смотрел на кувшин с нехорошим чувством. Я сообразил, что Пандора, как и я, страдала синдромом дефицита внимания, сопровождаемого гиперактивностью. Я ничто не могу оставить в покое. Не нравилось мне это искушение. Что, если в этом и состоит мой выбор? Может быть, пророчество сводится к тому, что я должен решить, открыть мне этот кувшин или оставить закрытым.

— Не нужна мне эта посудина, — проворчал я.

— Слишком поздно, — сказал Прометей. — Подарок вручен. Отдать его назад нельзя.

Он встал. Эмпуса подошла к нему и взяла под руку.

— Морриан! — окликнул Прометей синего гиганта. — Мы уходим. Возьми флаг.

— Ой-ой, — сказал гигант.

— Мы скоро встретимся, Перси Джексон, — пообещал Прометей. — Так или иначе, но встретимся.

Эфан Накамура смерил меня напоследок полным ненависти взглядом. После этого парламентарии развернулись и не спеша двинулись по тропинке Центрального парка, словно совершали обычную прогулку в обычный воскресный день.

Глава четырнадцатая

Полет свиньи

Когда мы вернулись в «Плазу», Талия отвела меня в сторону.

— Что тебе показывал Прометей? — спросила она.

Я неохотно рассказал ей о моем видении в доме Мей Кастеллан. Талия потеряла бедро, словно дала знать о себе ее старая рана.

— Да, жуткая была ночь, — призналась она. — Аннабет тогда была совсем маленькая, и я не думаю, будто она толком понимала, что увидела. Она просто знала, что Лука расстроен.

Я посмотрел из окна отеля на Центральный парк. Небольшие костры все еще горели на севере, но в остальном город казался на удивление спокойным.

— Ты знаешь, что случилось с миссис Кастеллан? То есть я хочу спросить...

— Я знаю, что ты хочешь спросить. Я никогда не видела, чтобы у нее был... ну, этот припадок, но Лука рассказывал, как у нее горят глаза, какие странные вещи она говорит. Он заставил меня пообещать, что я никому не скажу. Почему так случилось — понятия не имею. А Лука если и знал, то мне он об этом не сказал.

— Гермес знал, что Мей по какой-то причине смогла заглянуть в будущее Луки, и Гермес понял, что произойдет — как Лука превратится в Кроноса.

— Ты не можешь быть в этом уверен. — Талия нахмурилась. — Понимаешь, ведь Прометей манипулировал той сценой, что ты видел. Он показывал тебе, что произошло, в наихудшем свете. Гермес и в самом деле любил Луку. Я видела это по выражению его лица. И Гермес появился там в ту ночь, потому что навещал Мей, заботился о ней. Он вел себя очень порядочно.

— И все же что-то там не так, — возразил я. — Лука был всего лишь маленьким мальчиком. А Гермес ни разу ему не помог, не остановил его, когда Лука убежал из дома.

Талия закинула лук на плечо. Меня снова поразило, насколько она казалась сильнее теперь, когда перестала взрослеть. Вокруг нее едва ли не возникало серебряное сияние — благословение Артемиды.

— Перси, — сказала она, — не стоит тебе жалеть Луку. Нас всех ждут

немалые испытания. Всех полубогов. Своих родителей мы почти не видим. Но Лука сделал плохой выбор. Никто его не заставлял это делать. Вообще-то... — Она оглядела коридор, чтобы убедиться, что никто нас не подслушивает. — Меня беспокоит Аннабет. Если она встретится с Лукой в сражении, то я не знаю, как она себя поведет. Она всегда питала к нему слабость.

Кровь прихлынула к моему лицу.

— Она прекрасно себя поведет!

— Не уверена. После той ночи, когда мы были в доме его матери, Лука стал с тех пор совсем другим. Каким-то отчаянным и капризным, словно ему нужно было что-то доказать. Когда Гроувер нашел нас и попытался привести в лагерь... понимаешь, отчасти столько всяких неприятностей у нас было из-за того, что Лука никак не хотел быть осторожным. Он ввязывался в драку с каждым монстром, которые попадались нам на пути. Аннабет считала, что это вполне нормально. Лука был ее героем. Она знала одно: родители довели его до ручки, и чуть что — защищала его. И до сих пор защищает. Я только хочу сказать... не попадись в ту же ловушку. Лука теперь перешел на сторону Кроноса. Мы не можем себе позволить нянчиться с ним.

Я посмотрел на огни пожаров в Гарлеме, спрашивая себя, скольким уснувшим смертным грозит теперь опасность из-за того, что Лука сделал не тот выбор.

— Ты права, — сказал я.

Талия потрепала меня по плечу.

— Пойду посмотрю, как там охотницы, а потом посплю немного до вечера. Тебе тоже не помешает отдохнуть.

— Меньше всего мне теперь нужны новые сновидения.

— Уж я-то это знаю, можешь мне поверить. — Мрачное выражение ее лица заставило меня задуматься: а какие сны видит она. Это была общая проблема для полукровок, и чем большей опасности мы подвергались, тем хуже и чаще были наши сны. — Но кто знает, когда в следующий раз тебе выпадет возможность отдохнуть. Ночь будет долгая... может, это будет наша последняя ночь.

Мне эти слова не понравились, но я знал, что Талия права. Я устало кивнул и указал ей на кувшин Пандоры.

— Окажи мне услугу. Запри это в сейфе отеля. Ладно? Что-то у меня аллергия на пифосы.

— Договорились, — улыбнулась Талия.

Я нашел ближайшую кровать и тут же вырубился. Но сон для меня,

конечно же, означал новые кошмары.

Я увидел подводный дворец моего отца. Вражеская армия подошла еще ближе, окопалась в нескольких сотнях метров от него. Стены крепости были полностью уничтожены. Храм, который мой отец использовал в качестве штаба, теперь горел, подожженный греческим огнем.

Я крупным планом оглядел оружейную мастерскую, где обедали мой брат и другие циклопы — они ели комковатое арахисовое масло из громадных мисок (только не спрашивайте у меня, какой у него вкус под водой, — я этого не знаю). На моих глазах наружная стена мастерской взорвалась. Внутри, пошатываясь, вошел воин-циклоп и рухнул на обеденный стол. Тайсон бросился, чтобы помочь ему, но было уже слишком поздно. Циклоп растворился в морском иле.

К пролому устремились великаны армии врагов, и Тайсон подобрал дубинку павшего воина. Он прокричал что-то своим товарищам-кузнецам, возможно: «Ура Посейдону!», но рот у него был набит арахисовым маслом, а потому вышло что-то вроде «Ара иса ом». Его собратья подобрали молоты и рубила и с криками «Арахисовое масло!» бросились в бой следом за Тайсоном.

Потом сцена переменялась. Я увидел вражеский лагерь и Эфана Накамуру. От этого зрелища дрожь пробрала меня — и армия была огромна, да и место мне знакомо.

Мы находились на задворках Нью-Джерси — разбитая дорога, какие-то здания-развалюхи и покореженные дорожные указатели. Указатель над складом прочесть было нелегко, потому что его сделали красной краской и словно курица лапой, но я знал, что он гласит: «Кабачок садовых гномов тетушки Эм».

Я несколько лет не вспоминал об этом месте. Оно теперь явно было заброшено, статуи поломаны и расписаны граффити из баллончиков с краской. Бетонный сатир (дядюшка Гроувера — Фердинанд) потерял руку. Часть крыши склада обвалилась. Приклеенная к двери большая желтая табличка гласила: «Конфисковано».

Вокруг расположились сотни палаток, полыхали сотни костров. В основном я видел чудовищ, но были здесь и наемники — люди в боевых одеяниях и полубоги в доспехах. Перед кабачком висело пурпурно-черное знамя, у которого стояли на страже два громадных синих гиперборейца.

У ближайшего костра сидел на корточках Эфан. Рядом два других полубога — они точили свои мечи. Двери склада открылись, и оттуда вышел Прометей.

— Накамура, — позвал он. — Хозяин хочет поговорить с тобой.

Эфан настороженно встал.

— Что-то случилось?

— Лучше тебе спросить у него. — Прометей улыбнулся.

Один из сидящих рядом полубогов ухмыльнулся:

— Приятно было с тобой познакомиться.

Эфан нервно поправил пояс, на котором висел меч, и зашагал к дверям склада.

Если не считать пролома в крыше, то место это осталось таким, каким я его помнил. Статуи людей и других существ застыли в крике ужаса. У буфета столики были сдвинуты в сторону. Между автоматом для продажи напитков и подогревателем для крендельков стоял золотой трон. На нем, небрежно развалясь, с косой на коленях сидел Кронос в джинсах и футболке, и вообще задумчивое выражение придавало ему сходство с человеком: настоящий Лука, только помолодевший — словно из видения в доме миссис Кастеллан, когда он умолял Гермеса открыть ему будущее. Потом Лука увидел Эфана, и его лицо искривилось в совершенно нечеловеческой улыбке. Золотые глаза засияли.

— Ну, Накамура, так что ты думаешь об этой дипломатической миссии?

— Я полагаю, владыка Прометей может рассказать об этом лучше...

— Но я спрашиваю тебя.

Эфан стрельнул туда-сюда своим единственным глазом, смерил взглядом охранников, окружавших Кроноса, потом все же сказал:

— Я думаю, что Джексон не сдастся. Никогда.

Кронос кивнул.

— Хочешь сказать мне что-нибудь еще?

— Н-нет, сэр.

— Ты что-то нервничаешь, Эфан.

— Нет, сэр. Просто... Я слышал, что здесь раньше жила...

— Медуза? Верно. Миленькое местечко. К сожалению, Медуза не успела возродиться, после того как Джексон ее убил, так что можешь не беспокоиться — ты не попадешь в ее коллекцию. И потом, в этом помещении есть куда более опасные существа.

Кронос кинул взгляд на великана лестригона, который шумно жевал картошку фри. Кронос махнул рукой — и великан замер. Кусочки картошки повисли в воздухе между его рукой и ртом.

— Зачем превращать их в камень? — спросил Кронос. — Если можно просто остановить время?

Его золотые глаза сверлили лицо Эфана.

— А теперь скажи мне кое-что еще. Что случилось ночью на мосту Уильямсберг?

Эфан задрожал. На его лбу выступили капельки пота.

— Н-не знаю, сэр.

— Прекрасно знаешь. — Кронос поднялся с трона. — Что-то случилось в тот момент, когда ты атаковал Джексона. Что-то пошло не так. Эта девчонка, Аннабет, помешала тебе.

— Она хотела его спасти.

— Но ведь он же неуязвим, — тихо сказал Кронос. — Ты сам это видел.

— Не могу это объяснить. Может, она забыла?

— Она забыла, — протянул Кронос. — Да, возможно. «Ах, беда, я забыла, что мой дружок неуязвим, и приняла удар ножа на себя. Опаньки». Скажи-ка мне, Эфан, куда ты целился, когда хотел нанести удар Джексону?

Эфан нахмурился. Он сжал пальцы, будто держал в них клинок, и изобразил удар.

— Я не уверен, сэр. Все произошло так быстро. Я не целился ни в какую точку конкретно.

Пальцы Кроноса постучали по лезвию косы.

— Понятно, — ледяным тоном сказал он. — Если память вернется к тебе, я жду...

Вдруг владыка титанов поморщился. Великан в углу начал двигаться, картошка упала ему в рот. Колени Кроноса подогнулись, и он рухнул на трон.

— Мой господин! — бросился вперед Эфан.

— Я...

Его голос звучал слабо, но я услышал, что в течение нескольких мгновений он говорил голосом Луки.

Потом выражение лица Кроноса посуровело. Он поднял руку и медленно пошевелил пальцами, словно заставляя их слушаться.

— Ничего страшного. — Голос его снова был стальным и холодным. — Минутная слабость.

Эфан облизнул губы.

— Он все еще продолжает противиться. Лука...

— Чепуха. — Кронос сплюнул. — Если ты еще раз повторишь эту ложь, я отрежу тебе язык. Душа этого мальчишки повержена. Просто мне нужно еще приспособиться к его оболочке.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин.

— Ты! — Кронос указал косой на драконицу в зеленом панцире и с зеленой короной. — Царица Сесс — так, что ли?

— Слуш-ш-ш-ш-ш-шаю, мой господин.

— Наш маленький сюрприз уже готов?

Драконица обнажила клыки.

— Конеш-ш-ш-ш-шно, мой господин. Очень хо-рош-ш-ш-ший сюрприз.

— Отлично, — кивнул Кронос. — Скажите моему брату Гипериону, что наши главные силы нужно передислоцировать на юг — к Центральному парку. Полукровки будут рассеяны — они не смогут организовать сопротивление. Можешь идти, Эфан. Работай над улучшением своей памяти. Мы поговорим еще, когда захватим Манхэттен.

Эфан поклонился, и сцена действия моего сна переместилась в последний раз. Я увидел Большой дом в лагере, но в другие времена. Дом был покрашен не синей, а красной краской. У ребят на волейбольной площадке были прически, какие носили в начале девяностых годов, такими, наверно, хорошо отпугивать монстров.

У крыльца стоял Хирон, он разговаривал с Гермесом и женщиной, которая держала на руках младенца. Волосы Хирона были короче и темнее. Гермес щеголял в своем обычном спортивном костюме и кроссовках с крылышками. Женщина была высока ростом и привлекательна. Из-под светлых волос смотрели лучистые глаза и сияла обворожительная улыбка. Младенец у нее на руках вопил и едва не вылезал из своего синего одеяла, словно Лагерь полукровок был для него худшим местом на свете.

— Большая честь видеть тебя здесь, — сказал Хирон женщине, правда, голос его звучал довольно нервно. — Я уже и не припомню, когда кому-либо из смертных было позволено прийти сюда.

— Не надо говорить ей комплименты, — проворчал Гермес. — Мей, ты не можешь это сделать.

Я немало удивился, поняв, что вижу Мей Кастеллан — она была ничуть не похожа на ту старуху, с которой я познакомился недавно. Жизнь словно била из нее ключом — она принадлежала к тому типу людей, которые своей улыбкой могут сеять хорошее настроение среди окружающих.

— Да не стоит так волноваться, — улыбнулась Мей, покачивая ребенка. — Тебе нужен оракул? Прежняя умерла сколько уже — двадцать лет назад?

— Больше, — мрачно сказал Хирон.

Гермес в раздражении поднял руки.

— Я тебе рассказал эту историю не для того, чтобы ты попробовала себя в этой роли. Это опасно. Хирон, объясни ей ты.

— Да, опасно, — подтвердил Хирон. — Я вот уже много лет никому не разрешаю пробовать. Мы не знаем точно, что случилось. Похоже, человечеству больше не нужен оракул.

— Мы уже обсуждали это, — сказала Мей. — И я знаю, что могу. Гермес, это мой шанс сделать что-то доброе. Мне ведь не просто так был дан дар предвидения.

Я хотел закричать, предупредить Мей Кастеллан, что она не должна это делать. Я знал, что сейчас произойдет. Наконец-то я понял, как она погубила свою жизнь. Но я не мог ни пошевелиться, ни раскрыть рта.

Гермес казался больше обиженным, чем взволнованным.

— Если ты станешь оракулом, то не сможешь выйти замуж, — объяснил он. — И ты больше не сможешь увидеть меня.

Мей прикоснулась пальцами к его руке.

— Я ведь не могу быть с тобой вечно. Ты скоро уйдешь от меня. Ты бессмертный. — Гермес попытался было возразить, но она положила руку ему на грудь. — Ты знаешь, что это правда. Не пытайся щадить мои чувства. И потом у нас с тобой замечательный ребенок. Я ведь, даже став оракулом, все равно смогу воспитывать Луку.

Хирон закашлялся.

— Да, но, откровенно говоря, я не знаю, как это повлияет на дух оракула. Женщина, у которой уже есть ребенок... насколько мне известно, такого еще не случалось. Если дух не примет...

— Он примет, — гнула свое Мей.

«Нет, — хотел закричать я. — Не примет».

Мей Кастеллан поцеловала младенца и передала его Гермесу.

— Я быстро.

На прощание она еще раз улыбнулась им исполненной уверенности улыбкой и поднялась по ступенькам.

Хирон и Гермес принялись молча мерить шагами площадку перед домом. Младенец продолжал вертеться в своем одеяле.

Вдруг окна дома залило зеленое сияние. Обитатели лагеря прекратили играть в волейбол и уставились на чердак. По клубничным полям пронесся холодный ветер.

Гермес тоже почувствовал это.

— Нет! — закричал он. — Нет!

Он сунул младенца в руки Хирону и побежал на крыльцо. Но прежде чем он успел открыть дверь, солнечный день расколол жуткий вопль Мей

Кастеллан.

Я так быстро сел, что стукнулся лбом о чей-то щит.

— Ой!

— Извини, Перси. — Надо мной стояла Аннабет. — Я как раз собиралась тебя разбудить.

Я потер лоб, пытаясь разобраться в тревожных видениях. Внезапно многое мне стало ясно. Мей Кастеллан попыталась стать оракулом. Она не знала о проклятии Аида, который запретил дельфийскому духу поселяться в другом теле. Не знали об этом и Хирон с Гермесом. Они не понимали, что, предприняв такую попытку, Мей сойдет с ума, что ее будут донимать приступы, во время которых ее глаза станут сиять зеленым светом и она будет видеть отрывочные сцены будущей жизни ее ребенка.

— Перси, что случилось? — спросила Аннабет.

— Ничего, — солгал я. — Почему... почему ты в доспехах? Тебе нужно лежать.

— Нет, я поправилась, — сказала она, хотя бледность так еще и не сошла с ее лица. Правая рука у нее едва двигалась. — Нектар и амброзия поставили меня на ноги.

— Вижу, как ты поправилась. Нет, ты пока не можешь сражаться.

Аннабет протянула мне здоровую руку и помогла подняться. В голове у меня стучало. Небо за окном было багряно-красным.

— Тебе понадобятся все, кто есть, — сказала она. — Я только что посмотрела в свой щит. Целая армия...

— ...движется на юг к Центральному парку, — сказал я. — Да, я знаю.

Я рассказал ей часть моего сна, пропустив историю про Мей Кастеллан, потому что уж слишком она была тяжелой. Умолчал я и о предположении Эфана, что Лука внутри своего тела противится Кроносу. Не хотел подавать Аннабет пустые надежды.

— Как ты думаешь, Эфан знает про твоё слабое место? — спросила она.

— Не знаю. Он ничего не сказал Кроносу, но если он сообразит...

— Мы не должны это допустить.

— В следующий раз я шарахну его по голове еще сильнее, — сказал я. — Что ты думаешь — какой сюрприз мог приготовить нам Кронос?

Аннабет покачала головой.

— Ничего такого в щите я не видела, но сюрпризы мне не нравятся.

— Согласен.

— Так что, ты будешь возражать против моего участия в схватке?

— Нет. Ты меня убедила.

Аннабет выдавила из себя смешок, а я был рад услышать его. Я схватил меч, и мы пошли собирать нашу армию.

Талия и старосты домиков ждали нас у озера. С наступлением сумерек в городе замерцали огоньки. Я думаю, что многие из них были автоматическими таймерами. По берегам озера горели уличные фонари, отчего вода и деревья казались еще более призрачными.

— Они наступают, — подтвердила Талия, показывая на север серебряной стрелой. — Один из моих разведчиков только что доложил, что они пересекли Гарлем-ривер. Остановить их было невозможно. У них армия... — она пожала плечами, — просто громадная.

— Мы остановим их у парка, — сказал я. — Гроувер, ты готов?

— Полная готовность, — кивнул Гроувер. — Если духи природы и могут их где-то остановить, то только здесь.

— Да, остановим! — воскликнул другой голос.

Очень старый, толстый сатир протиснулся сквозь толпу, споткнувшись о собственное копьё. На нем была кольчуга из древесной коры, закрывавшая только половину живота.

— Леней? — изумился я.

— Не надо делать удивленное лицо, — пробухтел сатир. — Я — глава совета, и кто, как не ты, просил меня найти Гроувера. Вот я его и нашел, но я не позволю какому-то изгою вести в бой сатиров без моей помощи!

Гроувер за спиной Ленея давился от смеха, но старый сатир ухмылялся так, словно был героем дня.

— Можешь не сомневаться — мы покажем этим титанам!

Я не знал — сердиться мне или смеяться, но все же сумел сохранить непроницаемое лицо.

— Гм... Да. Что ж, Гроувер, ты будешь не один. Аннабет и домик Афины займут позицию здесь. А я и... Талия?

Она похлопала меня по плечу.

— Больше можешь ничего не говорить. Охотницы готовы.

Я посмотрел на других вожаков.

— Что ж, у всех других не менее важная работа. Вы должны оборонять остальные входы на Манхэттен. Вы знаете, как хитер Кронос. Он надеется отвлечь нас своей большой армией, чтобы ударный отряд проскользнул где-то в другом месте. От вас зависит, чтобы этого не случилось. Все домики знают свой мост или туннель? Ребята мрачно кивнули.

— Тогда за дело, — сказал я. — Всем хорошей охоты!

Армию врага мы слышали прежде, чем увидели.

Этот звук был похож на артиллерийскую канонаду, сопровождаемую ревом толпы на стадионе, как если бы болельщики «Новой Англии» обстреливали нас из гранатометов.

В северной оконечности озера авангард противника прорвался сквозь лес — воин в золотых доспехах вел батальон великанов лестригонов с громадными бронзовыми топорами. За ними следовали сотни других монстров.

— На позиции! — закричала Аннабет.

Ее товарищи по домику устремились к ней. Тактическая идея состояла в том, чтобы заставить армию врага обойти озеро. В таком случае они могли бы добраться до нас, только продвигаясь по тропинкам, а это означало — узкими колоннами по обеим сторонам водоема.

Поначалу казалось, что этот план работает. Армия врага, разделившись, устремилась к нам двумя колоннами вдоль берегов. Когда они прошли половину пути, в действие были введены наши оборонительные мероприятия. Петляющая тропинка взорвалась греческим огнем, мгновенно уничтожив множество монстров. Другие принялись метаться, объятые зеленым пламенем. Ребята Афины закидали самых крупных великанов абордажными кошками и повалили на землю.

В лесу справа охотницы дали залп из серебряных стрел по вражеским порядкам, уничтожив двадцать или тридцать дракониц; но за ними шли другие. С небес грянул гром и поджарил до углей одного великана лестригона — я понял, что это Талия демонстрирует свои способности дочери Зевса.

Гроувер поднес к губам свирели и заиграл быструю мелодию. Из леса по обеим сторонам доносился рев — за каждым деревом, за каждым камнем и кустом, казалось, прячется дух. Дриады и сатиры подняли дубинки и бросились в атаку. Деревья обвинились вокруг монстров и принялись их душить. Вокруг ног вражеских лучников выросла трава. С земли подскакивали камни, ударяя дракониц прямо в морды.

Враг, хоть и с потерями, пробивался вперед. Великаны ломали деревья, и наяды гибли вместе со своими источниками жизни. Адские гончие бросались на волков, отгоняли их в стороны. Вражеские лучники отстреливались, и одна из охотниц свалилась с высокого дерева.

— Перси! — Аннабет схватила меня за руку и показала на озеро.

Титан в золотых доспехах не стал ждать, когда его силы пройдут

берегами, — он наступал на нас, шагая непосредственно по воде.

Прямо над ним взорвалась бомба греческого огня, но он поднял руку и загасил пламя в воздухе.

— Гиперион! — в ужасе воскликнула Аннабет. — Владыка света. Титан востока.

— Плохо дело? — спросил я.

— После Атласа он наилучший воин среди титанов. В старину четыре титана управляли четырьмя сторонами света. Гипериону достался восток — он был самый сильный. Он стал отцом Гелиоса — первого бога солнца.

— Сейчас я ему найду занятие, — пообещал я.

— Перси, даже ты не сможешь...

— Собери все наши силы в кулак.

Мы не случайно выбрали позиции у озера. Я сосредоточил свои мысли на воде и почувствовал, как ее мощь побежала по моему телу.

Я бросился на Гипериона по поверхности озера.

«Привет, приятель. В эту игру можно играть и вдвоем».

Когда между нами оставалось метров шесть, Гиперион обнажил свой меч. Глаза у него были точно такие, какими я видел их во сне, — золотые, как у Кроноса, но ярче, словно миниатюрные солнца.

— Так это ты, выродец морского бога, — проговорил он. — Это ты обманом заставил Атласа снова подпирать небо?

— Это было не трудно, — сказал я. — Вы, титаны, такие сообразительные ребята, пожалуй, поумнее моего ботинка.

Гиперион зарычал.

— Хочешь, чтоб было погорячее? Сейчас получишь!

Из его тела вырвался сноп света и жара. Я отвернулся, но все же был ослеплен.

Я инстинктивно вскинул Анаклузмос — и вовремя. Клинок титана обрушился на меня. От ударной волны по поверхности воды побежало трехметровое кольцо.

Глаза у меня все еще жгло. Мне пришлось закрываться от его сияния.

Я сосредоточился на приливной волне и заставил ее изменить направление. Перед самым ударом я подскочил вверх на струе воды.

— А-а-ах!

Волны ударили по Гипериону, и он погрузился под воду, а его свет погас.

Я опустился на поверхность озера в тот момент, когда Гиперион с трудом поднимался на ноги. С его золотых доспехов капала вода. Глаза его больше не светились, но в них по-прежнему горела жажда убийства.

— Ты сгоришь, Джексон! — прорычал он.

Наши мечи снова скрестились, и в воздухе запахло озоном.

Вокруг нас продолжалось сражение. На правом фланге в наступление шла Аннабет со своей родней. На левом фланге перегруппировывались Гроувер и его духи природы, оплетая противника кустами и плющами.

— Хватит этих игрушек! — скомандовал Гиперион. — Будем сражаться на земле.

Я собирался сделать какое-нибудь остроумное замечание, вроде «нетушки», но тут титан закричал. Энергетическая волна швырнула меня по воздуху — такой же трюк проделал и Кронос на мосту. Я отлетел назад метров на сто и ударился о землю. Если бы не моя новообретенная неуязвимость, я бы переломал себе все кости. Я поднялся со стоном.

— Ух, как мне не нравится, когда вы, титаны, делаете это!

Гиперион приближался ко мне с немыслимой скоростью.

Я сосредоточился на воде, черпая из нее силы.

Титан бросился в атаку. Он был силен и проворен, но, похоже, никак не мог нанести точный удар. Земля вокруг него все время взрывалась языками пламени, но я быстренько их гасил.

— Останови его! — зарычал титан. — Останови этот ветер!

Я не понял, что он имеет в виду, — я был слишком занят нашей схваткой.

Гиперион споткнулся, словно его кто подтолкнул. В лицо ему брызнула вода, обжигая глаза. Ветер усилился, и Гиперион отступил.

— Перси? — недоуменно закричал Гроувер. — Как ты это делаешь?

«Делаю что?» — подумал я.

Потом я посмотрел вниз и увидел, что стою в середине своего собственного персонального урагана. Тучи водяных паров окружали меня, ветер был такой сильный, что он отбрасывал Гипериона и приминал траву в радиусе двадцати метров. Воины противника швыряли в меня дротики, но порывами ветра их относил в сторону.

— Очень мило, — пробормотал я. — Еще бы чуть-чуть!

Вокруг меня засверкали молнии, тучи сгустились, захлестал дождь. Я подступил к Гипериону, и тот свалился с ног.

— Перси! — снова окликнул меня Гроувер. — Давай его сюда!

Я рубил и колол наугад, позволяя моим рефлексам делать за меня всю работу. Гиперион практически не мог защищаться. Его глаза все время пытались извергнуть пламя, но ураган гасил огонь.

Но я не мог поддерживать такой ураган вечно — я уже чувствовал, что начинаю слабеть. Последним усилием я швырнул Гипериона через поле —

туда, где ждал Гроувер.

— Я не позволю с собой играть! — прорычал Гиперион.

Титан сумел подняться на ноги, но Гроувер поднес к губам тростниковые свирели и начал играть. К нему присоединился Леней. Все сатиры в роще подхватили жутковатую мелодию, напоминающую журчание ручейка, бегущего по камням. Земля взорвалась под ногами Гипериона. Корявые корни обвилились вокруг его ног.

— Это что такое? — запротестовал он.

Гиперион пытался вырваться из корней, но был все еще слаб. Корни утолщались, и вскоре у него на ногах появилось что-то вроде деревянных ботинок.

— Прекратите это! — прокричал он. — Ваше лесное колдовство смешно для титана!

Но чем яростнее он пытался освободиться, тем быстрее росли корни. Они обвивали его тело, утолщались и уплотнялись. Его золотые доспехи растворились в дереве, стали частью большого ствола.

Музыка продолжалась. Спутники Гипериона в изумлении начали отступать, увидев, как исчезает их главарь. Он вытянул руки — и они превратились в ветви, из которых дали ростки другие веточки потоньше, а на них распустились листики. Дерево становилось выше и толще, и наконец одно только лицо титана осталось видимым в середине ствола.

— Вы не имеете права! — рычал он. — Я — Гиперион! Я...

Кора закрыла его лицо.

Гроувер убрал свирели от губ.

— Ты — замечательный тополь, вот кто ты.

Несколько сатиров потеряли сознание от изнеможения, но работу свою они сделали прекрасно. Титан оказался полностью заключен в громадный тополь. Диаметр ствола был не меньше восьми метров, а крона сравнялась с самыми высокими кронами в парке. Дереву вполне можно было дать несколько сотен лет.

Армия титана начала отступать. Ребята Афины издали победный ликующий крик, но им не суждено было долго радоваться победе. Потому что тут-то Кронос и пустил в ход свой сюрприз.

— И-и-и-и!

Этот визг разнесся по верхнему Манхэттену. И полубоги, и монстры замерли от ужаса.

Гроувер стрельнул в меня перепуганным взглядом.

— Почему этот звук похож на... нет, это невозможно.

Я знал, что было у него на уме. Два года назад мы получили подарочек от Пана — громадного кабана, который пронес нас по юго-западу (после того как попытался нас убить). Этот кабан издавал такой же визг, но тот, который мы слышали только что, был повыше, попронзительнее, почти как если бы... у кабана появилась злющая подружка.

— И-и-и-и!

Громадное розовое существо появилось над озером. Жуткая уродина с крыльями — ну прямо с парада на День благодарения. ^[16]

— Свиноматка! — закричала Аннабет. — Всем укрыться.

Полубоги бросились в разные стороны, а эта крылатая свиная дамочка опустилась на землю. У нее были розовые, как у фламинго, крылья, прекрасно подходившие по цвету к ее коже, но вряд ли кто назвал бы ее красоткой — когда она шмякнулась о землю, кто-то из домика Аннабет едва успел увернуться от ее копыт. Свинья потопталась немного, свалила деревья на площади в пол-акра, потом изрыгнула облако вонючего газа и снова взмыла в воздух, чтобы выбрать новое место для посадки.

— Только не говорите мне, что эта тварюга из греческой мифологии, — недовольно пробормотал я.

— Извини, но она именно оттуда, — огрызнулась Аннабет. — Клазмонийская свинья. В древности терроризировала греческие города.

— Постой-ка... кажется, ее победил Геракл?

— Нет, — помотала головой Аннабет. — Ее еще не побеждал ни один герой.

— Отлично, — пробормотал я.

Армия титана приходила в себя после потрясения. Видать, они поняли, что эта свинья прилетела не по их душу.

До того как их армия изготовится к бою, оставались считанные секунды, а наши силы все еще пребывали в панике. Каждый раз, когда свинья рыгала, духи природы издавали вопли и исчезали в деревьях.

— С этой свиньей пора кончать. — Я выхватил одну из абордажных кошек у кого-то из ребят Аннабет. — Я с ней разберусь, а вы — остановите их армию. Отгоните ее назад!

— Но, Перси... а если у нас не получится? — нерешительно спросил Гроувер.

Я видел, как он устал. Колдовство забрало почти все его силы. Аннабет после схватки тоже не стала выглядеть лучше — это с раненой-то рукой. Я не знал, как дела у охотниц — между нами и ими сейчас находился правый фланг вражеской армии.

Я не хотел оставлять моих друзей, когда они пребывали в таком

плачевном состоянии, но самой главной угрозой сейчас была эта чертова свинья. Она может уничтожить все — дома, деревья, спящих смертных. Ее необходимо было остановить.

— Если дела пойдут плохо — отходите, — сказал я. — Но попытайтесь их задержать. А я уж постараюсь поскорее.

Чтобы не передумать, я принялся раскручивать абордажную кошку, как лассо, и когда свинья опустилась на землю в следующий раз, швырнул кошку изо всех сил. Та впилась в основание свиного крыла. Свинья завизжала от злости и взмыла в воздух, потащив в небеса канат, а вместе с ним и меня.

Если вы из Центрального парка направляетесь в деловую часть города, то мой вам совет — езжайте на метро. На летающей свинье туда можно добраться быстрее, но это гораздо опаснее.

Свинья миновала отель «Плаза» и направилась прямо в ущелье Пятой авеню.

Мой блестящий план состоял в том, чтобы по канату вскарабкаться к свинье на спину. К несчастью, мне все время приходилось уворачиваться от уличных фонарей и фасадов зданий — ни на что другое времени не оставалось.

И еще я понял вот что: подниматься по канату в физкультурном зале — одно, и совсем другое дело — взбираться по канату, закрепленному на крыле летящей со скоростью сто миль в час свиньи.

Мы обогнули несколько кварталов и продолжили полет на юг в направлении Парк-авеню.

«Босс! Привет, босс!»

Краем глаза я увидел Пирата, несущегося рядом с нами. Он совершал немислимые маневры, чтобы не попасть под свиные крылья.

— Осторожнее! — крикнул ему я.

«Прыгай на меня! — заржал Пират. — Я тебя сумею поймать. Скорее всего».

Звучало не очень убедительно. Внизу прямо под нами располагался вокзал — Гранд-сентрал-стейшн. Над главным входом стояла гигантская статуя Гермеса, которая не была активизирована, вероятно, потому, что находилась слишком высоко. Я летел прямо на нее со скоростью достаточной, чтобы расплющить любого полукровку всмятку.

— Будь наготове! — предупредил я Пирата. — У меня есть идея.

«Ох, не люблю я твои идеи!»

Я изо всех сил метнулся в сторону и не ударился о статую Гермеса, а

прошел рядом так, что канат оказался у него под мышкой. Я думал, это остановит свинью, но недооценил инерцию тридцатитонного монстра в полете. Когда свинья сорвала статую с пьедестала, я отпустил канат. Гермес отправился на прогулку, заняв мое место пассажира на летающей свинье, а я в свободном падении приближался к асфальту улицы.

За доли секунды я вспомнил те деньки, когда моя мама работала в кондитерской на Гранд-централ-стейшн. Я подумал о том, что было бы отвратительно закончить свои дни мокрым местом на тротуаре.

Тут какая-то тень скользнула под меня, и — о-па! — я оказался на спине Пирата.

Когда я заорал от боли, голос мой был на октаву выше, чем обычно.

«Извини, босс», — пробормотал Пират.

— Ничего, — простонал я. — Давай жми за свиньей!

А эта свинья отбивная сделала правый поворот на 42-ю Восточную и теперь летела назад к Пятой авеню. Когда она пролетела над крышами, я увидел, что в городе здесь и там пожары. Похоже было, что моим друзьям приходится туго.

Кронос атаковал по нескольким фронтам. Но в данный момент у меня были свои собственные проблемы.

Статуя Гермеса оставалась на поводке. Она стукалась о здания и крутилась в воздухе. Свинья заложила вираж над каким-то офисным зданием, и Гермес врезался в водонапорную башню на крыше, тут же во все стороны хлынула вода, полетели куски дерева.

И тут мне пришла в голову одна мыслишка.

— Подберись к ней поближе, — сказал я Пирату.

Он протестующе заржал.

— Мне нужно только на расстояние крика — я хочу поговорить со статуей!

«Да, головкой ты все-таки ударился, босс», — сказал Пират, но все же сделал, как я просил.

Когда я оказался настолько близко, что мне хорошо было видно лицо статуи, я закричал:

— Эй, Гермес! Последовательность команд: Дедал Двадцать три. Убивать летающих свиней! Начать активацию.

Статуя тут же шевельнула ногой. Поначалу она, казалось, пребывает в недоумении — почему это она больше не на своем месте на крыше Гранд-централ-стейшн. Вместо этого она на конце каната в компании с громадной крылатой свиньей совершала прогулку по небесам. Статуя шарахнулась о кирпичную стену здания, и, кажется, это разозлило ее. Она потрясла

головой и начала взбираться по канату.

Я посмотрел вниз на улицу. Мы приближались к главному зданию публичной библиотеки с большими мраморными львами у входа. Внезапно мне пришла в голову занятная мысль — а могут ли каменные статуи тоже быть автоматами? Вероятность была невелика, но...

— Скорее! — сказал я Пирату. — Зайди к ней спереди. Подразни ее!

«Но, босс...»

— Положись на меня, — сказал я. — У меня получится... скорее всего.

«Ну конечно. Издевательство над лошадьми».

Пират ринулся вперед. Он, когда хотел, мог летать со страшной скоростью. Он опередил свинью, на спине которой теперь сидел металлический Гермес.

Пират заржал ей прямо в морду: «Эй, ты! От тебя несет ветчиной!»

Он лягнул свинью в рыло задней ногой и тут же резко спикировал, уходя от нее. Свинья завизжала от злости и бросилась за ним. Мы устремились прямо к входу в библиотеку. Пират притормозил, чтобы я спрыгнул с него, а потом полетел дальше к входным дверям.

— Львы! — заорал я. — Последовательность команд: Дедал Двадцать три. Убивать летающих свиней. Начать активацию!

Львы поднялись на лапы и посмотрели на меня. Они, вероятно, решили, что я их дразню. Но тут раздалось:

— И-и-и-и!

Громадный розовый монстр шмякнулся на тротуар, проломив асфальт. Львы уставились на свинью, не веря своей удаче, а потом прыгнули. Надо сказать, у этих львов ужасные когти. В тот же момент изрядно побитая статуя Гермеса добралась до свиной головы и принялась немилосердно молотить ее своим жезлом.

Я вытащил Анаклузмос, но делать мне практически было уже нечего. Свинья на моих глазах распалась на кусочки. Мне даже стало немного жалко ее. Я пожелал ей встретить в Тартаре кабана ее мечты.

Когда монстр полностью превратился в прах, львы и статуя Гермеса принялись недоуменно оглядываться.

— Теперь вы можете защищать Манхэттен, — сказал я им, но они, похоже, не слышали.

Они бросились по Пятой авеню, и я подумал, что теперь они будут искать летающих свиней, пока кто-нибудь не дезактивирует их.

«Ну что, босс, — предложил Пират, — может, передохнем немного?»

Я отер пот со лба.

— Я бы не прочь, приятель, но сражение еще не закончилось.

Я даже слышал, что оно приближается. Моим друзьям требовалась помощь. Я вскочил на Пирата, и мы полетели на север — туда, откуда доносились звуки взрывов.

Глава пятнадцатая

Хирон устраивает вечеринку

Часть города, прилегающая к центру, превратилась в поле боя. Повсюду мы видели мелкие схватки. В Брайант-парке какой-то великан ломал деревья, а дриады забрасывали его орехами. Перед отелем «Уолдорф-Астория» бронзовая статуя Бенджамина Франклина свернутой в рулон металлической газетой хлестала по морде адскую гончую. Посреди Рокфеллеровского центра трое ребят из домика Гефеста сражались с целым взводом дракониц.

Я хотел было остановиться и помочь им, но главные боевые действия, судя по дыму и шуму, переместились дальше на юг. Наша оборона была прорвана. Враг все ближе подходил к Эмпайр-стейт-билдингу.

Мы с Пиратом быстро облетели прилегающие районы. Охотницы держали оборону по 37-й улице — всего в трех кварталах от Олимпа. С востока на Парк-авеню врагу противостояли Джейк Мейсон и еще несколько ребят Гефеста, возглавлявших армию статуй. На западе ребята из домика Деметры и духи природы Гроувера превратили Шестую авеню в джунгли, замедлявшие продвижение отряда полукровок Кроноса. Юг был пока свободен, но фланги вражеской армии грозили вот-вот сомкнуться на этом направлении, и тогда мы попадем в окружение.

— Мы должны приземлиться там, где нужны больше всего, — пробормотал я.

«Но это означает везде, босс».

Я засек знакомое серебристое знамя с совой на юго-восточном фланге — 33-я улица у туннеля Парк-авеню. Там Аннабет и двое ее ребят отражали атаку великана гиперборейца.

— Туда! — крикнул я Пирату, и он спикировал к месту схватки.

Я спрыгнул с его спины и приземлился на голову великана. Когда тот поднял голову, я соскользнул по его лицу, шарахнув его мимоходом щитом по носу.

Великан зарычал и подался назад, из его ноздрей хлынула синяя кровь.

Мигом я оказался на земле. Гипербореец выдохнул облачко белого тумана, и температура упала. Место, на которое я приземлился, было теперь покрыто ледяной коркой, и я был весь в инее, как булочка в сахарной пудре.

— Эй, уродина! — крикнула Аннабет.

Мне оставалось только надеяться, что обращается она к великану, а не ко мне.

Синий парнишка заревел и повернулся к ней, подставляя мне незащищенные икры. Я бросился вперед и нанес ему удар под колено.

— А-а-а-а! — завопил гипербореец.

Я ждал, что он сейчас повернется, но он окаменел. Я имею в виду окаменел почти в буквальном смысле — превратился в глыбу льда. От точки, куда я всадил меч, по всему телу пошли трещины, они становились все больше и больше, и наконец великан рухнул на землю, превратившись в грудку синего льда.

— Спасибо. — Аннабет поморщилась, переводя дыхание. — А что свинья?

— Пошла на отбивные, — доложил я.

— Отлично. — Она потеряла плечо. Рана явно все еще беспокоила ее, но, увидев мое выражение, Аннабет вскинула брови. — Брось ты, Перси, ничего страшного. Идем, у нас еще осталось много врагов.

Аннабет была права. Следующий час оказался сплошным кошмаром. В жизни я так не сражался — врубался в легионы дракониц, каждым ударом меча аннигилировал десятки тельхинов, уничтожал эмпус и отправлял в нокаут вражеских полубогов.

Мы с Аннабет метались от квартала к кварталу, пытались залатать дыры в нашей обороне. Множество наших друзей лежали раненые на улицах. Многие исчезли.

Ночь сгущалась, луна поднималась все выше, мы метр за метром отступали и уже по всем направлениям находились всего в одном квартале от Эмпайр-стейт-билдинга. В какой-то момент Гроувер был рядом со мной — колотил женщину-змею по голове дубинкой, потом исчез в толпе, и рядом со мной оказалась Талия — отгоняла монстров силой своего волшебного меча. Вдруг словно из ниоткуда появилась Миссис О'Лири, схватила зубами великана лестригона и швырнула в воздух, как летающую тарелочку фрисби. Аннабет с помощью кепки-невидимки проникала в ряды наступающего противника, и если вдруг какой-то монстр с удивленным выражением на лице распадался на ничто по непонятной причине, я знал: это работа Аннабет.

Но этого всего было недостаточно.

Где-то слева от меня раздался крик Кати Гарднер:

— Держать оборону! Не отступать!

Беда была только в том, что нас оставалось слишком мало, чтобы что-то там держать. Вход на Олимп находился в шести метрах за моей спиной. Дверь обороняли самые отважные из полубогов, охотниц и духов природы. Я рубил и колол, уничтожая все на своем пути, но даже я начал уставать, а успевать повсюду я не мог.

За наступающим врагом в нескольких кварталах к востоку появилась яркая линия. Поначалу я подумал, что это заря, но потом понял: это Кронос движется к нам в золотой колеснице. Перед ним шли с десятков великанов-лестригонов с факелами. Два гиперборейца несли черные с багряным знамена Кроноса. Владыка титанов выглядел посвежевшим и отдохнувшим, силы, казалось, полностью вернулись к нему. Наступал он без спешки, рассчитывая, что к его прибытию я совсем выбьюсь из сил.

Рядом со мной возникла Аннабет.

— Мы должны отступить к дверям и удерживать их любой ценой!

Она была права. Я уже собирался дать приказ к отступлению, как вдруг услышал звук охотничьего рога.

Он прозвучал в шуме схватки как пожарная сирена. Со всех сторон в ответ ему запели другие охотничьи рога, эхом разносясь по Манхэттену.

Я посмотрел на Талию, но она недоуменно хмурилась.

— Это не охотницы, — сказала она. — Мы все здесь.

— Кто же тогда?

Звук рогов стал еще громче. Из-за эха я не мог сказать, откуда они надвигаются на нас, но ощущение было такое, словно наступает целая армия.

Я опасался, что это пополнение спешит к нашим врагам, но силы Кроноса пребывали в не меньшем недоумении, чем мы. Великаны опустили дубинки, драконицы зашипели, даже почетный караул Кроноса, казалось, чувствовал себя не в своей тарелке.

Потом слева от нас раздался одновременный крик сотен монстров. Весь северный фланг Кроноса хлынул вперед. Я решил, что мы обречены, но противник не атаковал. Они пронеслись мимо нас к своим союзникам на юге.

Новые звуки охотничьих рогов громко зазвенели в замерцавшем ночном воздухе. В наступившей сумятице словно из ниоткуда возникла кавалерия, будто принеслась к нам со скоростью света, и вдруг все остановилось.

— Ура, ребята! — завопил чей-то голос. — Гуляем!

Над нашими головами в ряды противника полетел град стрел, уничтожая сотни демонов. Но это были не обычные стрелы. Они на лету

производили свистящий звук типа «уи-и-и». Некоторые были оснащены вертушками.

— Кентавры! — закричала Аннабет.

Армия «Лошади для вечеринок», с которой я имел удовольствие познакомиться пару лет назад, ворвалась в наши ряды буйством красок — раскрашенные вручную футболки, клоунские разноцветные парики, громадные противосолнечные очки, боевая раскраска лиц. У некоторых на боках были наклеены лозунги типа: «Кони рулят» или «Кронос отстой».

Целые сотни их заполнили весь квартал. Мой мозг не успевал обработать все, что я видел, но я знал: будь я врагом, то при виде этого точно пустился бы в бегство.

— Перси! — услышал я голос Хирона над головами множества диких кентавров. Начиная от пояса на нем были доспехи, в руке он держал лук, а лицо его сияло от удовольствия. — Извини, что опоздали.

— Братишка! — прокричал другой кентавр. — Поговоришь попозже. А пока — мочи монстров!

Он зарядил двуствольный пейнтбольный маркер, и — вражеская адская гончая окрасилась в ярко-розовый цвет. К краске, вероятно, была примешана пыль небесной бронзы или чего-то в этом роде, потому что не успела краска коснуться этой твари, как монстр взвизгнул и превратился в черно-розового пуделя.

— Лошадиная вечеринка! — заорал еще один кентавр. — Южная Флорида с вами, парни!

Откуда-то с другой части поля боя ему ответил звонкий голос:

— Привет из сердца Техаса!

— Ваши лица принадлежат Гавайям! — прокричал третий голос.

Я в жизни не видел ничего прекраснее. Вся армия титанов развернулась и бросилась в бегство, преследуемая градом пейнтбольных шаров, стрел и бейсбольных бит. Кентавры сминали все на своем пути.

— Прекратите бегство, вы, идиоты! — завопил Кронос. — Развернуться и... о-о-ой!

Последний звук вырвался из уст титана потому, что запаниковавший великан гипербореец споткнулся, отступая, и придавил Кроноса. Владыка времени исчез под гигантскими синими ягодицами.

Мы отогнали врагов еще на несколько кварталов, и наконец Хирон закричал:

— Стойте! Не забудьте про ваше обещание. Стойте!

Это было непросто, но в конечном счете порядок воцарился и в рядах кентавров, они стали отходить, прекратив преследование отступающего

врага.

— Хирон молодец, — выдохнула Аннабет, отирая пот с лица. — Если мы продолжим преследование, наши порядки растянутся. Нам нужно перегруппироваться.

— Но враг...

— Он не побежден, — согласилась она. — Но уже светает. По крайней мере, мы выиграли какое-то время.

Мне не хотелось отводить наступающие войска, но я знал, что она права. Я посмотрел, как последние тельхины откатились к Ист-ривер, потом неохотно развернулся и пошел к Эмпайр-стейт-билдингу.

Мы заняли оборону по периметру двух кварталов, оборудовав штаб в Эмпайр-стейт-билдинге. Хирон сообщил, что союз «Лошади для вечеринок» прислал отряды почти от всех отделений, из каждого штата — сорок кентавров из Калифорнии, два из Род-Айленда, тридцать из Иллинойса и так далее. В общей сложности на его призыв откликнулись пять сотен, но даже с такой армией мы могли оборонять лишь два-три квартала.

— Братишка, — сказал кентавр по имени Ларри. По надписи на его футболке можно было узнать, кто он такой: «Большой вождь, Нью-Мексика». — Это было даже забавнее нашего последнего приключения в Vegas!

— Да-да, — сказал Оуэн из Южной Дакоты. На нем были черная кожаная куртка и армейская каска времен Второй мировой войны. — Мы их всех замочили!

Хирон потрепал Оуэна по спине.

— Вы хорошо поработали, друзья мои, только расслабляться еще рано. Никогда не следует недооценивать Кроноса. А теперь отправляйтесь-ка лучше в закусочную на Тридцать третьей Западной и позавтракайте. Я тут слышал, что делавэрское землячество нашло запасы шипучки из корнеплодов!

— Шипучка!

Кентавры рванули на 33-ю, чуть не сметая на скаку друг друга.

Хирон улыбнулся. Аннабет обняла его, а Миссис О'Лири лизнула в лицо.

— Ну-ну, — заворчал он. — Хватит нежностей, псина. Да, я тоже рад тебя видеть.

— Спасибо, Хирон, — сказал я. — Если бы не ты — нам конец.

— Извини, что так долго. Кентавры быстры на ноги, ты же знаешь.

Мы можем искривлять пространство. Но при всем при том собрать всех кентавров вместе — задача нелегкая. «Лошади для вечеринок» довольно плохо организованы.

— А как же вы прошли через волшебные барьеры вокруг города? — спросила Аннабет.

— Они нас немного притормозили, — признал Хирон, — но я думаю, они в основном имеют целью не допускать в город смертных. Кронос не хочет, чтобы людишки путались под ногами его великой победы.

— Значит, возможно, в город пройдут и другие подкрепления, — с надеждой в голосе предположил я.

— Не исключено. — Хирон погладил бороду. — Хотя времени мало. Как только Кронос перегруппирует свои силы, он снова пойдет в атаку. Без элемента неожиданности с нашей стороны...

Я понял, что у него на уме. Кронос не побежден. Наше торжество было кратковременным. Я питал некоторую надежду, что великан гипербореец слегка придавил Кроноса, но как же слаба была эта надежда. Он вернется не позднее, чем сегодня вечером.

— А что Тифон? — спросил я.

Лицо Хирона помрачнело.

— Боги устают. Вчера вышел из строя Дионис. Тифон разбил его колесницу, и бог вина упал где-то в районе Аппалачей. С тех пор его никто не видел. Не участвует в сражении и Гефест. Его так жестко выкинули из боя, что при падении в Западной Виргинии образовалось новое озеро. Он излечится, но не так скоро — в войне ему уже не участвовать. Остальные еще продолжают сражаться. Им удалось замедлить продвижение Тифона. Но остановить этого монстра невозможно. Завтра в это время он будет в Нью-Йорке. А как только они с Кроносом объединят силы...

— Тогда какие шансы есть у нас? — спросил я. — Еще один день мы не продержимся.

— Должны продержаться, — упрямо сказала Талия. — Я посмотрю, какие еще ловушки можно установить по периметру.

Вид у нее был изможденный, на куртке разводы от праха и слизи монстров. Однако она сумела подняться на ноги и, пошатываясь, пошла прочь.

— Я ей помогу, — решил Хирон. — И нужно приглядеть, чтобы мои ребята не перебрали шипучки.

«Перебрали» — мне показалось, что это слово точно характеризует «Лошадей для вечеринок». Хирон поскакал прочь, оставив меня вдвоем с Аннабет.

Она счистила слизь монстров со своего ножа. Я сотни раз видел, как она делает это, но никогда не задумывался, почему состояние клинка так ее заботит.

— Хорошо хоть с твоей матерью ничего не случилось, — сказал я.

— Ну если для тебя сражение с Тифоном — это «хорошо»... — Аннабет встретила мой взгляд. — Перси, даже несмотря на помощь кентавров, я начинаю думать...

— Я знаю.

У меня было дурное предчувствие, что поговорить еще раз у нас не будет возможности, и я понял: я не сказал ей и миллионной части того, что хотел сказать.

— Послушай... Гестия показывала мне всякие видения.

— Ты имеешь в виду — про Луку?

Может, это было просто предположение, попавшее в точку, но у меня возникло такое чувство, что ей известно, о чем я помалкиваю. Может, ее тоже посещали сны.

— Да, — сказал я. — Про тебя, Талию и Луку. Про вашу первую встречу. И о том, как вы встречались с Гермесом.

Аннабет вернула нож в ножны.

— Лука обещал, что никогда не допустит, чтобы со мной случилось что-то плохое. Он сказал... сказал, что мы будем новой семьей, которая станет лучше, чем его прежняя.

Ее глаза напомнили мне о той семилетней девочке в проулке — озлобленной, испуганной, отчаянно нуждающейся в друге.

— Талия недавно говорила со мной. Она опасается...

— ...что если дойдет до этого, то я не смогу драться с Лукой, — с несчастным видом продолжила Аннабет.

Я кивнул.

— Но тут есть еще кое-что, что тебе нужно знать. Эфан Накамура, похоже, думает, что Лука все еще жив в своем собственном теле и, может, даже противится Кроносу.

Аннабет попыталась взять себя в руки, но я видел, что мысли ее мечутся, перебирая варианты, может, у нее даже забрезжила надежда.

— Не хотел тебе говорить, — признался я.

Она посмотрела на Эмпайр-стейт-билдинг.

— Перси, большую часть моей жизни я чувствовала, как переменчиво все вокруг. У меня не было никого, на кого я могла бы положиться.

Я кивнул. Большинству полукровок это было понятно.

— Я убежала, когда мне было семь, — говорила Аннабет. — Потом,

встретив Луку и Талию, я подумала, что обрела семью, но она распалась почти сразу же. Что я хочу сказать... я ненавижу, когда люди обманывают меня, когда все вокруг временно. Я думаю, поэтому мне и хочется стать архитектором.

— Чтобы построить что-нибудь постоянное, — подсказал я. — Памятник прошедшему тысячелетию.

Она не отводила от меня взгляда.

— Похоже, речь опять идет о моем роковом недостатке.

Много лет назад в Море чудовищ Аннабет сказала мне, что самый главный ее недостаток — гордыня, убежденность, будто она может все. Я даже видел мельком ее самое сокровенное желание — показанное мне сиренами. Аннабет воображала своих отца и мать, они стояли перед перестроенным Манхэттенем, архитектором которого была Аннабет. Был там и Лука — вернувшийся на стезю добродетели, он приглашал ее домой.

— Кажется, я понимаю, что ты чувствуешь, — сказал я. — Но Талия права. Лука столько раз тебя предавал. Он и до Кроноса был полон злобы. Я не хочу, чтобы он опять мучил тебя.

Аннабет сложила губы трубочкой — сразу было видно, что она сдерживается, чтобы не вспыхнуть.

— И ты поймешь, если я и дальше буду надеяться, что ты, быть может, ошибаешься.

Я отвернулся. Мне казалось, я сделал все возможное, но настроение от этого у меня не улучшилось.

На другой стороне улицы ребята Аполлона устроили госпиталь, чтобы заняться ранеными — десятками полубогов и охотниц. Я смотрел, как работают лекари, и думал о том, что наши шансы удержать Олимп ничтожны...

И вдруг я оказался где-то совсем в другом месте.

Я стоял в удлиненном, грязном помещении бара с черными стенами, неоновым рекламным щитом и группой пьянствующих взрослых. Растяжка от стены до стены гласила: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, БОББИ ЭРЛ». Из громкоговорителей доносилась музыка в стиле кантри. Бар был заполнен крупными людьми в джинсах и грубых рубашках. Официантки разносили подносы с напитками и перекрикивались. Это было одно из тех заведений, куда моя мама меня ни за что бы не отпустила.

Я стоял в дальнем углу помещения рядом с туалетами (откуда исходил не самый приятный запах) и древними игровыми автоматами.

— А, вот ты где, — сказал человек у одного из игровых автоматов. — Я, пожалуй, выпью диетической колы.

Это был упитанный тип в гавайской рубашке с леопардовой раскраской, в пурпурных шортах, красных кроссовках и черных носках — все вместе это выделяло его из остальных посетителей. Нос у него отливал ярко-красным цветом, а на курчавой черноволосой голове была повязка, словно он приходил в себя после сотрясения мозга.

Я моргнул.

— Мистер Д.?

Он вздохнул, не отрываясь от игры.

— Ах, Питер Джонсон, когда уже ты научишься меня узнавать с первого взгляда?

— Когда ты запомнишь мое имя, — пробормотал я. — Где мы?

— Это же вечеринка по случаю дня рождения Бобби Эрла, — сказал Дионис. — А мы где-то в распрекрасной сельской Америке.

— А я думал, Тифон сбросил тебя с неба. Мне сказали, что у тебя была аварийная посадка.

— Твоя забота очень трогательна. У меня и в самом деле была аварийная посадка. Довольно болезненная штука. По правде говоря, я частично все еще нахожусь на глубине пятьдесят метров в заброшенной шахте. У меня достаточно сил, чтобы исцелиться. Но пока часть моего сознания пребывает здесь.

— В баре. Играет на автомате.

— Вечеринка, — пояснил Дионис. — Ты наверняка об этом слышал. Если где вечеринка, то мое присутствие обязательно. Поэтому я могу находиться сразу во многих местах. Единственная проблема была в том, чтобы найти какую-нибудь вечеринку. Не знаю, в курсе ли ты, насколько серьезно обстоят дела за пределами вашего безопасного маленького пузырька под названием Нью-Йорк...

Безопасного маленького пузырька?!

— ...но можешь мне поверить, что смертные там, в глубине страны, перепуганы. Тифон нагнал на них страху. Лишь очень немногие устраивают вечеринки. Бобби Эрл и его друзья, да будут они счастливы, немного тугодумы. Они еще не поняли, что мир движется к концу.

— Значит... на самом деле меня здесь нет?

— Нет. Через минуту я отправлю тебя назад к твоей обычной ничемной жизни, и все будет так, словно ничего и не случилось.

— А зачем же ты перенес меня сюда?

— Ну, мне вовсе не был нужен именно ты. — Дионис усмехнулся. — Меня устроил бы любой из ваших дурацких героев. Эта девчонка Анни...

— Аннабет.

— Дело тут вот в чем. Я вытащил тебя на эту вечеринку, чтобы предупредить. Нам всем грозит опасность.

— Правда? — не удержался я. — Никогда бы не подумал. Вот спасибо!

Он смерил меня грозным взглядом и тут же забыл мое имя. Красный призрак на экране автомата сожрал героя его игры.

— Ере ере корракас, ^[17] Блинки! — выругался Дионис. — Душу из тебя выну!

— Ну, это же всего лишь персонаж видеоигры, — сказал я.

— Это его не извиняет! Я проиграл из-за тебя, Йоргенсон!

— Джексон.

— Какая разница! Так вот, слушай меня, ситуация гораздо хуже, чем ты можешь себе представить. Если Олимп падет, то не только кончится власть богов, но и все наше наследие начнет разваливаться. Сама основа вашей жалкой маленькой цивилизации...

Игровой автомат заиграл песню, и мистер Д. перешел на 254-й уровень.

— Ага! — закричал он. — Вот вам, компьютерные демоны, получайте!

— Так что там про основы цивилизации? — напомнил я.

— Да-да. Все ваше общество исчезнет. Может, не сразу, но помяни мои слова, хаос, который несут с собой титаны, будет знаменовать конец западной цивилизации. Искусства, законы, дегустации вин, музыка, видеоигры, шелковые рубашки, картины на черном бархате — все то, ради чего стоит жить, исчезнет!

— Так почему же боги не торопятся помочь нам? — спросил я. — Мы должны объединить наши усилия на Олимпе. Забыть про Тифона.

Дионис нетерпеливо щелкнул пальцами.

— Ты забыл про мою диетическую колу.

— О боги, какой зануда! — Я подозвал официантку, заказал ему эту дурацкую колу и поставил на подставочку с именем Бобби Эрла.

Мистер Д. присосался к стаканчику, не отрывая глаз от видеоигры.

— Другие боги никогда этого не признают, Пьер.

— Перси.

— ...но беда в том, что нам нужно, чтобы Олимп спасли вы, смертные. Понимаешь, ведь мы продукты вашей культуры. Если вам самим не нужно спасти Олимп...

— Это как с Паном, — сообразил я. — Сам он не может спасти дикую природу — только его сатиры.

— Именно. Я, конечно, отопрусь, скажу, что никогда этого не говорил, но богам нужны герои. Так оно всегда было. Иначе на кой ляд вы нам

сдались, противные маленькие негодники.

— Ну спасибо. Я чувствую себя таким полезным обществу.

— Воспользуйтесь подготовкой, которую я дал вам в лагере.

— Какой подготовкой?

— Сам знаешь. Все эти геройские приемчики и... Нет! — Мистер Д. шарахнул по монитору. — На пари и ейхи!^[18] Последний уровень!

Он посмотрел на меня, и я увидел в его глазах багряный огонь.

— Помнится мне, я как-то раз предсказывал, что ты окажешься таким же эгоистом, как и все другие герои человечества. У тебя теперь есть возможность доказать, что я ошибался.

— Ну да, нет у меня других забот — только сделать что-нибудь, чтобы ты мной гордился!

— Ты должен спасти Олимп, Педро. Предоставь Тифона олимпийцам и спаси символ нашей власти. Это необходимо сделать!

— Отлично. Хорошо поговорили. А теперь, если ты не возражаешь, мои друзья будут беспокоиться...

— Это еще не все, — прервал меня мистер Д. — Кронос пока не достиг максимума силы. Тело смертного было всего лишь промежуточным этапом.

— Мы об этом догадывались.

— А догадывались ли вы о том, что в течение суток — не более — Кронос сожжет это смертное тело и примет свою истинную форму царя титанов?

— А это будет означать...

Дионис сунул в автомат еще одну монетку.

— Ты ведь знаешь об истинной форме богов.

— Да. Кто их увидит, тот сгорит.

— Кронос будет в десятки раз сильнее. Одно его присутствие тебя испепелит. А достигнув этого состояния, он усилит и других титанов. Пока что они слабы, в сравнении с тем, чем станут, если ты их не остановишь. Мир падет, боги умрут, а я никогда не выиграю у этой дурацкой машины.

Наверное, я должен был впасть в панику, но, откровенно говоря, я уже и без того был напуган свыше всякой меры.

— Ну, теперь уже я могу идти? — спросил я.

— Последнее. Мой сын Поллукс — он жив?

Я заморгал.

— Да... был жив, когда я видел его в последний раз.

— Буду тебе очень признателен, если ты и дальше сохранишь его в таком виде. В прошлом году я потерял его брата Кастора...

— Я помню. — Я смотрел на него, пытаюсь представить себе Диониса в роли заботливого отца, и спрашивал себя, сколько еще других олимпийцев в этот момент думают о своих детях-полубогах. — Постараюсь.

— Ты уж постарайся, — пробормотал Дионис. — Ну, ты меня успокоил. Теперь можешь идти. Тебе еще придется столкнуться с неприятными сюрпризами, а я должен победить этого Блинки!

— Неприятные сюрпризы?

Он махнул рукой — и бар исчез.

Я снова был на Пятой авеню. Аннабет оставалась на том же месте. Судя по ее виду, я никуда и не исчезал.

Она поймала мой взгляд и нахмурилась.

— Что?

— Да нет, так, ничего.

Я посмотрел вдоль Пятой авеню, недоумевая, какие еще неприятные сюрпризы имел в виду мистер Д. Казалось, что хуже, чем есть, уже и быть не может.

Мой взгляд остановился на побитой синей машине. На капоте была сильная вмятина, словно кто-то шарахнул по ней молотом. Мурашки побежали у меня по коже. Почему эта машина показалась мне такой знакомой? И тут я понял, что это «приус».

«Приус» Пола. Я бросился к машине.

— Перси! — крикнула Аннабет. — Что ты делаешь?

Пол спал на водительском сиденье. Рядом с ним посапывала моя мать. У меня в голове была полная каша. Как же это я не заметил их раньше? Они тут находятся уже целые сутки... даже больше, вокруг них бушует сражение, а я их даже не заметил!

— Они... они, вероятно, видели эти синие огни в небе. — Я дернул дверцу машины, но она оказалась заперта. — Мне нужно их вытащить.

— Перси, — тихо окликнула меня Аннабет.

— Не могу же я оставить их здесь! — Я сам себе казался чокнутым. Я постучал по лобовому стеклу. — Я должен убрать их отсюда. Должен...

— Перси... ты погоди, не спеши. — Аннабет махнула рукой Хирону, который в конце квартала разговаривал с кентаврами. — Мы можем затолкать машину в какой-нибудь боковой проезд, разве нет? Там с ними ничего не случится.

Руки у меня дрожали. После всего, что я пережил за последние дни, я и без того чувствовал себя таким глупым и слабым, но при виде родителей

совсем пал духом.

К нам прискакал Хирон.

— В чем... О боги! Все ясно.

— Они пытались найти меня, — лепетал я. — Наверно, мама почувствовала, что происходит что-то неладное.

— Скорее всего, — сказал Хирон. — Но с ними ничего не случится, Перси. Для них лучше всего будет, если мы хорошо сделаем нашу работу.

Тут я заметил что-то на заднем сиденье «приуса», и сердце у меня екнуло. К сиденью за моей матерью был пристегнут ремнем черно-белый греческий кувшин высотой около метра. С крышкой, перетянутой кожаными ремнями.

— Это невозможно, — пробормотал я.

Аннабет прижала руку к стеклу.

— Как это могло произойти?! Мне казалось, ты оставил его в «Плазе».

— Запер в сейфе, — подтвердил я.

Хирон увидел кувшин, и глаза его расширились.

— Неужели это...

— Кувшин Пандоры. — Я рассказал ему о моей встрече с Прометеем.

— Значит, кувшин теперь твой, — мрачно заключил Хирон. — Он будет преследовать тебя, где бы ты ни оказался, искушать — открой, мол, его. Он будет появляться в минуты твоей наибольшей слабости.

«Как теперь, например, — подумал я. — Когда я смотрю на моих беспомощных родителей».

Я представил себе улыбающегося Прометея, жаждущего помочь нам, бедным смертным. «Распрощайся с надеждой, и тогда я буду знать, что ты сдался. Я тебе обещаю: Кронос будет милосерден».

Злость обуяла меня. Я вытащил Анаклузмос и располосовал стекло в окне водителя, словно это была пластиковая обертка.

— Я поставлю рычаг передачи в нейтральное положение. Утащите машину отсюда. А этот идиотский кувшин унесите на Олимп.

Хирон кивнул.

— Хороший план. Вот только...

Он осекся на полуслове. Издалека до нас донесся ритмический стук: чоп-чоп-чоп — работали винты и мотор вертолета.

Утром в обычный понедельник в Нью-Йорке это не вызвало бы ни малейшего удивления, но после двух дней безмолвия я меньше всего ожидал услышать звук вертолета, созданного руками смертных. В двух кварталах к востоку армия монстров при виде вертолета принялась вопить и улюлюкать. Это была гражданская модель темно-красного цвета с ярко-

зеленым логотипом «ДЭ» на боку. Слова под логотипом были слишком мелкие — не прочесть, но я знал их: «Дэр энтерпрайзез».

Комок подступил у меня к горлу. Я посмотрел на Аннабет и понял, что она тоже узнала логотип. Лицо у нее стало красным — под цвет вертолета.

— Она-то что здесь делает? — воскликнула Аннабет. — Как она прорвалась через защиту?

— Кто «она»? — недоуменно спросил Хирон. — Какому смертному пришла в голову такая безумная мысль...

Вертолет неожиданно нырнул вниз.

— Колдовство Морфея! — воскликнул Хирон. — Этот глупый смертный пилот заснул.

Я в ужасе смотрел, как вертолет мотает туда-сюда, как он падает в направлении офисных зданий. Даже если он не разобьется, боги воздуха, вероятно, изымут его с неба, когда он подойдет слишком близко к Эмпайр-стейт-билдингу.

Я был словно парализован — не мог пошевелинуться, но Аннабет свистнула, и словно из ниоткуда появился пегас Гвидо.

«Звала красивую лошадку?» — спросил он.

— Ну-ка, Перси, — проворчала Аннабет, — мы должны спасти твоего друга.

Глава шестнадцатая

Нам помогает воровство

Хотите знать, что такое «не смешно»? Не смешно — это когда ты летишь на пегасе навстречу неуправляемому вертолету. Если бы Гвидо оказался не таким асом, то винты вертолета изрубили бы нас на конфетти.

Я слышал, как кричит в кабине вертолета Рейчел. Она почему-то не уснула, а вот пилот — тот упал лицом на пульт управления и покачивался туда-сюда по мере того, как вертолет приближался к фасаду офисного здания.

— Есть предложения? — спросил я у Аннабет.

— Значит, так — ты берешь Гвидо и отчаливаешь! — скомандовала она.

— А ты?

Вместо ответа она крикнула «О-па!» — и Гвидо ушел в пике.

— Пригнись! — крикнула Аннабет.

Мы прошли так близко к винтам, что мне показалось, они задели мои волосы. Мы сделали маневр вдоль борта вертолета, и Аннабет ухватила за дверь.

Вот тут-то дело и пошло хуже некуда.

Крыло Гвидо задело за борт, и пегас устремился вниз со мной на спине, а Аннабет осталась висеть на дверях вертолета.

Меня охватил такой ужас, что все мысли из моей головы улетучились напрочь, но пока Гвидо кругами шел вниз, я все же увидел, как Рейчел затаскивает Аннабет в вертолет.

— Зависни здесь! — прокричал я Гвидо.

«Мое крыло, — простонал он. — Оно погибло».

— Ты сможешь! — Я отчаянно пытался вспомнить, чему учила нас Силена на занятиях по езде на пегасах. — Расслабь крыло. Вытяни его и планируй.

Мы камнем падали прямо на мостовую в ста метрах под нами. В последний момент Гвидо вытянул крылья. Я увидел лица кентавров, которые с раскрытыми ртами смотрели на нас. Тут мы выбрались из пике, перешли на планирование и метров через двадцать рухнули-таки на мостовую.

«О! — простонал Гвидо. — Мои ноги... Моя голова... Мои крылья...».

Прискакал Хирон с аптечкой и занялся пегасом.

Я с трудом встал на ноги, а когда поднял голову, сердце у меня ушло в пятки. Вертолет был совсем рядом с фасадом здания — еще две секунды, и он врежется в стену.

Но тут вертолет чудесным образом выровнялся. Он сделал круг и завис, а потом начал очень медленно опускаться.

Казалось, спуск продолжался целую вечность, но наконец вертолет сел прямо посреди Пятой авеню. Я посмотрел через стекло фонаря и глазам своим не поверил.

На месте пилота сидела Аннабет.

Я бросился к вертолету, винты, сделав еще несколько оборотов, остановились. Рейчел открыла боковую дверь и вытащила пилота. На Рейчел все еще была ее пляжная одежда — шорты, футболка и сандалии. Волосы торчали клочьями, а лицо позеленело после полета. Последней из вертолета выбралась Аннабет. Я с уважением посмотрел на нее.

— Не знал, что ты умеешь пилотировать вертолет.

— Я этого тоже не знала, — улыбнулась она. — Мой отец помешан на авиации, ты же знаешь... А потом, у Дедала были кое-какие записки по летательным машинам. Просто пришлось поработать мозгами, чтобы догадаться, что там к чему на пульте управления.

— Ты спасла мне жизнь, — сказала Рейчел.

Аннабет пошевелила больным плечом.

— Ну да, бывает... только давай не будем вводить это в привычку. Что ты вообще здесь делаешь, Дэр? Ты что не понимаешь, что здесь зона боевых действий?

— Я... — Рейчел посмотрела на меня. — Мне нужно было попасть сюда. Я знала, что Перси в беде.

— Все понятно, — проворчала Аннабет. — Ну вы меня извините — у меня раненые друзья. Нужно за ними присмотреть. Рада, что ты к нам заглянула, Рейчел.

— Аннабет! — крикнул я вслед удаляющейся спине.

Но она исчезла — я и моргнуть не успел. Рейчел уселась на тротуар и опустила голову на руки.

— Извини, Перси. Я не хотела... у меня всегда так — за что ни возьмусь, все испорчу.

С этим было трудно спорить, но я радовался хотя бы тому, что она жива.

Я посмотрел в том направлении, куда ушла Аннабет. Я не мог

поверить в то, что она совершила — спасла жизнь Рейчел, посадила вертолет и ушла так, словно это было плевое дело.

— Да нет, ничего, — сказал я Рейчел, хотя мои слова прозвучали неубедительно. — Так что ты хотела сообщить?

Она нахмурилась.

— Откуда ты узнал, что я хочу тебе что-то сообщить?

— Приснилось.

Рейчел ничуть не удивилась. Она подтянула на поясе шорты. Они были все разрисованы — обычное для нее дело, — и я узнал эти символы: греческие буквы, картинки лагерных бусин, изображения монстров и лица богов. Непонятно, откуда Рейчел в курсе относительно доброй половины всего этого? Она ведь никогда не была ни на Олимпе, ни в Лагере полукровок.

— Мне тоже были видения, — пробормотала она. — Но не через Туман. Это другое дело. Я рисовала картинки, писала слова...

— ...по-древнегречески, — подхватил я. — Ты понимаешь, что они значат?

— Вот об этом-то я и хотела с тобой поговорить. Я надеялась... понимаешь, если бы ты полетел с нами отдыхать, то я надеялась, что ты помог бы мне разобраться — что же это со мной происходит.

Рейчел просительно посмотрела на меня. Лицо у нее загорело, нос облупился. Я все никак не мог прийти в себя оттого, что она здесь. Рейчел заставила свое семейство прервать отдых, дала обещание пойти в эту кошмарную школу и полетела на вертолете туда, где шла война с монстрами, только для того, чтобы увидеть меня. Она на свой лад была не менее отважна, чем Аннабет.

Но меня по-настоящему напугало то, что с ней происходило, — все эти ее видения. Может, это случалось со всеми смертными, которые могли видеть сквозь Туман. Но моя мама ничего такого мне не говорила. И мне на память все время приходили слова Гестии о матери Луки: Мей Кастеллан, мол, зашла слишком далеко. Она пыталась увидеть слишком многое.

— Рейчел. — Я глубоко вздохнул. — Хотелось бы мне самому все это знать. Может, стоит спросить у Хирона...

Она поморщилась, словно ее током ударило.

— Перси, что-то должно случиться. Какой-то обман, который закончится смертью.

— Что ты имеешь в виду? Чьей смертью?

— Не знаю. — Рейчел тревожно огляделась. — Ты что, не чувствуешь?

— Ты мне об этом хотела сообщить?

— Нет. — Она помедлила. — Извини. Я говорю сбивчиво, но мне только что пришла в голову эта мысль. Послание, которое я написала на песке на берегу, — это о другом. Там было твое имя.

— Персей, — вспомнил я. — На древнегреческом.

Рейчел кивнула.

— Я не понимаю, что это значит, но я знаю: это важно. Ты должен услышать его. Оно гласило: «Персей, ты не тот герой».

Я уставился на нее так, будто она отвесила мне пощечину.

— Ты проделала путь в тысячи миль, чтобы сообщить мне, что я не тот герой?

— Это важно, — настаивала она. — Это повлияет на то, что ты будешь делать.

— Не герой пророчества? — спросил я. — Не тот герой, который победит Кроноса? Что ты имеешь в виду?

— Я... извини, Перси. Я больше ничего не знаю. Я должна была сообщить тебе это, потому что...

— Ну и ну! — К нам скакал Хирон. — А это, должно быть, мисс Дэр.

Я хотел закричать на него, чтобы он убрался куда подальше, но, конечно, не мог это сделать. Я пытался совладать со своими эмоциями. У меня было такое чувство, будто меня захлестывает и уносит ураган прежде незнакомых страстей.

— Хирон, это Рейчел Дэр, — сквозь зубы выдавил я. — Рейчел, это мой учитель Хирон.

— Привет, — мрачно поздоровалась Рейчел. Она ничуть не удивилась тому, что Хирон — кентавр.

— Ты не заснула, прибыв сюда, мисс Дэр, — заметил Хирон. — И в то же время ты — смертная.

— Я смертная, — подтвердила она так, словно эта мысль угнетала ее. — Летчик уснул, как только мы пересекли реку. Я не знаю, почему не уснула я. Я просто знала, что должна попасть сюда и предупредить Перси.

— Предупредить Перси?

— У нее были всякие видения, — сказал я. — Она писала разные слова и рисовала картинки.

— Да? — Хирон поднял бровь. — Ну-ка, расскажи мне.

Рейчел повторила ему то, о чем говорила мне.

Хирон почесал бороду.

— Мисс Дэр... пожалуй, нам нужно поговорить.

— Хирон, ты... ты ведь поможешь Рейчел? — выпалил я. Мне вдруг явилось видение, Лагерь полукровок в 1990-х и крик Мей Кастеллан с

чердака. — Я хочу сказать, ты ее предупредишь, что с такими вещами нужно быть поосторожнее. Не заходить слишком далеко.

Хвост кентавра подергивался, как это всегда случалось, когда он волновался.

— Да, Перси, я постараюсь понять, что происходит, и дать совет мисс Дэр, но на это может потребоваться какое-то время. А ты пока отдохни. Мы перегнали машину с твоими родителями в безопасное место. Враг пока вроде бы не наступает. Мы поставили койки в Эмпайр-стейт-билдинге — можешь там поспать.

— Все отправляют меня спать, — проворчал я. — Не хочу я спать.

— Ты в последнее время смотрелся в зеркало, Перси? — Хирон попытался улыбнуться.

Я взглянул на свою одежду — после ночи непрерывных боев она была подпалена, помята, порвана и перепачкана.

— Да, видок у меня — хуже не бывает, — признал я. — Но неужели ты думаешь, что после всего этого я могу спать?

— Может быть, в бою ты и неуязвим, — принялся выговаривать мне Хирон, — но от этого твое тело только быстрее устает. Я помню Ахилла. Если этот парень не сражался, то спал. Он раз двадцать в день укладывался прикорнуть. Тебе нужен отдых, Перси. Может быть, ты — наша последняя надежда.

Я хотел сказать, что никакая я не последняя надежда. Если верить Рейчел, то я даже не тот герой. Но, судя по выражению лица Хирона, он не желал слышать от меня никаких «нет».

— Ладно, — проворчал я. — А ты поговори с ней.

Я поплелся к Эмпайр-стейт-билдингу, а когда оглянулся, Рейчел и Хирон шли бок о бок и вели какой-то жутко серьезный разговор, словно обсуждали подробности предстоящих похорон.

В холле я повалился на ближайшую пустую койку, будучи уверен, что ни за что не смогу уснуть. Секунду спустя мои веки сомкнулись.

Сон перенес меня назад в сад Аида.

Владыка мертвых мерил его шагами, заткнув ладонями уши. Следом за ним шествовал Нико, размахивая руками.

— Ты должен! — требовал Нико.

За столом поблизости сидели Деметра и Персефона. У обеих богинь был скучающий вид. Деметра рассыпала дробленое пшено по четырем громадным мискам. Персефона волшебным способом изменяла убранство ствола, превращая бутоны цветов из красных в желтые, из желтых в

пестрые, с узором в горошек.

— Я ничего никому не должен! — Глаза Аида горели. — Я — бог!

— Отец! Если падет Олимп, то и твой дворец не устоит. Со временем и ты потеряешь власть.

— Я не олимпиец, — проворчал Аид. — Моя семья совершенно недвусмысленно дала мне это понять.

— Нет, ты — олимпиец, — настаивал Нико. — Нравится тебе это или нет.

— Ты видел, что они сделали с твоей матерью, — напомнил Аид. — Зевс ее убил. А ты хочешь, чтобы я им помогал. Они заслуживают того, что получают.

Персефона вздохнула. Она пробежала пальцами по столу, с отсутствующим видом превращая серебряные приборы в розы.

— Могли бы мы не говорить об этой женщине?

— Ты знаешь, что может исправить этого мальчика? — задумчиво сказала Деметра. — Пусть поработает на земле...

— Мама!.. — Персефона закатила глаза.

— Пусть походит полгода за плугом. Лучшее средство для воспитания характера.

Нико встал перед отцом, вынуждая его посмотреть сыну в лицо.

— Моя мать знала, что такое семья. Поэтому она и не хотела нас оставлять. Ты не можешь взять и бросить свою семью, потому что они сделали что-то отвратительное. Ты в отношении их тоже совершал отвратительные вещи.

— Мария умерла!

— Ты не можешь отделить себя от других богов!

— Я прекрасно это делал на протяжении нескольких тысяч лет.

— И что — стало тебе от этого лучше? — резко спросил Нико. — Помогло ли тебе, что ты проклял этого оракула? Ненависть — худшее из зол! Бьянка предупреждала меня об этом и была права.

— Права для полукровок! А я бессмертный! Всесильный! Я не стану помогать другим богам, даже если они будут умолять меня об этом, если твой Перси Джексон лично будет умолять...

— Ты такой же изгой, как и я! — закричал Нико. — Прекрати уже злиться из-за этого и сделай хоть раз что-нибудь полезное. Только тогда они будут тебя уважать!

Ладонь Аида наполнилась черным огнем.

— Ну, давай, давай! Уничтожь меня! Именно таких вещей остальные боги и ожидают от тебя. Докажи им, что они правы!

— Будь добр, — раздраженно произнесла Деметра, — заткни ему рот. Персефона вздохнула.

— Не знаю. Я бы лучше отправилась на войну, чем съела еще одну миску каши. Она отвратительна.

Аид от гнева зашелся в крике. Его огненный шар ударил в серебряное дерево совсем рядом с Нико, и оно расплылось лужицей жидкого металла.

Тут мой сон перенес меня в другое место.

Я стоял у здания Организации Объединенных Наций, приблизительно в миле к северо-востоку от Эмпайр-стейт-билдинга. Армия титана разбила лагерь вокруг комплекса ООН. На флагштоках висели страшные трофеи — шлемы и куски доспехов наших ребят. Вдоль всей Первой авеню расположились великаны, затачивая топоры. Тельхины в импровизированных кузнях ремонтировали оружие.

Сам Кронос мерил шагами верхнюю часть площади, помахивая своей смертоносной косой, что заставляло стоящих на постах дракониц держаться от него подальше. Поблизости, но вне пределов досягаемости косы, стояли Эфан Накамура и Прометей. Эфан нервно перебирал ремни щита, но Прометей в щегольском черном смокинге был, как всегда, спокоен и собран.

— Ненавижу это место, — проворчал Кронос. — «Объединенные нации». Как будто человечество когда-нибудь умело объединяться. Напомните мне снести это здание, когда мы уничтожим Олимп.

— Да, повелитель. — Прометей улыбнулся, словно гнев хозяина забавлял его. — Конюшни в Центральном парке тоже разрушить? Я знаю, что лошади тоже сильно тебя раздражают.

— Ты прекрати надо мной подсмеиваться, Прометей! Эти проклятые кентавры еще пожалеют о том, что вмешались. Я их скормлю адским гончим, первым делом на корм пойдет мой собственный сынок — этот слабак Хирон.

Прометей пожал плечами.

— Этот слабак своими стрелами уничтожил целый легион тельхинов.

Кронос взмахнул косой и перерубил один из флагштоков. Национальные цвета Бразилии рухнули на его армию, придавив одну из дракониц.

— Мы их уничтожим! — проревел Кронос. — Пора выпускать змия. Накамура, это сделаешь ты.

— Хорошо, владыка. С заходом солнца?

— Нет! — сказал Кронос. — Немедленно. Большинство защитников Олимпа тяжело ранены. Они не ждут быстрой атаки. И потом мы знаем,

что они не в силах победить этого змия.

— Мой повелитель? — У Эфана на лице появилось недоуменное выражение.

— Не бери в голову, Накамура. Исполни мой приказ. Я хочу, чтобы к тому времени, когда Тифон доберется до Нью-Йорка, Олимп уже лежал в руинах. Мы окончательно разделаемся с богами.

— Но мой повелитель, — пробормотал Эфан, — а как же твое обновление?

Кронос указал пальцем на Эфана, и тот замер.

— Неужели кому-то кажется, — прошипел Кронос, — что мне требуется обновление?

Эфан не ответил. Да и как можно ответить, если ты обездвижен во времени.

Кронос щелкнул пальцами, и Эфан рухнул на землю.

— Скоро, — прорычал титан, — в этой форме не будет нужды. Я не желаю отдыхать, когда победа так близка. Давай пошевеливайся!

Эфан уполз прочь.

— Это опасно, мой повелитель, — предупредил Кроноса Прометей. — Не стоит спешить.

— Спешить? После того как я три тысячи лет гнил в глубинах Тартара, ты мне говоришь о спешке? Я разрублю Перси Джексона на тысячу кусков.

— Ты уже трижды сражался с ним, — заметил Прометей. — И еще всегда говорил, что это ниже твоего достоинства — достоинства титана — драться с обычным смертным. Может быть, твоя смертная оболочка так влияет на тебя, ослабляет мыслительные способности?

Кронос обратил золотые глаза на Прометея.

— Ты называешь меня слабым?

— Нет, мой господин, я только хочу сказать...

— Или у тебя раздвоение личности? — спросил Кронос. — Может быть, ты скучаешь по своим прежним друзьям — богам? Хочешь к ним присоединиться?

Прометей побледнел.

— Просто глупость с языка сорвалась, повелитель. Твои приказание будут исполнены. — Он повернулся к армии и закричал: — Приготовиться к сражению!

Войска пришли в движение.

Откуда-то из-за территории ООН раздался злобный рык, сотрясший весь город, — звук пробуждающегося чудовища. Звук этот был настолько ужасен, что я проснулся и понял: он все еще доносится до меня с

расстояния около мили.

Рядом со мной стоял Гроувер.

— Что это было? — испуганно спросил он.

— Они наступают, — ответил я. — И у нас большие неприятности.

У ребят из дома Гефеста кончился греческий огонь. Ребята из домика Аполлона и охотницы остались почти без стрел. Большинство из нас уже переварили столько амброзии и нектара, что не решались принимать еще.

В наших рядах насчитывалось шестнадцать ребят из лагеря, пятнадцать охотниц и с полдюжины сатиров, способных держать оружие. Остальные укрылись на Олимпе. «Лошади для вечеринок» попытались создать фронт, но они все время спотыкались и хихикали, и от них несло шипучкой. Техасцы лягали кентавров из Колорадо. Бойцы штата Миссури ссорились с представителями Иллинойса. Весьма велики были шансы, что вся эта армия передерется внутри себя, а до сражения с врагом дело не дойдет.

Прискакал Хирон с Рейчел на спине. Я немного разозлился, потому что Хирон редко кого подвозил, а уж тем более смертного.

— У твоего друга есть кой-какие полезные прозрения, Перси, — сказал он.

— Просто пришло кое-что в голову. — Рейчел вспыхнула.

— Змий, — сказал Хирон. — Лидийский змий, чтобы быть точнее. Старейший из них и самый опасный.

Я уставился на нее.

— Откуда ты это взяла?

— Я не уверена, — призналась Рейчел. — Но у этого змия особая судьба. Его убьет дитя Ареса.

Аннабет скрестила руки на груди.

— Откуда ты можешь это знать?

— Просто я это видела. Не могу объяснить.

— Ну, будем надеяться, что ты ошибаешься, — сказал я. — Потому что у нас как раз нехватка детей Ареса...

Ужасная мысль пришла мне в голову, и я выругался на древнегреческом.

— Что? — спросила Аннабет.

— Шпион! Кронос сказал: «Мы знаем, что они не в силах победить этого змия». Шпион продолжает его информировать. Кронос знает, что ребят из домика Ареса нет с нами. Он намеренно выбрал монстра, которого мы не можем убить.

— Если я когда поймаю этого шпиона, он пожалеет, что на свет родился, — мрачно пообещала Талия. — Может, послать еще кого-нибудь в лагерь...

— Я это уже сделал, — сказал Хирон. — Пират уже в пути. Но если Силене не удалось убедить Клариссу, то я сомневаюсь, что Пирату удастся...

Грохот сотряс землю. Судя по звуку, его источник был очень близко.

— Рейчел, — велел я, — иди внутрь, в здание.

— Я хочу остаться.

Какая-то тень закрыла солнце. По фасаду небоскреба на другой стороне улицы на землю соскользнул змий. Он заревел — и тысячи окон треснули.

— Ты знаешь, — сказала Рейчел, — я подумала — и, пожалуй, подожду внутри.

Дайте я объясню. Есть драконы, а есть змии.

Змии на несколько тысячелетий старше драконов и гораздо крупнее. Они похожи на огромных ящериц. У большинства нет крыльев. Многие из них не огнедышащие (хотя некоторые так полыхнут — ого-го-го!). Все ядовиты. Все ужасно сильны, а чешуя у них тверже титана. Они могут парализовать взглядом — не превращать в камень, как Медуза, а обездвиживать страхом, что ничуть не лучше.

У нас в лагере есть занятия по боям со змием, но разве можно подготовиться к схватке с пятидесятиметровой змеюгой толщиной со школьный автобус, сползающей по стене здания. Ее желтые глаза светят как прожектора, а пасть полна острых, как бритва, зубов такого размера, что и слона пережуют.

При виде змия я даже затосковал по летающей свинье.

Армия врага тем временем наступала по Пятой авеню. Мы постарались убрать машины с улицы, чтобы сохранить жизнь спящим внутри смертным, но это только облегчило наступление врагу. Кентавры переминались на месте, нервно подергивая хвостами. Хирон скакал вдоль их рядов, призывая не отступать, держаться и думать о шипучке. Но я видел, что они могут запаниковать в любую минуту и пуститься в бегство.

— Я займусь змием. — Голос мой прозвучал как мышинный писк. И тогда я крикнул громче: — Я займусь змием!

Аннабет стояла рядом со мной. Она натянула пониже свой совиный шлем, но я видел, что глаза у нее покраснели.

— Ты мне pomoжешь? — спросил я.

— Именно этим я всегда и занимаюсь, — с несчастным видом отозвалась она. — Помогаю моим друзьям.

Я чувствовал себя полным кретином. Я хотел отвести ее в сторону и объяснить, что вовсе не желал, чтобы Рейчел прилетала сюда, что это была не моя идея, но времени совсем не оставалось.

— Надень шапку-невидимку, — сказал я. — Ищи слабые места в его чешуе, а я буду его отвлекать. И будь осторожна.

Я свистнул.

— Миссис О'Лири, к ноге.

— Га-а-ав!

Моя адская гончая перепрыгнула через строй кентавров и лизнула меня в лицо. От нее подозрительно пахло пиццей.

Я обнажил меч, и мы бросились на чудовище.

Змий был в трех этажах над нами, он боком сползал по стене, оценивая наши силы. Стоило ему посмотреть вниз — и кентавры замирали от страха.

С севера в строй «Лошадей для вечеринок» врубилась армия врага, и наши ряды дрогнули. Змий метнулся и в один присест проглотил трех калифорнийских кентавров, а я еще и подойти к нему не успел.

Миссис О'Лири прыгнула — убийственная черная тень, зубастая и когтистая. Обычно прыгающая адская гончая наводит ужас, но рядом со змием Миссис О'Лири была все равно что детский пупсик.

Ее когти без всякого вреда для змия скользнули по его чешуе. Гончая вцепилась в глотку монстра, но от ее зубов даже вмятин на шее змия не осталось. Однако ее веса оказалось достаточно, чтобы змий свалился со стены здания — он неловко крутанулся и упал на тротуар, — адская гончая и гигантское чудовище принялись извиваться и биться, стараясь достать друг друга. Змий пытался укусить Миссис О'Лири, но она была слишком близко к его пасти. Ящер повсюду разбрызгивал яд, от которого несколько кентавров и немало монстров растворились в прах, но Миссис О'Лири моталась вместе с головой чудовища, царапая и кусая его.

— Йа-а-а!

Я вонзил Анаклузмос глубоко в левый глаз монстра.

Его прожектор погас. Змий зашипел и отступил, готовясь атаковать, но я откатился в сторону.

Этот монстр выкусил из тротуара кусок размером с плавательный бассейн и повернулся ко мне оставшимся глазом, а я устремил взгляд на его зуб, чтобы он не обездвижил меня. Миссис О'Лири делала все, что в ее силах, чтобы отвлечь змия. Она прыгала на его голове, царапалась и

рычала, как взбесившийся черный парик.

В остальной части сражение складывалось не в нашу пользу. Кентавры запаниковали и стали отступать под напором великанов и демонов. В гуще сражения время от времени появлялась оранжевая лагерная футболка, но быстро исчезала. В воздухе свистели стрелы. Греческий огонь взрывался в рядах обеих армий, но фронт смещался по улице в направлении к входу в Эмпайр-стейт-билдинг. Мы проигрывали сражение.

Внезапно на спине змия материализовалась Аннабет. Ее бейсболка-невидимка съехала набок, когда она вонзила свой бронзовый нож в зазор между чешуями чудовища.

Змий зарычал, свернулся кольцом и сбросил Аннабет со спины. Я подбежал к ней в тот момент, когда она свалилась на землю, и потащил прочь от змия, который ударом хвоста сшиб фонарный столб, и тот упал туда, где только что была Аннабет.

— Спасибо, — сказала она.

— Я тебе говорил — осторожнее!

— Да, говорил... Пригнись!

Пришла ее очередь спасать меня. Аннабет толкнула меня — и зубы змия щелкнули над моей головой. Миссис О'Лири бросилась прямо на шипастую морду, отвлекая его, и нам удалось отскочить в сторону. Тем временем наши союзники отступили к дверям Эмпайр-стейт-билдинга. Вражеская армия целиком была здесь — обложила нас со всех сторон.

Выбора у нас не осталось. Помощи ждать было неоткуда. Нам с Аннабет пришлось отступить, иначе мы оказались бы отрезанными от Олимпа.

Потом я услышал какой-то гром, доносящийся с юга. Такие звуки не часто раздаются в Нью-Йорке, но я сразу же его узнал: это приближалась колесница.

— Арес! — раздался громкий девчоночий голос.

И в бой ворвалась дюжина боевых колесниц! На каждой реяло красное знамя с головой дикого кабана. В каждую были впряжены кони-скелеты с огненными гривами. В общей сложности тридцать воинов в сверкающих доспехах и с горящими ненавистью глазами одновременно опустили копья — их колесницы оцетинились, образовав стену смерти.

— Дети Ареса! — недоуменно проговорила Аннабет. — Откуда же Рейчел знала?..

Ответа у меня не было. Возглавляла атаку девчонка в знакомых красных доспехах, лицо ее было укрыто шлемом в виде кабаньей головы. Она держала в руке копье, которое искрилось электрическими разрядами.

Спасать нас прибыла сама Кларисса. Половина ее колесниц атаковала армию монстров, а шестерку других она повела прямо на змия.

Тот отступил, и ему удалось стряхнуть с себя Миссис О'Лири. Моя бедная собачка с визгом ударилась о стену здания. Я бросился ей на помощь, но змий уже сосредоточился на новой для него угрозе. Хотя у него и остался всего один глаз, он все же сумел парализовать двух возниц, и их колесницы врезались в ряд автомобилей. Оставшиеся четверо продолжали наступать. Монстр обнажил клыки, готовясь нанести удар, но ему в пасть посыпались дротики из небесной бронзы.

— Ш-ш-ш-ши-и-и! — завопил он, что на змеином языке, видимо, означало «ой-ой!».

— Арес, со мной! — раздался голос Клариссы, он прозвучал пронзительнее, чем обычно, но, наверное, в этом не было ничего удивительного, если учесть, с кем она сражалась.

На другой стороне улицы прибытие шести колесниц вселило надежду в кентавров. Они сгруппировались у дверей Эмпайр-стейт-билдинга, и в рядах противника тут же возникло смятение.

Тем временем колесницы Клариссы окружили дракона. Копья ломались при ударе о его чешую. Лошади-скелеты дышали огнем и ржали. Перевернулись еще две колесницы, но воины просто выпрыгнули из них, обнажили мечи и принялись за работу. Они вонзали мечи в щели между чешуями на панцире монстра, уворачивались от струй яда, словно всю жизнь учились этому... что вообще-то они и делали.

Никто не мог бы обвинить ребят Ареса в трусости. Кларисса была впереди — колола копьем морду змия, пытаясь окончательно его ослепить. Но тут победа стала опять клониться на сторону врага. Змий проглотил одного из ребят Ареса, сбил с ног другого, облил ядом третьего, который в панике отступил, видя, как плаваются на нем доспехи.

— Мы должны им помочь, — сказала Аннабет.

Она была права. Я стоял, словно окаменев. Миссис О'Лири попыталась встать на ноги, но снова взвизгнула. Из одной ее лапы шла кровь.

— Отдохни, девочка, — велел я ей. — Ты и без того сегодня немало потрудились.

Мы с Аннабет запрыгнули на спину монстра и побежали к его голове, пытаясь отвлечь внимание змия от Клариссы.

Ее собратья метали в змия дротики, большинство из которых ломалось, но некоторые попадали монстру в зубы. Он щелкал челюстями, и скоро его пасть превратилась в месиво с зеленой кровью, желтым

пенистым ядом и поломанными дротиками.

— Ты сможешь! — прокричал я Клариссе. — Только ребенку Ареса суждено убить эту змеюку!

В боевом шлеме были видны только глаза Клариссы, но я чувствовал: что-то идет не так. Ее голубые глаза светились страхом. Я никогда не видел такую Клариссу. Да и глаза у Клариссы никогда не были голубыми...

— Арес! — закричала она своим необычно пронзительным голосом, подняла копье и бросилась на змия.

— Стой, — пробормотал я. — Подожди!

Но монстр посмотрел на нее — чуть ли не с презрением — и плюнул ядом прямо ей в лицо.

Она вскрикнула и упала.

— Кларисса! — Аннабет прыгнула со спины монстра и побежала ее спасать, а другие ребята Ареса тем временем пытались защитить своего лидера.

Я всадил Анаклузмос между двумя чешуями монстра и тем самым отвлек его внимание на себя.

Спрыгнув с его спины, я крикнул:

— Эй ты, глупый червяк, ну-ка посмотри на меня!

В течение нескольких следующих минут я видел только одни зубы. Я отступал, уклонялся от струй яда, но противопоставить змию ничего не мог.

Краем глаза я увидел, как на Пятой авеню приземлилась новая колесница.

Потом кто-то побежал в нашу сторону. Девчоночий голос в отчаянии прокричал:

— Нет! Черт тебя заberi, ну почему?!

Я выкроил мгновение, чтобы посмотреть в ту сторону, но то, что я увидел, было невероятным — этого просто не могло быть. Кларисса лежала на земле там, где упала. Ее доспехи дымились от яда. Аннабет и ребята Ареса пытались снять с нее шлем. А рядом на коленях, с лицом, распухшим от слез, стояла девчонка в футболке Лагеря полукровок. Это была... Кларисса.

Голова у меня пошла кругом. Как же это я раньше не заметил? Девчонка в доспехах Клариссы была потоньше и не такая высокая. Но зачем кому-то нужно было выдавать себя за Клариссу?!

Я был настолько поражен, что едва не позволил змию перекусить себя пополам. Однако вовремя увернулся, и эта тварь зарылась мордой в кирпичную стену.

— Почему?! — спрашивала настоящая Кларисса, обнимая другую девочку, пока ребята из ее домика пытались снять попорченный ядом шлем.

Из летающей колесницы выбежал Крис Родригес. Должно быть, они с Клариссой пригнали сюда эту колесницу из лагеря следом за ребятами из домика Ареса, которые пустились за другой девочкой, думая, что это Кларисса. Но все равно тут концы с концами не сходились.

Змий выдрал башку из кирпичной стены и завыл от злости.

— Осторожно! — выкрикнул Крис.

Но змий не бросился на меня — он повернулся на звук голоса Криса и обнажил клыки при виде группки полубогов.

Настоящая Кларисса подняла глаза на змия, лицо ее пылало всепоглощающей ненавистью. Такой испепеляющий взгляд я видел до этого только раз — у ее отца Ареса, когда он сошелся со мной в поединке.

— Ты ищешь смерти? — крикнула Кларисса змию. — Что ж, ты ее получишь!

Она подобрала свое копье, лежащее рядом с упавшей девочкой, и без щита и доспехов бросилась на змия.

Я попытался было подойти поближе, чтобы помочь ей, но Кларисса оказалась быстрее. Она отскочила в сторону, когда монстр, попытавшись плюнуть в нее, аннигилировал кусок земли перед ее ногами. Потом она запрыгнула на голову монстра. Когда он встал на дыбы, она с такой силой вонзила свое электрическое копье во второй глаз чудовища, что древко сломалось и вся волшебная сила излилась из него наружу.

Электрические дуги побежали по всему телу монстра, отчего тот стал извиваться и корчиться. Кларисса спрыгнула с него и откатилась в безопасное место на тротуаре, а из пасти змия повалил дым. Потом его плоть стала растворяться, и он замер — от него осталась только чешуйчатая оболочка.

Мы все с восхищением уставились на Клариссу — я еще не видел, чтобы кто-нибудь в поединке завалил такого монстра. Но Клариссу, казалось, это мало трогало. Она подбежала к раненой девочке, которая похитила ее доспехи.

Наконец Аннабет удалось стащить шлем с головы раненой. Мы все стояли вокруг — ребята из домика Ареса, Крис, Кларисса, Аннабет и я. На Пятой авеню продолжалось сражение, но в этот момент не существовало ничего, кроме нашего маленького кружка и девушки на земле.

Ее лицо, когда-то прекрасное, было сильно обожжено ядом. Я видел, что никакой нектар с амброзией тут не помогут.

«Перси, что-то должно случиться, — звенели у меня в ушах слова Рейчел. — Какой-то обман, который закончится смертью».

Теперь я понял, что она имела в виду, и теперь я знал, кто повел в бой домик Ареса.

Я посмотрел на лицо умирающей Силены Боргард.

Глава семнадцатая

Я сажусь не на свое место

— Зачем ты это придумала?!

Голова Силены лежала на коленях Клариссы. Силена попыталась сглотнуть, но губы у нее были сухие, потрескавшиеся.

— Они... не хотели слушать. Твой домик... идет только за тобой.

— И поэтому ты похитила мои доспехи? — недоуменно проговорила Кларисса. — Ты дождалась, когда мы с Крисом пойдем патрулировать, украла мои доспехи и выдала себя за меня. — Она гневно посмотрела на своих ребят. — И никто из вас ничего не заметил!

Обитателей домика Ареса вдруг обуял интерес к их боевым ботинкам.

— Ты их не вини, — заступилась Силена. — Они хотели... хотели верить, что я — это ты.

— Ты, глупая дочь Афродиты, — рыдая, проговорила Кларисса. — Ты осмелилась атаковать змия? Но почему?

— Это все моя вина. — По щеке Силены скатилась слеза. — Змий, смерть Чарли... угроза лагерю...

— Прекрати! — оборвала Кларисса. — Вранье все это.

Силена разжала пальцы — на ее ладони лежал серебряный браслет с брелком в виде косы — знаком Кронаса.

Меня словно стальная рука ухватила за сердце.

— Так значит, это ты — шпион!

Силена попыталась кивнуть.

— Еще до того... до того как я полюбила Чарли, Лука был так добр со мной. Он был такой очаровательный. Красивый. Потом уже я хотела перестать помогать ему, но он грозил все рассказать обо мне. Он сказал... сказал, что так я спасу много жизней. Что так пострадает меньше людей. Он обещал мне, что с Чарли ничего не случится. Он лгал мне.

Я посмотрел на Аннабет. Она была бледна как мел, у нее словно выдернули опору из-под ног, и она повисла в пустоте.

У нас за спиной бушевало сражение.

— Идите, помогите кентаврам! — бросила Кларисса своим ребятам. — Обороняйте двери. Быстро!

Они бросились в гущу схватки.

Силена тяжело, мучительно вздохнула.

— Простите меня.

— Ты не умрешь! — выкрикнула Кларисса.

— Чарли... — Глаза Силены были где-то далеко-далеко. — Я вижу Чарли...

Больше она ничего не сказала.

Кларисса держала ее голову и плакала. Крис положил руку ей на плечо.

Наконец Кларисса закрыла Силене глаза.

— Мы должны сражаться, — проговорила Аннабет срывающимся голосом. — Она отдала жизнь, чтобы помочь нам. Мы должны почтить ее.

— Она была героем! — Кларисса шмыгнула и отерла нос. — Героем, ясно?

Я кивнул.

— Идем, Кларисса.

Она подобрала меч одного из своих павших ребят.

— Кронос за это дорого заплатит.

Хотелось бы мне сказать, что я отогнал врага от Эмпайр-стейт-билдинга. Но на самом деле это сделала Кларисса. Она даже без доспехов и копья была сущим демоном. Кларисса погнала колесницу прямо на армию титанов, круша все на своем пути.

Ее действия так всех воодушевили, что даже впавшие в панику кентавры начали перегруппировываться. Охотницы подбирали стрелы из колчанов павших и залп за залпом обстреливали врага. Ребята из домика Ареса кололи и рубили врагов — это было их любимым занятием. Монстры отступали к 35-й улице.

Кларисса въехала на скелет змия и пропустила канат через его глазницы, потом хлестнула своих коней, и они поволокли змия за колесницей, как китайского новогоднего дракона. Она бросилась на врага, выкрикивая оскорбления, бросая им всем вызов. Я, глядя, как она скачет на своей колеснице, понял, что она в буквальном смысле светится. Вокруг нее мерцал красный ореол.

— Благословение Ареса, — проговорила Талия. — Своими глазами я этого еще никогда не видела.

В этот момент Кларисса, как и я, стала неуязвима. Враг забрасывал ее пиками и стрелами, но ей все было нипочем.

— Я — Кларисса, змиеубийца! — кричала она. — Я поубиваю вас всех! Где Кронос? Подайте мне его сюда! Или он такой трус?

— Кларисса! — заорал я. — Остановись. Отходи!

— Ну, так в чем дело, владыка титанов? — продолжала бесноваться дочь Ареса. — Покажись!

Враги помалкивали. Они медленно начали отходить за стеной прикрытия из дракониц, а Кларисса скакала кругами по Пятой авеню, бросая вызов всем и каждому на ее пути. Остов змия скрежетал по асфальту, словно тысяча ножей.

Мы тем временем занялись нашими ранеными, затащили их в холл. Враг уже давно скрылся из вида, а Кларисса продолжала носиться туда-сюда по авеню вместе со своим жутким трофеем, бросая вызов Кроносу.

Наконец Крис сказал:

— Я присмотрю за ней. Она в конце концов устанет, и тогда я уговорю ее вернуться в здание.

— А что там с лагерем? — спросил я. — Там кто-нибудь остался?

Крис покачал головой.

— Только Аргус и духи природы. Дракон Пелей по-прежнему охраняет дерево.

— Долго они не продержатся. Но я рад, что ты здесь.

— Извини, что так долго собирались, — печально проговорил Крис. — Я пытался убедить Клариссу. Я говорил ей, что нет смысла защищать лагерь, если здесь все погибнут. Если погибнут все наши друзья. Жаль, что понадобилась Силена, чтобы...

— Мои охотницы организуют тут защиту, — перебила его Талия. — Аннабет и Перси, вы идите на Олимп. У меня такое чувство, что вы там будете нужнее... чтобы воздвигнуть последнюю линию обороны.

Швейцар из холла исчез. Его книга лежала раскрытой на столе, а стул был пуст. Но остальная часть холла была битком набита ранеными обитателями лагеря, охотницами и сатирами.

У лифта нас встретили Коннор и Тревис Стоуллы.

— Это правда? — спросил Коннор. — Насчет Силены?

Я кивнул.

— Она умерла героем.

— Я еще слышал... — Тревис неловко переступил с ноги на ногу.

— Это всё, — оборвал его я. — Конец истории.

— Ну да, — пробормотал Тревис. — Слушай, мы так думаем, у армии титанов будут трудности с лифтами. Им придется подниматься по несколько штук зараз. А великаны сюда вообще не влезут.

— Это самое большое наше преимущество, — сказал я. — Есть какой-либо способ вывести лифт из строя?

— Он волшебный, — пояснил Тревис. — Обычно для этого нужен ключ-карта, но швейцар куда-то исчез. Это значит, что защитные системы выходят из строя. Теперь любой может войти в лифт и подняться наверх.

— Значит, мы должны не подпускать их к дверям. Мы запрем их в холле.

— Нам нужно подкрепление. Они всё наступают и наступают. В конечном счете они нас подавят!

— У нас нет подкрепления, — жалобно сказал брату Коннор.

Я посмотрел на Миссис О'Лири, она стояла снаружи у стеклянных дверей и обильно вымазывала их липкой собачьей слюной.

— Может быть, это не так, — проговорил я.

Выйдя на улицу, я положил руку на морду адской гончей. Хирон перевязал ей лапу, но она все еще прихрамывала. Шерсть ее была покрыта грязью, листьями, кусками пиццы и засохшей кровью монстров.

— Привет, девочка. — Я старался говорить жизнерадостным тоном. — Я знаю, что ты устала, но я хочу попросить тебя о еще одной большой услуге.

Я потянулся к ней и зашептал ей в ухо.

Как только Миссис О'Лири отправилась в путешествие по теням, я присоединился к Аннабет. По пути к лифту мы увидели Гроувера, склонившегося над толстым раненым сатиром.

— Леней! — воскликнул я.

Выглядел старый сатир ужасно. Губы у него посинели. Из живота торчало поломанное копье, а козлиные волосатые ноги от боли выкрутились под неестественным углом.

Он попытался сфокусировать на нас взгляд, но, я думаю, он нас не видел.

— Гроувер? — пробормотал он.

— Я здесь, Леней.

Гроувер глотал слезы, хотя Леней в свое время и говорил про него всякие гадости.

— Мы... мы победили?

— Гм... да, — солгал Гроувер. — Благодаря тебе, Леней. Мы прогнали врага.

— Я же тебе говорил, — пробормотал старый сатир. — Настоящий вожак. Настоящий...

И глаза его закрылись навсегда.

Гроувер всхлипнул. Он положил ладонь на лоб Ленея и произнес

древнее благословение. Тело старого сатира растворилось — остался только саженец на горке свежей земли.

— Лавр, — с трепетом проговорил Гроувер. — Теперь старый козел счастлив.

Он взял саженец в руки.

— Я... посажу его на Олимпе. В саду.

— Мы как раз туда и направляемся. Идем, — сказал я.

В поднимающемся лифте тихонько играла музыка. Я вспомнил свое первое посещение Олимпа — мне тогда было двенадцать. В тот раз Аннабет и Гроувер не сопровождали меня. Я был рад, что сегодня они со мной. Меня одолевало предчувствие, что это наше последнее совместное приключение.

— Перси, — тихо обратилась ко мне Аннабет. — Ты был прав насчет Луки. — Это были ее первые слова после смерти Силены Боргард.

Она, не отрываясь, смотрела на указатель этажей — там сменялись волшебные цифры: 400, 450, 500.

Мы с Гроувером переглянулись.

— Аннабет, — начал я, — мне очень жаль...

— Ты пытался мне сказать, — голос у нее дрожал, — что Лука плохой. Я тебе не верила, пока... пока не узнала, как он использовал Силену. Теперь я знаю. Надеюсь, ты счастлив.

— Невелико счастье.

Аннабет оперлась рукой о стенку лифта, стараясь не смотреть на меня.

Гроувер осторожно держал в руках саженец.

— Что ж... конечно, хорошо снова быть вместе. Спорить. Почти погибать. Побеждать страх. Ой, смотрите — приехали.

Раздался звоночек, дверь открылась, и мы вышли на повисшие в воздухе мостки.

Не часто Олимп производит гнетущее впечатление, но теперь именно так он и выглядел. Горели жаровни. Окна были темны. На улицах пусто. Двери забиты. Если и было где какое движение, так только в парке — там оборудовали госпиталь, в котором сустились Уилл Солас и другие дети Аполлона — ухаживали за ранеными. Наяды и дриады пытались с помощью природных заклинаний вылечить ожоги и травмы, нанесенные ядом.

Гроувер занялся своим саженцем, а мы с Аннабет обходили раненых, стараясь их подбодрить. Я видел сатира со сломанной ногой, полукровку, всего забинтованного — с головы до ног, видел тело, укрытое золотым погребальным саваном домика Аполлона. Я не знал, кто там, под этим

саваном, и не хотел узнавать.

У меня камень лежал на сердце, но мы старались найти подбадривающие слова.

— Да ты и глазом не успеешь моргнуть, как снова будешь в строю, сражаться с титанами! — сказал я одному из ребят.

— Ну, ты прекрасно выглядишь, — похвалила другого Аннабет.

— Леней стал лавром, — рассказывал Гроувер одному стонущему сатиру.

Я нашел Поллукса, сына Диониса, — он сидел, прислонившись спиной к дереву. У него была сломана рука — можно сказать, легко отделался.

— Я еще могу сражаться другой рукой, — пробормотал он, скрежеща зубами.

— Нет, с тебя уже хватит. Я хочу, чтобы ты остался здесь и помог ухаживать за ранеными.

— Но...

— Обещай мне, что никуда не будешь соваться, — попросил я. — Ладно? Уж окажи мне такую услугу.

Поллукс нахмурился.

Мы вовсе не были близкими друзьями, но я не собирался ему говорить, что это просьба его отца, — зачем ставить парня в неловкое положение. Наконец он пообещал исполнить мою просьбу, и когда снова откинулся к стволу дерева, я увидел, что сделал он это с облегчением.

Мы втроем — Аннабет, Гроувер и я — приближались к дворцу, цели Кроноса. Как только он доберется до лифта и поднимется сюда, — а у меня не оставалось сомнений, что он так или иначе доберется, — он уничтожит тронный зал богов, их центр власти.

Бронзовые двери со скрипом открылись. Наши шаги по мраморному полу гулким эхом разносились по громадному залу, на потолке которого холодно мигали созвездия. В очаге остались лишь красноватые угли. Рядом с ним сидела, дрожа и скрючившись, Гестия в образе маленькой девочки в коричневом платье. В водяной сфере печально плавал Офиотавр. Он вяло замычал, увидев меня.

В слабом свете очага троны отбрасывали зловещие тени, похожие на руки, пытающиеся схватить пришельца.

У трона Зевса, глядя на звезды, стояла Рейчел Элизабет Дэр, держа в руках греческую вазу.

— Рейчел? — удивился я. — Что ты здесь делаешь с этой вазой?

Она посмотрела на меня — взгляд такой, будто еще не успела

проснуться.

— Я ее нашла. Ведь это кувшин Пандоры.

Глаза ее горели ярче, чем обычно, и перед моим мысленным взором почему-то мелькнуло воспоминание о заплесневелых сэндвичах и сожженном печенье.

— Поставь этот кувшин на пол, пожалуйста, — сказал я.

— Я вижу в нем Надежду, — проговорила Рейчел, поглаживая пальцами рисунок на керамике. — Такую хрупкую.

— Рейчел!

Мой голос словно вернул ее к реальности — она протянула мне кувшин, и я взял его. Керамика была холодна как лед.

— Гроувер, — пробормотала Аннабет. — Давай пошарим во дворце — может, найдем где-нибудь греческий огонь или ловушки Гефеста.

— Но... — Аннабет толкнула его в бок локтем. — Ах да, — воскликнул он. — Обожаю ловушки!

Она выволокла его из тронного зала.

Гестия сидела у огня, сгорбившись и покачиваясь из стороны в сторону.

— Идем, — сказал я Рейчел. — Познакомлю тебя кое с кем.

Мы сели рядом с богиней.

— Госпожа Гестия, — позвал я.

— Привет, Перси Джексон, — пробормотала богиня. — Холодает. Поддерживать огонь в очаге все труднее.

— Я знаю. Титаны уже рядом.

Гестия посмотрела на Рейчел.

— Привет, моя дорогая. Наконец-то ты пришла к нашему очагу.

— Ты ждала меня? — недоуменно заморгала Рейчел.

Гестия вытянула руки, и угли замерцали сильнее. Я увидел видения в язычках пламени: мама, Пол и я на День благодарения сидим за обедом в нашей кухне; мы с друзьями вокруг костра в Лагере полукровок, поем песни и поджариваем в огне на прутиках маршмаллоу; мы с Рейчел едем вдоль берега на «приусе» Пола.

Не знаю, видела ли Рейчел то же самое, но я почувствовал, как напряглись ее плечи. Казалось, что по ее телу разлилось тепло от огня.

— Чтобы занять свое место у очага, — сказала ей Гестия, — ты должна забыть о том, что тебя отвлекает. Только так сможешь ты выжить.

Рейчел кивнула.

— Да. Я понимаю.

— Погоди, — сказал я. — О чем это она говорит?

— Перси, когда я прилетела сюда... — Рейчел прерывисто вздохнула, — я думала, что делаю это ради тебя. Оказалось, это не так. Ты и я... — Она покачала головой.

— Постой. Значит, это я тебя отвлекаю? Это потому, что я «не тот герой»?

— Не знаю, смогу ли передать это словами, — сказала она. — Меня влекло к тебе, потому что... потому что ты открыл мне дверь во все это. — Рейчел обвела рукой тронный зал. — Мне нужно было понять, что я такое. Но мы с тобой — наши отношения не были частью этого. Наши судьбы не переплетены. Я думаю, в глубине души ты всегда знал это.

Я уставился на нее.

Может быть, когда дело касалось девчонок, я становился не очень сообразительным, но сейчас я был уверен: Рейчел дает мне от ворот поворот, что очень глупо, потому что мы с ней никогда и не были вместе.

— И что теперь? — спросил я. — «Спасибо, что привел меня на Олимп. И пока!»

Рейчел смотрела в огонь.

— Перси Джексон, — медленно проговорила Гестия. — Рейчел сказала тебе все, что могла. Ее час наступает. Но время твоего решения приближается еще быстрее. Ты готов?

Я хотел ответить, мол, нет, вовсе я не готов, даже еще не начал готовиться.

Тут я посмотрел на кувшин Пандоры и в первый раз испытал желание распечатать его. Надежда в этот миг казалась мне такой тщетной. Многие мои друзья были убиты. Рейчел порывала со мной отношения. Аннабет на меня злилась. Родители спали где-то на улице, а армия монстров тем временем окружала здание. Олимп был на грани падения, а я видел столько жестокостей, совершенных богами: Зевс уничтожил Марию ди Анджело, Аид проклял последнего оракула, Гермес отвернулся от Луки, хотя и знал, что его сын может пойти по дурной дорожке...

«Сдавайся, — шептал мне в ухо Прометей. — Иначе твой дом будет уничтожен. Твой драгоценный лагерь сгорит».

Я посмотрел на Гестию. Ее глаза светились теплом. Я вспомнил те образы, которые видел в ее очаге, — друзья и семья, все, что мне было дорого.

Я вспомнил слова Родригеса: «Нет смысла защищать лагерь, если вы погибнете. Все наши друзья здесь». Вспомнил Нико, как он говорил своему отцу Аиду: «Если падет Олимп, то и твой дворец не устоит».

Я услышал шаги — в тронный зал вернулись Гроувер и Аннабет.

Увидев нас, они остановились. Вероятно, у меня на лице было странное выражение.

— Перси? — В голосе Аннабет больше не слышалось злости, только тревога. — Нам что, гм, снова уйти?

Внезапно меня словно токомшибануло. Я понял, что должен делать.

— Ты ведь не наделаешь никаких глупостей? — спросил я у Рейчел. — Я хочу сказать... ведь ты говорила с Хироном.

Она вымучила на лице улыбку.

— Ты боишься, как бы я не наделала каких-то глупостей?

— Ну я хочу сказать... ты ведь никуда не денешься?

— Не знаю, — ответила она. — Это зависит от того, герой, спасешь ты мир или нет.

Я взял кувшин Пандоры. Дух Надежды едва трепыхался внутри, пытаюсь согреть холодные стенки.

— Гестия, — провозгласил я, — подношу этот дар тебе.

Богиня наклонила голову.

— Я самая слабая из богов. Почему ты хочешь доверить это мне?

— Ты — последний олимпиец. И самый важный.

— Это почему же, Перси Джексон?

— Потому что Надежда умирает последней. У домашнего очага, — сказал я. — Сохрани ее для меня, и у меня больше не возникнет желания сдаться.

Богиня улыбнулась. Она взяла кувшин, и тот начал светиться. Огонь в очаге разгорелся поярче.

— Хороший поступок, Перси Джексон, — кивнула она. — Пусть боги благословят тебя.

— Скоро мы узнаем, сделают они это или нет. — Я посмотрел на Аннабет и Гроувера. — Идем, ребята.

Я направился к трону моего отца.

Трон Посейдона находился по правую руку от Зевса, но не шел с тронном громовержца ни в какое сравнение. Вращающееся кресло с сиденьем из черной кожи, два металлических кольца сбоку для крепления удочки (или трезубца). Весьма похоже на кресло в глубоководном аппарате, с которого охотятся за акулами, марлинами или морскими монстрами.

Боги в своем естественном состоянии имеют высоту около шести метров, а потому, вытянув руку, я едва мог дотянуться до края сиденья.

— Помогите-ка мне, — сказал я Аннабет и Гроуверу.

— Ты что, спятил? — удивилась Аннабет.

— Не исключено.

— Перси, — предостерег Гроувер, — боги не очень любят, когда люди садятся на их трон. Не очень любят — в смысле обращают виновных в прах.

— Я должен привлечь его внимание. — Я пожал плечами. — Другого способа у меня нет.

Они недоуменно переглянулись.

— Можешь не сомневаться, — усмехнулась Аннабет, — это непременно привлечет его внимание.

Они переплели руки, сделав что-то вроде ступеньки, а потом подтолкнули меня на трон. Я почувствовал себя младенцем на взрослом стуле — так далеко были от пола мои ноги. Я посмотрел на другие мрачные пустые троны и попытался представить себе, каково это заседать в Олимпийском совете — с одной стороны, огромная власть, а с другой — столько споров, остальные одиннадцать богов всегда хотят настоять на своем. Тут и свихнуться недолго, если блюсти только свои интересы, в особенности если ты — Посейдон. Когда я сел на этот трон, у меня возникло ощущение, что весь океан покорен моей воле — бесконечные кубические мили воды, кипящие таинственной силой. С какой стати Посейдон должен кому-то подчиняться? Почему бы ему не стать самым главным из двенадцати?

Я потряс головой.

«Нужно сосредоточиться», — сказал я себе.

Вдруг из трона донесся глухой рокот. Волна гнева шквалом ударила мне по мозгам.

— Кто осмелился...

Голос резко оборвался. Гнев отступил, что было очень кстати, потому что даже эти два слова чуть не разодрали мой мозг на части.

«Перси. — Голос отца все еще был гневным, но теперь стал более сдержанным. — Что это ты делаешь на моем троне?»

— Извини, отец, — сказал я. — Мне нужно было привлечь твое внимание.

«Это очень опасная штука. Даже для тебя. Если бы я, прежде чем прилепнуть нахала, не взглянул, кто тут сидит, от тебя сейчас осталась бы одна лужица морской воды».

— Извини, — повторил я. — Послушай меня. Дела тут обстоят очень худо.

Я рассказал ему, что у нас происходит, а потом сообщил о моем плане. Посейдон долго молчал.

«Перси, то, о чем ты просишь, невозможно. Мой дворец...»

— Папа, Кронос специально выслал против тебя армию. Он хочет отделить тебя от других богов, потому что знает — твое участие может решить исход дела.

«Может, и так. Но пока он атакует мой дом...»

— Я сейчас в твоём доме, — возразил я. — На Олимпе.

Пол заходил ходуном. Волна гнева вновь прошла по моим мозгам. Я решил, что зашел слишком далеко, но тряска постепенно стихла. Где-то на заднем плане моего канала телепатической связи я услышал звуки подводных взрывов и крики сражающихся — рев циклопов, вой водяных.

— Как там Тайсон — жив-здоров?

Этот вопрос, похоже, застал моего отца врасплох.

«С ним все хорошо. Я от него такого даже не ожидал. Хотя „арахисовое масло“ — странный боевой клич».

— Ты позволил ему сражаться?

«Прекрати скакать с темы на тему. Ты хоть понимаешь, о чем ты меня просишь? Мой дворец будет уничтожен».

— Но зато будет спасен Олимп.

«Ты представляешь, сколько времени я перестраивал этот дворец? Да на один только игровой зал ушло шесть сотен лет».

— Папа...

«Хорошо! Я сделаю то, о чем ты просишь. Но молись, чтобы из этого что-то получилось!»

— Я молюсь. Я ведь к тебе обращаюсь.

«О да. Хорошо сказано... Амфитрита! Наступай!»

Послышался сильный взрыв, и наша связь оборвалась. Я соскользнул с трона.

Гроувер озабоченно посмотрел на меня.

— Ты как — ничего? Ты так побледнел и... начал дымиться.

— Ничего подобного.

Тут я посмотрел на себя — из рукавов у меня шел дым, волосы на коже обгорели.

— Посиди ты там еще немного, — подтвердила Аннабет, — от тебя остались бы одни угли. Надеюсь, разговор стоил того?

— Му-у, — подал голос Офиотавр из своей водяной сферы.

— Скоро узнаем, — ответил я.

В этот момент двери тронного зала распахнулись, и вошла Талия. Лук у нее был сломан, колчан пуст.

— Вы должны спуститься туда, — устало сказала она. — Враг

наступает. И во главе армии — Кронос.

Глава восемнадцатая

Мои родители переквалифицируются в спецназ

Когда мы добрались до улицы, было уже слишком поздно.

На земле лежали раненые ребята из лагеря и охотницы. Кларисса, вероятно, была побеждена гиперборейским великаном, потому что она со своей колесницей оказалась вмороженной в ледяную глыбу. Кентавров нигде не было видно. Они либо запаниковали и пустились в бегство, либо были уничтожены.

Армия титанов окружила здание и стояла не далее чем в десяти метрах от дверей. Впереди — авангард Кроноса: Эфан Накамура, царица дракониц в зеленых доспехах и два гиперборейца. Прометея я не увидел. Этот скользкий тип, вероятно, прятался в их штабе. Но впереди стоял сам Кронос со своей косой в руке.

На его пути оставался только...

— Хирон, — дрожащим голосом позвала Аннабет.

Если Хирон нас и услышал, то не подал вида. В луке у него была стрела, нацеленная прямо в лицо Кроноса.

Как только Кронос увидел меня, его золотые глаза засверкали. Все мускулы его тела напряглись. Но повелитель титанов тут же снова перевел взгляд на Хирона.

— Отойди, сынок.

Услышать, как Лука называет Хирона «сынок», было странновато, но Кронос вложил столько презрения в свой голос, будто «сынок» — худшее из слов, какое он мог придумать.

— Вынужден тебя огорчить.

Хирон говорил ледяным, совершенно спокойным тоном — он так говорит, когда сильно сердится.

Я попытался шевельнуться, но ноги у меня словно налились свинцом. Аннабет, Гроувер и Талия тоже были напряжены, будто и их приморозило.

— Хирон, берегись! — крикнула Аннабет.

Царица дракониц потеряла терпение и бросилась в атаку. Стрела Хирона попала ей точно между глаз, и драконица испарилась на месте, ее пустой панцирь рухнул на землю.

Хирон потянулся за новой стрелой, но его колчан был пуст. Он бросил

лук и выхватил меч. Я знал, что он не любит сражаться на мечях — не его это оружие.

Кронос хмыкнул. Он сделал шаг вперед, и лошадиная часть Хирона нервно подпрыгнула. Хвост его подергивался.

— Ты же учитель, — усмехнулся титан. — Не герой.

— Героем был Лука, — проговорил Хирон. — Хорошим героем, пока ты не сбил его с пути.

— Идиот! — Голос Кроноса сотряс город. — Ты наполнил его голову пустыми обещаниями. Ты сказал, что боги заботятся обо мне!

— Обо мне, — заметил Хирон. — Ты сказал «обо мне».

Кронос смутился, и Хирон в этот момент нанес удар. Маневр был хорош — ложный выпад, за которым последовал удар в лицо. У меня самого не получилось бы лучше. Но у Кроноса была хорошая реакция. Он обладал всеми навыками Луки, а это немало. Он отбил клинок Хирона и закричал:

— Назад!

Между титаном и кентавром промелькнул ослепляющий белый свет. Хирон отлетел к фасаду здания с такой силой, что стена обрушилась на него.

— Нет! — закричала Аннабет.

Припадок обездвиженности кончился, и мы бросились к нашему учителю, но не нашли и его следа. Мы с Талией беспомощно раскидывали кирпичи, слыша у себя за спиной раскаты ужасного смеха армии титана.

— Ты! — Аннабет повернулась к Луке. — Подумать только, что я... что я считала...

Она выхватила нож.

— Аннабет, не делай этого.

Я попытался остановить ее, но она стряхнула мою руку со своей.

Аннабет атаковала Кроноса, и самоуверенная улыбка сошла с его лица. Возможно, какая-то часть Луки вспомнила, что когда-то ему нравилась эта девочка, что он заботился о ней, когда она была маленькой. Она всадила нож между ремней, удерживавших на нем доспехи, — точно под ключицу. Клинок должен был бы проткнуть кожу, но он только отскочил от нее. Аннабет согнулась пополам, прижимая руку к животу. Отдача, наверно, была так сильна, что вполне могла привести к вывиху ее раненого плеча.

Я успел оттащить ее назад, и удар косой рассек пустоту в том месте, где только что была Аннабет.

Она принялась колотить меня с криком: «Я тебя ненавижу!» И я не знал, к кому она обращает эти слова — ко мне, Луке или Кроносу. Слезы

текли по ее лицу, оставляя грязные подтеки.

— Я должен сразиться с ним, — сказал я ей.

— Это и мое сражение, Перси!

Кронос рассмеялся.

— Ах, какой боевой дух. Я теперь понимаю, почему Лука хотел тебя пощадить. К сожалению, это будет невозможно.

Он поднял косу. Я приготовился к защите, но, прежде чем Кронос успел нанести удар, где-то в тылу армии титана разнесся собачий вой. «А-а-а-у-у-у!»

Надежда была слишком мала, но я позвал:

— Миссис О'Лири?

В рядах противника произошло испуганное движение, а потом случилась престранная штука. Они начали раздаваться в стороны, освобождая проход на улицу, словно на них давило что-то сзади.

Скоро посредине Пятой авеню образовался свободный проход. В конце квартала стояла моя громадная собака, а у нее на спине сидела маленькая фигурка в черных доспехах.

— Нико? — позвал я.

— Гав-гав!

Миссис О'Лири прыгнула в мою сторону, не обращая внимания на рычащих монстров по обе стороны от нее.

Нико двинулся вперед, и враги стали падать перед ним так, словно он излучал смерть, что он, конечно, и делал в действительности.

Он улыбнулся за лицевым щитком своего шлема-черепа.

— Получил от вас восточку. Еще не поздно присоединиться к веселью?

— Сын Аида. — Кронос сплюнул на землю. — Неужели ты настолько любишь смерть, что хочешь ее вкусить?

— Твою смерть — с удовольствием, — ухмыльнулся Нико.

— Я бессмертен, неужели ты не знаешь, идиот?! Я бежал из Тартара. У тебя здесь нет никаких дел и ни малейшего шанса остаться в живых.

Нико вытащил свой меч — метровый, зловеще острый клинок стигийской стали, черный, как ночной кошмар.

— Не согласен.

Земля задрожала. На дороге, на тротуаре, в стенах зданий появились трещины — мертвецы процарапывались в мир живых, руки скелетов хватали воздух. Их были тысячи, и когда они появились, монстры титанов занервничали и стали отступать.

— Стоять! — приказал Кронос. — Мертвецы нам не страшны.

Небеса почернели и похолодели. Тени сгустились. Резко зазвучала боевая труба, и когда мертвецы с их ружьями, мечами и копьями построились в колонны, по Пятой авеню загрохотала колесница. Она остановилась рядом с Нико. Тащили ее кони в виде живых теней, сгущенных из тьмы. Колесница была инкрустирована обсидианом и золотом, украшена сценами мучительной смерти. Вожжи держал сам Аид, владыка мертвых, у него за спиной стояли Деметра и Персефона.

Аид выглядел впечатляюще — в черных доспехах и плаще цвета свежей крови. На макушке его светлой головы сверкал Шлем мрака: корона, излучавшая чистый ужас. Она на моих глазах меняла форму: голова дракона... круг языков черного пламени... венец из человеческих костей. Но самое страшное было не это. Шлем проник в мой мозг и воскресил там мои худшие кошмары, мои самые тайные страхи. Мне захотелось уползти в норку и спрятаться, и я видел — те же чувства обуяли и вражескую армию. И только сила и авторитет Кроноса мешали им броситься наутек.

Аид холодно улыбнулся.

— Привет, отец. Ах, как молодо ты выглядишь.

— Аид, — зарычал Кронос, — я надеюсь, ты с дамами прибыл, чтобы заявить о вашей верности мне.

— Должен тебя огорчить, — вздохнул Аид. — Мой сын убедил меня взять под покровительство тех, кого я считаю своими врагами. — Он с отвращением посмотрел на меня. — Хотя мне ох как не нравятся некоторые выскочки полубоги, я не желаю падения Олимпа. Мне будет не хватать ссор с моими братьями и сестрами. А если мы с ними в чем и сходимся, то в одном: отцом ты был ужасным!

— Это верно, — пробормотала Деметра. — Никакого уважения к сельскому хозяйству.

— Мама! — возмущенно проговорила Персефона.

Аид обнажил меч — двусторонний клинок стигийской стали, протравленной серебром.

— А теперь сразись со мной! Сегодня дом Аида да назовется спасителем Олимпа.

— У меня нет на это времени, — прорычал Кронос.

Он ударил по земле косой, и в обе стороны от места удара пошла трещина, охватившая Эмпайр-стейт-билдинг и нас. Вдоль трещины возникла энергетическая стена, которая отделила авангард армии Кроноса, моих друзей и меня от основной части двух армий.

— Что он делает? — пробормотал я.

— Закупоривает нас, — сказала Талия. — Он снимает магические

барьеры вокруг Манхэттена и воздвигает их только вокруг здания и нас.

И в самом деле, за барьером заурчали двигатели автомобилей, проснулись прохожие и уставились недоуменными взглядами на монстров и зомби. Не знаю, что они видели сквозь Туман, но наверняка что-то ужасное. Стали открываться двери автомобилей, и в конце квартала из «приуса» вышли моя мать и Пол Блофис.

— Нет, — пробормотал я. — Не надо...

Моя мать обладала способностью видеть сквозь Туман. По выражению ее лица я почувствовал: она понимает всю серьезность ситуации. Я надеялся, что ей хватит здравого смысла броситься наутек. Но она перехватила мой взгляд, сказала что-то Полу, и они побежали прямо к нам.

Я не мог крикнуть — меньше всего хотел я обратить на них внимание Кроноса.

К счастью, его отвлек Аид. Он бросился на энергетическую стену, но его колесница перевернулась от удара об это препятствие. Он, сыпая проклятиями, встал на ноги и ударил по стене черной энергией. Стена устояла.

— В атаку! — взревел он.

Армия мертвецов бросилась на монстров титана. Пятая авеню превратилась в нечто невообразимое. Смертные с криками бросились искать укрытие. Деметра взмахнула рукой — и целая колонна великанов превратилась в пшеничное поле. Персефона превратила копья дракониц в подсолнечники. Нико прорубался сквозь армию врага, пытаясь, насколько это было в его силах, защитить пешеходов. Мои родители бежали ко мне, огибая монстров и зомби, но я ничем им не мог помочь.

— Накамура — за мной! — приказал Кронос. — Великаны — разделайтесь с ними.

Он указал на меня и моих друзей, а потом нырнул в холл.

Несколько секунд я стоял как вкопанный. Я ожидал схватки, но Кронос будто и не заметил меня, словно ему было жаль тратить время на такую мелочь. От этого я впал в бешенство.

Первый гиперборейский великан замахнулся на меня дубинкой, но я проскочил между его ног и вонзил меч ему в спину. Он тут же превратился в груды льда. Второй великандохнул холодом на Аннабет, которая едва стояла на ногах, но Гроувер успел оттащить ее в сторону, а за дело взялась Талия. Она ловко, как кошка, запрыгнула на спину великана и вонзила свои охотничьи ножи в синюю шею чудовища, создав таким образом самую большую в мире безголовую ледяную скульптуру.

Я заглянул за волшебную стену. Нико прорубался к моей матери и

Полу, но они и сами не бездействовали. Пол подхватил меч одного из павших героев и схватился с драконицей, демонстрируя незаурядное мастерство. Он нанес ей удар в живот — и она распалась на атомы.

— Пол? — изумился я.

Он повернулся ко мне и улыбнулся.

— Надеюсь, я сейчас убил монстра, а не кого-то другого. Студентом я играл в шекспировских спектаклях! Тогда и научился немного фехтованию.

За это я полюбил его еще сильнее. В этот момент великан лестригон бросился к моей матери. Она возилась в брошенной полицейской машине (может, искала там рацию) и не видела опасности.

— Мама! — закричал я.

Она развернулась, когда монстр был уже совсем рядом. Я думал, в руках у нее зонтик, но она перезарядила помповое ружье — это оказался дробовик — и выстрелила, отбросив великана назад метров на пять, прямо на меч Нико.

— Неплохо, — констатировал Пол.

— Когда ты научилась стрелять из дробовика? — крикнул я.

Мама дунула, отбрасывая волосы с лица.

— Секунды две назад! Перси, с нами все будет хорошо. Беги!

— Верно, — согласился с ней Нико. — С этой армией мы тут разберемся, а ты должен разобраться с Кроносом.

— Давай, Рыбьи Мозги! — скомандовала Аннабет.

Я кивнул, потом посмотрел на гору кирпичей у фасада здания, и сердце у меня екнуло. Я совсем забыл про Хирона. Как такое могло случиться?

— Миссис О'Лири, — взмолился я, — пожалуйста, там, под этой грудой, Хирон. Если кто и сможет его откопать, то одна ты. Найди его! Помоги ему!

Не знаю, что там она поняла, но она прыгнула на груды обломков и принялась ее разгребать. Аннабет, Талия, Гроувер и я бросились к лифту.

Глава девятнадцатая

Мы громим вечный город

Мост на Олимп разрушался. Мы вышли из лифта на мостки белого мрамора, и сразу же у нас под ногами появились трещины.

— Прыгайте! — велел Гроувер. Для него это не составляло труда — ведь он отчасти был горным козлом.

Он перепрыгнул на другую плитку, а наша стала опасно раскачиваться у нас под ногами.

— О боги, я так боюсь высоты! — завопила Талия, когда мы вместе прыгнули.

А вот Аннабет была совсем не в форме, чтобы еще и прыгать. Она споткнулась и крикнула:

— Перси!

Я ухватил ее за руку в тот момент, когда плита под ней превратилась в пыль. Несколько мгновений мне казалось, что мы вдвоем рухнем в пропасть. Ее ноги болтались в воздухе, рука стала выскользывать из моей — и вот я уже держал ее за одни пальцы. Но тут Гроувер и Талия вцепились мне в ноги, и я обрел новые силы. Нет, Аннабет не упадет!

Я вытащил ее, и мы свалились на подрагивающие мостки. Я даже не отдавал себе отчета в том, что мы лежим, крепко обняв друг друга, пока Аннабет вдруг не напряглась.

— С-спасибо, — пробормотала она.

Я попытался сказать «не стоит благодарности», но у меня ничего получилось, словно каша была во рту.

— Идем дальше! — Гроувер положил руку на мое плечо.

Мы с Аннабет разжали руки, вскочили и побежали по небесному мостику, а плитки у нас под ногами продолжали крошиться и падать в никуда. Мы добежали до края горы, и тут же последняя из них обрушилась.

Аннабет оглянулась на лифт, который теперь оказался вне пределов нашей досягаемости — полированный ряд металлических дверей, ни к чему не прикрепленных и повисших в пространстве, на высоте шестисот этажей над Манхэттеном.

— Похоже, мы тут застряли, — сказала она. — Навсегда.

— Бла-бла-бла! — заблеял Гроувер. — Связь между Олимпом и Америкой размывается. Если она оборвется совсем...

— ...боги в этот раз не переедут в другую страну, — заключила Талия. — Это будет конец Олимпа. Окончательный.

Мы побежали по улицам. Особняки горели, статуи были сброшены с пьедесталов. Деревья в парках превратились в щепы. Создавалось такое ощущение, что кто-то прошелся по городу с гигантской косилкой.

— Коса Кроноса...

Мы бежали по петляющей тропинке к дворцу богов. По моим ощущениям эта дорога должна была быть короче. Может быть, Кронос замедлил время, а может, это страх замедлял мои движения. Вершину горы покрывали руины — все прекрасные здания и сады исчезли.

Несколько малых богов и духов природы пытались остановить Кроноса. Их останки лежали вдоль дороги — разбитые доспехи, порванная одежда, поломанные мечи и копья.

Где-то впереди звучал гулкий голос Кроноса:

— До последнего кирпичика! Как я и обещал. Крушить все, чтобы не осталось камня на камне!

Внезапно взорвался дворец белого мрамора с золотым куполом. Купол взлетел вверх, словно крышка чайника, и рассыпался на куски, пролился на город дождем из миллиона осколков.

— Это было святилище Артемиды, — проворчала Талия. — Он за это заплатит!

Мы пробежали под мраморной аркой с громадными статуями Зевса и Геры, когда вся гора застонала и стала раскачиваться, как лодка в шторм.

— Берегись! — крикнул Гроувер.

Арка стала рушиться. Я поднял голову и увидел, как двадцатитонная мрачная статуя Геры падает прямо на нас. Мы с Аннабет были бы расплющены в лепешку, если бы Талия не толкнула нас сзади.

— Талия! — вскрикнул Гроувер.

Когда пыль осела и гора перестала раскачиваться, мы обнаружили Талию живой, но ноги ее были придавлены статуей.

Мы отчаянно пытались сдвинуть статую с места, но для такого труда нужно было несколько циклопов. Когда мы попытались вытащить Талию из-под статуи, она закричала от боли.

— Я вышла живой из всех этих сражений, — простонала она, — а меня победила эта дурацкая глыба камня!

— Это Гера! — в гневе проговорила Аннабет. — У нее на меня давно зуб. Ее статуя убила бы меня, если бы не ты!

Талия поморщилась.

— Да не стойте вы без дела. Я уж тут как-нибудь. Бегите!

Мы не хотели ее оставлять, но я слышал смех Кроноса, приближающегося ко дворцу богов. Влетели на воздух еще несколько зданий.

— Мы вернемся, — пообещал я.

— А я вас тут подожду, — простонала Талия.

У самых ворот дворца на склоне горы возник огненный шар.

— Нужно бежать, — сказал я.

— Я полагаю, ты не имеешь в виду «спасаться бегством», — пробормотал Гроувер.

Я понесся ко дворцу. Аннабет пустилась следом.

— Вот этого-то я и боялся, — вздохнул Гроувер, и его копытца зацокали у нас за спиной.

Двери дворца имели такой размер, что сквозь них вполне мог пройти круизный лайнер, но они были сорваны с петель, как пушинки, и разбиты вдребезги. Чтобы попасть внутрь, нам пришлось перебираться через груды камней и искореженного металла.

В середине тронного зала, широко раскинув руки, стоял Кронос и смотрел на звездный потолок, словно изучая его. Его смех был еще громче, чем прежде, — словно шел из недр Тартара.

— Наконец-то! — взревел он. — Олимпийский совет — такой гордый и могущественный! Так чей трон мне уничтожить первым?

Сбоку от него топтался Эфан Накамура, пытаясь держаться подальше от косы своего хозяина. Очаг почти погас, среди пепла тлели лишь несколько угольков. Гестии нигде не было видно. Как и Рейчел. Я надеялся, что с ней ничего не случилось, но я видел сегодня столько смертей и разрушений, что даже боялся думать об этом. Офиотавр плавал в своей водяной сфере в дальнем углу зала и благоразумно помалкивал, но рассчитывать на то, что он долго будет оставаться незамеченным, не приходилось.

Аннабет, Гроувер и я вышли вперед — в пространство, освещенное факелами. Первым увидел нас Эфан.

— Мой господин, — предупредил он.

Кронос повернулся, и на его лице, лице Луки, появилась улыбка. Если не считать золотых глаз, выглядел он точно, как и четыре года назад, когда мы встретились в домике Гермеса. Аннабет издала болезненный горловой звук, будто кто-то внезапно нанес ей удар.

— Ну так что — убить тебя первым, Джексон? — спросил Кронос. — Такой выбор ты сделал — сразиться со мной и погибнуть, а не пасть передо

мною ниц и признать поражение? Ты ведь знаешь, пророчества никогда не заканчиваются хорошо.

— Лука сражался бы мечом, — медленно произнес я. — Но у тебя, похоже, нет его умения.

Кронос ухмыльнулся. Его коса стала изменяться и наконец приобрела вид прежнего оружия Луки — Коварного меча с клинком, выкованным наполовину из стали, наполовину из небесной бронзы.

Рядом со мной ойкнула Аннабет, словно ей в голову пришла какая-то мысль.

— Перси, клинок! — Она обнажила свой кинжал. — «Душу героя возьмет клинок окаянный».

Я не понял, почему она именно сейчас напоминает мне эту строку из пророчества. Строка эта не очень поднимала мне настроение, но прежде чем я успел что-то ей возразить, Кронос занес меч.

— Стой! — крикнула Аннабет.

Кронос набросился на меня, словно ураган, но я увернулся, рубанул мечом и откатился в сторону. Ощущение было такое, будто против меня сражаются сто бойцов. Эфан попытался обойти меня, чтобы атаковать сзади, но Аннабет перехватила его. Между ними завязалась схватка, но я не мог приглядывать за тем, как у нее идут дела. Смутно я осознавал, что Гроувер играет на своих тростниковых свирелях. Этот звук наполнил меня теплом и мужеством, мыслями о солнце, синем небе и спокойном лужке где-то вдали от этой войны.

Кронос прижал меня к трону Гефеста — громадной механической штуковине типа тех, что делает фирма «La-Z-Boy»,^[19] покрытой всякими бронзовыми и серебряными шестеренками. Кронос нанес удар, а мне удалось запрыгнуть на этот трон, который тут же заверещал и загудел своими тайными механизмами.

«Режим защиты, — раздался предупреждающий голос из трона. — Режим защиты».

Это не могло сулить мне ничего хорошего, и я прыгнул прямо на голову Кроноса, а трон в этот момент стрельнул во все стороны электрическими молниями. Одна из них попала Кроносу в лицо, прошла по телу и пронзила меч.

Повелитель титанов охнул и, свалившись на колени, выронил Коварный меч.

Аннабет не упустила своего шанса. Она лягнула Эфана, отталкивая его в сторону, и бросилась к Кроносу.

— Лука, послушай меня!

Я хотел прикрикнуть на нее, сказать, что это безумие пытаться вразумить Кроноса, но времени на это не оказалось. Титан взмахнул рукой — и Аннабет, отлетев назад, ударилась о трон своей матери и рухнула на пол.

— Аннабет! — заорал я.

Эфан Накамура поднялся на ноги. Теперь он стоял между мной и Аннабет. Я не мог схватиться с ним, не повернувшись спиной к Кроносу.

В музыке Гроувера появилась более тревожная нотка. Он направился к Аннабет, но не мог двигаться быстро, наигрывая одновременно на свирели. На полу тронного зала выросла трава. Тоненькие травинки пробились между мраморными плитами.

Кронос поднялся на одно колено. Волосы у него были опалены, лицо покрыто ожогами. Он потянулся к мечу, но на сей раз тот сам не прилетел ему в руку.

— Накамура! — застонал он. — Пришло время показать, на что ты способен. Ты знаешь слабое место Джексона. Убей его — и ты будешь вознагражден сверх всякой меры.

Взгляд Эфана опустился мне на поясицу, и я понял: он знает. Даже если ему самому не удастся убить меня, достаточно только сказать Кроносу. Я ведь не смогу защищать себя вечно.

— Погляди вокруг себя, Эфан, — сказал я. — Наступает конец света. Ты такого вознаграждения хочешь? Ты и в самом деле хочешь, чтобы все было уничтожено — плохое и хорошее? Все?

Гроувер был уже почти рядом с Аннабет. Трава на полу становилась все гуще. Травинки уже достигали полуметровой длины и напоминали подстриженные усы.

— Здесь нет трона Немезиды, — пробормотал Эфан. — Нет трона моей матери.

— Верно! — Кронос попытался подняться, но колени у него подогнулись. Над его левым ухом все еще дымился клочок светлых волос. — Убей их. Они заслужили страдание.

— Ты говорил, что твоя мать — богиня справедливости, — напомнил я ему. — Малые боги заслуживают лучшего, Эфан, но полное уничтожение не есть справедливость. Кронос ничего не создает. Он только уничтожает.

Эфан посмотрел на искрящийся трон Гефеста. Музыка Гроувера продолжала играть, и Эфан раскачивался в такт музыке, словно та наполняла его подспудными желаниями — увидеть прекрасный день, оказаться где-нибудь в другом месте, только не здесь. Его единственный глаз моргнул.

И тут он бросился в атаку. Но не на меня.

Кронос все еще стоял на коленях, когда Эфан обрушил свой меч на шею владыки титанов. Такой удар должен был бы мгновенно убить его, если бы клинок не разлетелся на куски. Эфана отбросило назад, он схватился за живот. Осколок меча рикошетом пробил его собственные доспехи.

Кронос поднялся, пошатываясь, и возвысился над своим слугой.

— Предательство! — прорычал он.

Музыка Гроувера продолжала играть, и трава росла вокруг тела Эфана. Он посмотрел на меня, его лицо исказила гримаса боли.

— Заслуживают лучшего, — выдохнул он. — Если бы у них... были троны...

Кронос топнул ногой, и пол вокруг Эфана Накамуры треснул. Сын Немезиды провалился в трещину, которая прошла по самой сердцевине горы — прямо в пустоту.

— С этим я разобрался! — Кронос подобрал свой меч. — А теперь займусь вами.

Единственная моя мысль была — отвлечь его от Аннабет. Гроувер теперь находился рядом с ней. Он прекратил играть и кормил Аннабет амброзией.

Куда бы ни шагнул Кронос, вокруг его ног обвивались травинки, но Гроувер слишком рано прекратил играть на своих свирелях. Травинки были недостаточно прочны и толсты — они только досаждали титану.

Мы сражались через очаг, из которого от ударов вылетали угли и искры. Кронос разрубил подлокотник на троне Ареса, что меня ничуть не смутило, но потом он прижал меня к трону моего отца.

— Так-так, — сказал Кронос, — из этого получится отличная растопка для моего нового очага!

Наши мечи сошлись в снопе искр. Он был сильнее меня, но в этот момент я чувствовал в своих руках мощь океана. Я оттолкнул Кроноса и снова нанес удар — Анаклузмос с такой силой врезался в его доспехи, что в небесной бронзе появилась канавка.

Он снова топнул ногой — и время замедлилось. Я попытался атаковать, но двигался при этом со скоростью сползающего по склону ледника. Кронос не спеша отошел назад, переводя дыхание. Он принялся рассматривать борозду в своих доспехах, а я с трудом продирался вперед, безмолвно проклиная его. Он мог не торопиться. Он мог по желанию вообще обездвигить меня. Я только надеялся, что это истощает его силы.

Если бы я мог взять его измором...

— Слишком поздно, Перси Джексон, — сказал он. — Смотри!

Кронос указал на очаг — и угли раскалились. Из огня стал подниматься белый дымок, в котором начали появляться образы наподобие тех, что мы видим в почте Ириды. Я увидел Нико и моих родителей на Пятой авеню, они вели безнадежное сражение в окружении врагов. На заднем плане дрался на своей черной колеснице Аид, вызывая все новых зомби из-под земли, но силы армии титана казались такими же неисчерпаемыми. Манхэттен разрушался на глазах. Смертные, теперь окончательно проснувшиеся, в ужасе разбегались. Машины виляли и сталкивались.

Потом сцена переменялась, и я увидел еще более ужасающую картину.

Столб шторма приближался к Гудзону, быстро двигаясь над побережьем Джерси. Вокруг него суетились колесницы, схватившиеся с существом в туче.

Боги атаковали. Сверкали молнии. Тучу пронзали золотые и серебряные стрелы, они оставляли за собой огненный след и взрывались. Туча медленно расползалась на части, и я впервые отчетливо увидел Тифона.

Я понял, что, пока живу (жить мне, возможно, оставалось всего ничего), не смогу выкинуть из головы этот образ. Голова Тифона непрестанно вращалась. Каждое мгновение он являл собой разных монстров, каждый новый страшнее предыдущего. Если бы я заглянул ему в лицо, то наверняка сошел бы с ума, а потому я разглядывал его тело, которое производило такое же отвратительное впечатление. Он был гуманоидом, но его кожа напоминала сэндвич с мясным рулетом, пролежавшим целый год в чем-то шкафчике. Он был крапчато-зеленым, потому что тысячи лет провел под вулканом. Руки он имел человеческие, но не с ногтями, а когтями, похожими на орлиные. Ноги покрывала чешуя, как у рептилии.

— Силы олимпийцев на исходе. — Кронос рассмеялся. — Какое жалкое зрелище!

Зевс метнул молнию из колесницы. Вспышка осветила мир. Сотрясение дошло даже до Олимпа, но когда туман рассеялся, оказалось, что Тифон продолжает стоять. Он чуть пошатнулся, на макушке его уродливой головы дымился кратер, но он, рыча от гнева, продолжал продвигаться вперед.

Ноги мои начали подкашиваться. Кронос, похоже, не заметил этого. Он был целиком поглощен видом схватки и своей окончательной победой.

Если бы я смог продержаться еще несколько секунд и если бы мой отец сдержал слово...

Тифон вошел в Гудзон, воды которого едва достали ему до середины голени.

«Сейчас, — подумал я, обращаясь к образу в дыму. — Пожалуйста, это должно случиться сейчас».

И вдруг произошло чудо — из клубов дыма раздался трубный звук раковины. Зов океана! Зов Посейдона!

Воды Гудзона вздыбились вокруг Тифона, образовав двадцатиметровые волны. Из воды вырвалась еще одна колесница, тащили ее могучие морские кони, которые двигались в воздухе так же легко, как и в воде. Мой отец, окруженный сияющей синей аурой энергии, описал дерзкий круг вокруг ног гиганта. Посейдон больше не был стариком. Он снова стал самим собой — загоревшим, сильным, чернобородым. Когда он замахнулся трезубцем, река отозвалась на его движение, образовав вокруг монстра воронкообразное облако.

Ошеломленный Кронос несколько мгновений не мог произнести ни звука, а потом взревел:

— Нет! Нет!

— Вперед, братья! — Голос Посейдона прозвучал так громко, что я не был уверен, то ли я слышу его из этого окутанного дымом объема, то ли через весь город. — Бейтесь за Олимп!

Из реки устремились воины, они накатывали на волнах, оседлав громадных акул, драконов и морских коней. Это был легион циклопов, а в бой их вел...

— Тайсон! — в восторге завопил я.

Я знал, что он меня не слышит, и я в изумлении таращился на него. Он необыкновенно увеличился в размерах. В нем было не меньше десяти метров — он теперь ростом не уступал своим старшим двоюродным братьям, и впервые я увидел на нем полные боевые доспехи. За ним следовал Бриарей — сторукий циклоп.

Все циклопы вооружились громадными кусками черных железных цепей (таких здоровенных, что сгодились бы и для якоря боевого корабля) с абордажными кошками на концах. Они размахивали ими, как лассо, и понемногу опутывали Тифона, цепляясь кошками за руки и ноги великана, окружая его на волне прилива. Тифон содрогался, ревел, дергал цепи, нескольких циклопов он стащил с их скакунов, но путы были слишком сильны. Одним только своим весом целый отряд циклопов начинал наклонять Тифона к воде. Посейдон метнул трезубец, который вонзился в

горло гиганта. Золотистая кровь, бессмертная сукровица, хлынула из раны, образовав водопад высотой больше небоскреба. Трезубец тут же вернулся в руку Посейдона.

Другие боги словно обрели второе дыхание. Подскочил Арес и нанес Тифону удар в нос. Артемида выстрелила монстру в глаз десятком серебряных стрел. Аполлон дал залп из лука, и набедренная повязка Тифона задымилась. Зевс продолжал забрасывать гиганта молниями, потом наконец медленно стала подниматься вода, обволакивая Тифона, словно коконом, и он начал падать под грузом цепей. Тифон ревел в агонии, метался с такой силой, что волны налетали на берег Джерси, захлестывая пятиэтажные дома, переливаясь через мост Джорджа Вашингтона. Однако Тифон погружался все глубже и глубже, потому что мой отец раскрыл для него специальный туннель в русле реки, бесконечный водный желоб, который должен был доставить его прямо в Тартар. Сначала под водой исчезла голова гиганта, образовав громадную воронку, а потом не стало видно и его самого.

— Нет! — завопил Кронос.

Он ударил по углям мечом, и видение распалось на части.

— Они идут сюда! — воскликнул я. — Ты проиграл!

— Я еще и не начинал!

Он набросился на меня с умопомрачительной скоростью. Гроувер — этот отважный глупенький сатир — попытался защитить меня, но Кронос отшвырнул его в сторону, как тряпичную куклу.

Я увернулся от его меча и нанес колющий удар под гарду Кроноса. Это был хороший трюк, но, к сожалению, Лука знал его. Он отразил выпад и выбил меч из моей руки, используя один из первых приемов, которым сам же меня обучал. Мой меч зазвенел по полу и исчез в образовавшейся трещине.

— Стой! — Аннабет возникла словно из ниоткуда.

Кронос развернулся лицом к ней и атаковал Коварным мечом, но Аннабет удалось отразить удар, приняв его на эфес ножа. Такой прием мог провести только очень искусный боец, безукоризненно владеющий клинком. Не спрашивайте меня, откуда у нее взялись силы, но она сблизилась с Кроносом, чтобы получить преимущество, невзирая на разницу в длине лезвий; они скрестили оружие и несколько мгновений она стояла лицом к лицу с владыкой титанов, удерживая его в неподвижности.

— Лука! — сказала она сквозь стиснутые зубы. — Теперь я понимаю. Ты должен довериться мне!

Кронос взревел от гнева.

— Лука Кастеллан мертв! Его оболочка сгорит, когда я приму свою истинную форму!

Я попытался шевельнуться, но мое тело опять было заморожено. Как это Аннабет, избитая, на грани изнеможения, могла найти в себе силы, чтобы противостоять такому титану, как Кронос?

Кронос попытался столкнуть ее с места, высвободить свой клинок, но Аннабет удерживала его, ее руки дрожали от напряжения под напором Коварного меча, неуклонно приближавшегося к ее шее.

— Твоя мать... она видела твою судьбу, — прохрипела Аннабет.

— Служба Кроносу! — взревел титан. — Вот моя судьба!

— Нет, — гнула свое Аннабет. Глаза у нее чуть не вылезали из орбит, но я не знал — то ли от печали, то ли от боли. — Это еще не конец, Лука. Пророчество... она видела, что ты сделаешь. Это о тебе!

— Я сокрошу тебя, девчонка! — взревел Кронос.

— Нет, — сказала Аннабет. — Ты обещал. Ты даже сейчас сдерживаешь Кроноса.

— Ложь!

Кронос увеличил напор, и тут Аннабет потеряла равновесие. Свободной рукой Кронос ударил ее в лицо, и она отлетела в сторону.

Я собрал всю свою волю, и мне удалось подняться. Но на мои плечи словно опять давил груз небесного свода.

Кронос с поднятым мечом возвышался над Аннабет. Кровь сочилась из уголка ее рта. Хриплым голосом она проговорила:

— Семья, Лука. Ты обещал.

Я с усилием сделал шаг вперед. Гроувер уже встал на ноги — он находился у трона Геры, но, похоже, каждое движение давалось ему с не меньшим трудом, чем мне. Прежде чем кто-то из нас успел приблизиться к Аннабет, Кронос вдруг пошатнулся.

Он разглядывал нож в руке Аннабет, кровь на ее лице.

— Обещал.

Потом он с трудом набрал воздуха в грудь.

— Аннабет... — Но это был голос не титана — Луки. Он пошатнулся, словно не мог контролировать свое тело. — У тебя кровь.

— Мой нож... — Аннабет попыталась поднять кинжал, но он выпал из ее руки, которая согнулась под необычным углом. Она умоляющим взглядом посмотрела на меня: — Перси, прошу тебя...

Я снова обрел способность двигаться.

Я ринулся вперед и подобрал ее нож, потом выбил Коварный меч из пальцев Луки — клинок упал прямо в очаг. Но Лука даже не обратил на это

внимания. Он шагнул к Аннабет, но я встал между ними.

— Не прикасайся к ней!

Гнев исказил его лицо. Раздался голос Кроноса:

— Джексон...

Что это было — мое воображение или его тело действительно начало светиться, превращаясь в золото.

Он снова с трудом вздохнул и голосом Луки сказал:

— Он изменяется. Помогите. Он... он почти готов. Мое тело больше будет не нужно ему. Пожалуйста...

— Нет! — взревел Кронос.

Он оглянулся в поисках меча, но тот лежал в очаге, посверкивая среди углей.

Титан, пошатываясь, двинулся к нему. Я попытался остановить его, но он оттолкнул меня в сторону с такой силой, что я приземлился рядом с Аннабет у подножия трона Афины, основательно приложившись о него головой.

— Нож, Перси, — пробормотала Аннабет. Она едва дышала. — Душа героя... клинок окаянный...

Когда сцена перед моими глазами снова обрела четкость, я увидел, как Кронос подхватывает свой меч. Титан тут же взревел от боли и выронил оружие. Руки его почернели и дымились. Огонь в очаге полыхал вовсю, словно коса Кроноса усиливала жар. Я увидел образ Гестии — она мелькала среди языков пламени, мрачно и неодобрительно поглядывая на Кроноса.

Лука повернулся и упал, прижимая к груди обгоревшие руки.

— Пожалуйста, Перси...

Я с трудом поднялся на ноги и подошел к нему, держа нож в руке. Я должен был убить его.

Лука, казалось, знал, о чем я думаю. Он облизнул губы.

— Ты не сможешь... не сможешь сделать это сам. Он вырвется из-под моего контроля. Он защитит себя. Только моей рукой. Я знаю, в какое место. Я могу... могу удержать его в повиновении.

Он теперь отчетливо светился, его кожа начинала дымиться.

Я поднял нож, готовясь нанести удар, потом оглянулся на Аннабет, на Гроувера, который сидел рядом с ней, придерживая ее голову руками. И наконец я понял, что она пыталась мне объяснить.

«Ты не тот герой, — сказала мне Рейчел сегодня. — Это повлияет на то, что ты будешь делать».

— Пожалуйста, — простонал Лука. — Времени нет.

Если Кронос обретет свою истинную форму, остановить его будет невозможно. Тифон рядом с ним покажется игрушечным бычком.

У меня в голове звучала строка пророчества: «Душу героя возьмет клинок окаянный». Весь мир перевернулся вверх тормашками, и я отдал нож Луке.

— Перси? Ты что? — резанул по ушам крик Гроувера.

Спятил. Сошел с ума. Съехал с катушек. Очень даже может быть.

Но я смотрел, как Лука ухватился за рукоятку.

Я стоял перед ним безоружный.

Он расстегнул ремень на своих доспехах, обнажив кусочек кожи под левой подмышкой — место, которое было бы очень трудно поразить. С видимым усилием он ударил себя ножом.

Клинок вошел неглубоко, но Лука взвыл. Его глаза засияли, как лава. Тронный зал сотрясся. Аура энергии окружила Луку, становясь все ярче и ярче. Я закрыл глаза и ощутил такую мощь рядом с собой, будто ядерный взрыв опалил мою кожу, покрыв трещинами мои губы.

Потом надолго воцарилась тишина.

Когда я открыл глаза, Лука лежал, распростершись у очага. На полу вокруг него виднелся почерневший круг пепла. Коса Кроноса расплавилась и превратилась в жидкий металл, ручейки его текли между углей в очаге, который теперь разгорелся, как кузнечный горн.

Левый бок Луки заливала кровь, глаза оставались открытыми — голубые глаза, какими они были прежде. Из его груди вырывались хрипы.

— Хороший... клинок, — просипел он.

Я опустился рядом с ним на колени. Подошла, прихрамывая, Аннабет — Гроувер поддерживал ее. В глаза обоих стояли слезы.

Лука смотрел на Аннабет.

— Ты знала. Я чуть не убил тебя, но ты знала...

— Ш-ш-ш. — Голос ее дрожал. — В конечном счете ты оказался героем. Тебе открыт путь в Элизиум.

Он слабо покачал головой.

— Я думаю... возрождение. Три попытки. Острова Избранных.

Аннабет шмыгнула носом.

— Ты всегда ставил перед собой самые трудные задачи.

Он поднял обугленную руку, и Аннабет прикоснулась к его пальцам.

— Ты... — Лука закашлялся, и на его губах появилась кровь. — Ты любила меня?

Аннабет отерла слезы.

— Было время, когда я думала... так вот, я думала...

Она посмотрела на меня, словно радуясь тому, что я все еще здесь.

Я понял, что делаю то же самое. Мир вокруг рушился, а мне было важно только то, что она жива.

— Ты был мне как брат, Лука, — тихо сказала Аннабет. — Но я не любила тебя.

Он кивнул, словно такого ответа и ожидал, потом сморщился от боли.

— Мы можем достать амброзию, — сказал Гроувер. — Мы можем...

— Гроувер... — Лука хватал ртом воздух, пытаясь дышать ровно. — Ты самый храбрый сатир, каких я только видел. Не надо. Исцеления нет... — Он зашелся кашлем.

Потом он ухватился за мой рукав, и я почувствовал жар его кожи — она словно горела.

— Эфан... Я... Все невостребованные... Не допусти... Не допусти, чтобы это случилось еще раз.

В глазах его была злость, но они смотрели умоляюще.

— Не допущу, — сказал я. — Обещаю тебе.

Лука кивнул, и его рука ослабла.

Несколько минут спустя появились боги при своих полных боевых регалиях, грохоча, они ворвались в тронный зал, полагая, что их ждет схватка.

Но они нашли только Аннабет, Гроувера и меня. Мы стояли над телом погибшего полукровки в слабом теплом свете очага.

— Перси, — позвал меня отец, в голосе его слышалось благоговение. — Что... что все это значит?

Я повернулся к олимпийцам.

— Нам нужен саван, — сказал я срывающимся голосом. — Саван для сына Гермеса.

Глава двадцатая

Мы получаем сказочные награды

Тело Луки забирали три парки собственной персоной.

Я сто лет не видел этих старушек — с тех пор, как они на моих глазах у придорожного фруктового ларька перерезали нить жизни. Мне тогда было двенадцать. Тогда они напугали меня, напугали и теперь — три жуткие старушенции с мешочками, набитыми пряжей и спицами.

Одна из них посмотрела на меня, и, хотя не произнесла ни слова, моя жизнь в буквальном смысле промелькнула передо мной за одно мгновение. Вдруг мне стало двадцать, потом я оказался мужчиной средних лет и наконец — дряхлым стариком. Силы покинули меня, и я увидел собственное надгробие, разверстую могилу, опускающийся в нее гроб. И все это меньше чем за секунду.

«Дело сделано», — сказала она.

Парка подняла отрезок синей пряжи, и я сразу понял, что это та же самая пряжа, которую я видел четыре года назад, когда она перерезала ее на моих глазах. Я тогда решил, что это моя жизнь, но теперь понял, что Луки. Они тогда показывали мне жизнь, которую придется принести в жертву, чтобы все шло своим чередом.

Они подняли тело Луки, которое теперь было завернуто в бело-зеленый саван, и понесли его из тронного зала.

— Пойдите, — сказал Гермес.

Бог глашатаев был одет в классический белый древнегреческий гиматий, сандалии и шлем. Крылышки шлема Гермеса трепыхались, когда бог двигался. Вокруг его жезла, шепча: «Бедный, бедный Лука», вились змеи Джордж и Марта.

Я подумал о Мей Кастеллан — вот сидит она в одиночестве у себя на кухне, готовит печенье и делает сэндвичи для сына, который никогда не вернется.

Гермес откинул саван с лица Луки и поцеловал его в лоб, потом пробормотал какие-то слова на древнегреческом — последнее благословение.

— Прощай, — прошептал он, кивнул и разрешил паркам унести тело сына.

Когда они ушли, я вспомнил о великом пророчестве. Теперь эти слова

обрели для меня смысл. «Душу героя заберет клинок окаянный». Героем был Лука. Окаянным клинком — нож, который Лука давным-давно подарил Аннабет, окаянный — потому что Лука нарушил обещание и предал друзей. «Ждет его конец, когда он сделает выбор». Мой выбор — отдать ему нож и поверить, как верила Аннабет, что он все еще способен встать на верную стезю. «Спасая Олимп или обрекая на гибель». Принеся себя в жертву, он спас Олимп. Рейчел была права. В конечном счете героем оказался не я, а Лука.

Понял я и кое-что еще: когда Лука погружался в реку Стикс, он должен был сосредоточиться на чем-то важном, что связывало бы его со смертной жизнью. Иначе бы он растворился в смертоносных водах. Я в подобной ситуации представил себе Аннабет, и, наверное, он тоже думал в этот момент о ней, вызвав в памяти ту сцену, что показывала мне Гестия, — те старые, добрые деньки с Талией и Аннабет, когда он обещал, что они будут одной семьей. Ранив Аннабет в схватке, он был потрясен настолько, что вспомнил свое обещание. И это позволило его смертному сознанию возобладать над Кроносом, одержать над ним победу. Его слабое место — его ахиллесова пята — спасло всех нас.

У стоявшей рядом со мной Аннабет подогнулись колени, я подхватил ее, но она закричала от боли, и я понял, что потянул ее за сломанную руку.

— О боги! Аннабет, извини, пожалуйста!

— Ничего, — ответила она и, потеряв сознание, свалилась мне на руки.

— Ей нужна помощь! — закричал я.

— Нет проблем. — Вперед вышел Аполлон. Его доспехи сверкали так ярко, что на них невозможно было смотреть. Да еще подобранные в тон противосолнечные очки и идеальная улыбка — он выглядел прямо как фотомодель для демонстрации боевого снаряжения. — Бог-врачеватель к вашим услугам!

Он сделал пассы над лицом Аннабет и произнес заклинание. Тут же синяки и царапины поблекли. Порезы и шрамы исчезли. Рука расслабилась, и Аннабет глубоко вздохнула во сне.

Аполлон ухмыльнулся.

— Через несколько минут она будет в полном порядке. А этого времени мне вполне хватит, чтобы сочинить стихи о нашей победе: «Аполлон и его друзья спасают Олимп». Здорово, да?

— Спасибо, Аполлон, — сказал я. — Я... гм... не возражаю.

Следующие несколько часов прошли как в тумане. Я вспомнил об обещании, данном маме. Зевс даже глазом не моргнул, когда я обратился к

нему с этой странной просьбой. Он щелкнул пальцами и сообщил мне, что верхушка Эмпайр-стейт-билдинга теперь освещена синим светом. Большинство смертных будут недоуменно спрашивать, что это значит, но моя мама поймет: я остался в живых. Олимп спасен.

Боги занялись ремонтом своих тронов, и работа эта, коли за нее взялись двенадцать существ, наделенных сверхспособностями, была завершена на удивление быстро. Мы с Гроувером позаботились о раненых, а когда небесный мост был восстановлен, обнялись с нашими выжившими друзьями. Циклопы вытащили Талию из-под рухнувшей статуи. Она пришла на костылях, но в остальном была в порядке. Коннор и Тревис Стоуллы отделались небольшими ушибами. Они мне поклялись, что даже не особо мародерствовали в городе. От них же я узнал, что мои родители живы-здоровы, хотя на гору Олимп их не допустили. Миссис О'Лири откопала из-под завала Хирона и понеслась с ним в лагерь. Стоуллы немного волновались за старого кентавра, но он хотя бы остался жив. Кати Гарднер сообщила, что она видела, как в конце сражения из Эмпайр-стейт-билдинга выбежала Рейчел Элизабет Дэр. Рейчел была целехонька, но никто не знал, куда она делась, что давало мне повод для беспокойства.

Нико ди Анджело встретили на Олимпе как героя. Следом за ним шествовал его отец, хотя Аиду вообще-то разрешается посещать Олимп только в зимнее солнцестояние. Повелитель мертвых растерянно поглядывал на своих родственников, когда те дружески похлопывали его по спине. Вряд ли когда-либо прежде они встречали его с таким энтузиазмом.

Появилась Кларисса. Она все еще дрожала, поскольку провела немало времени в ледяной глыбе. Арес встретил ее криком:

— Вот она, моя девочка!

Бог войны взъерошил ей волосы и похлопал по спине, сказав, что лучшего воина, чем Кларисса, он в жизни не видел.

— Как ты этого змия отделала! Кто еще способен на такое?

Чувства переполняли Клариссу, она только кивала и помаргивала, словно боялась, как бы Арес не поколотил ее. Но в конечном итоге и она начала улыбаться.

Мимо меня прошли Гефест и Гера. Гефест, хоть и не испытал особого удовольствия от того, что я запрыгивал на его трон, сказал мне, что «по большому счету я неплохо поработал».

Гера пренебрежительно фыркнула.

— Пожалуй, пока что я не буду уничтожать тебя и эту девчонку.

— Аннабет спасла Олимп, — напомнил я ей. — Она убедила Луку остановить Кроноса.

— Гм. — Гера в раздражении поспешила прочь, но я понял, что, по крайней мере, в ближайшее время нашим жизням ничто не угрожает.

Голова Диониса все еще была забинтована. Он смерил меня взглядом с головы до ног и сказал:

— Что ж, Перси Джексон, я знаю, Поллукс остался жив, значит, ты кое-что все же можешь. Но все это благодаря моему воспитанию, я полагаю.

— Гм, да, сэр.

— И в награду за мою храбрость Зевс сократил мой испытательный срок в этом несчастном лагере в два раза. Теперь мне осталось только пятьдесят лет вместо прежних ста.

— Пятьдесят лет? — Я попытался представить, что мне придется уживаться с Дионисом до самой моей старости, если я только доживу до нее.

— Не слишком радуйся, Джексон, — сказал он, и тут я понял, что он правильно называет мою фамилию. — Я по-прежнему собираюсь превращать твою жизнь в кошмар.

— Естественно.

Я не смог удержаться от улыбки.

— Ну, значит, мы понимаем друг друга.

Дионис отвернулся и принялся ремонтировать свой трон из виноградных лоз, которые теперь были опалены огнем.

Рядом со мной стоял Гроувер, который время от времени начинал всхлипывать.

— Ах, сколько духов природы погибло, Перси. Ах, сколько!

Я обнял его за плечи и дал ему платок, чтобы он отер нос.

— Ты здорово поработал, дружище. Ничего, мы еще возродимся. Посадим новые деревья. Очистим парки. Твои друзья обретут новую жизнь в лучшем мире.

Гроувер удрученно шмыгнул носом.

— Да... наверно. Но их и прежде было трудно объединить. А я все еще изгнанник. Никто не хочет слушать меня, когда я говорю о Панае. Будут ли они когда-нибудь снова верить мне? Ведь я привел их на бойню.

— Они будут тебя слушать. Потому что ты переживаешь за них. Ты больше любого другого переживаешь за живую природу.

— Спасибо, Перси. — Он попытался улыбнуться. — Я надеюсь... надеюсь, тебе известно, что я горжусь дружбой с тобой.

Я потрепал его по руке.

— В одном Лука был прав, дружище. Ты самый храбрый из всех моих

знакомых сатиров.

Гроувер покраснел, но прежде чем он успел что-нибудь ответить, раздался трубный звук морской раковины. В тронный зал вошла армия Посейдона.

— Перси! — воскликнул Тайсон.

Он бросился ко мне, раскинув руки. К счастью, он ужасно до нормального размера, а потому после его объятий я чувствовал себя всего лишь так, словно по мне проехался только трактор, а не вся ферма.

— Ты жив! — воскликнул Тайсон.

— Да, — не стал возражать я. — Здорово, правда?

Мой брат хлопнул в ладоши и счастливо рассмеялся.

— И я тоже жив. Ура! Как мы Тифона-то цепями обмотали. Вот классно было!

За его спиной смеялись, кивали и били друг другу в ладони пятьдесят облаченных в доспехи циклопов.

— Нас вел в бой Тайсон, — прорычал один. — Он такой храбрец!

— Самый храбрый из всех циклопов! — трубно возгласил другой.

— Ерунда... — Тайсон зарделся.

— Я тебя видел! — воскликнул я. — Ну ты и показал класс!

Я боялся, как бы бедняга Гроувер не отбросил копыта со страху — он ведь до смерти боится циклопов. Но он собрался и сказал:

— Да... Гм. Ура Тайсону!

— Ура-ура-ура! — взревели циклопы.

— Пожалуйста, не ешьте меня, — тихонько пробормотал Гроувер, но, думаю, никто, кроме меня, его не услышал.

Снова раздался трубный глас раковины. Циклопы расступились, и в тронный зал вошел в боевом облачении мой отец, в руке его сверкал трезубец.

— Тайсон! — закричал он. — Молодец, сынок! И Перси... — Его лицо посуровело. Он погрозил мне пальцем, и я на секунду даже испугался, как бы он меня не уколошил. — Я даже прощаю тебе то, что ты сидел на моем троне. Ты спас Олимп!

Он обнял меня. Я, немного смущаясь, понял, что вообще-то никогда не обнимал отца. Он был теплый, как обычный человек, и пахло от него соленым берегом и свежим морским воздухом.

Отстранившись, он улыбнулся мне доброй улыбкой. Мне было так хорошо, что, признаюсь, я даже немного прослезился. Наверно, до этого момента я просто не позволял себе осознать, как страшно мне было в последние несколько дней.

— Папа...

— Ш-ш-ш, — сказал он. — Героям тоже бывает свойствен страх. А ты, Перси, вознесся над всеми героями. Даже над Гераклом...

— Посейдон! — раздался громовой голос.

Зевс уселся на свой трон. Он свирепо смотрел на моего отца, пока другие боги рассаживались на троны. Даже Аид присутствовал — расположился на простом каменном стуле для гостей рядом с очагом. Нико, скрестив ноги, сидел на полу подле отца.

— Так что, Посейдон? — ворчливо сказал он. — Или ты слишком горд, чтобы заседать с нами в совете, брат мой?

Я думал, Посейдон сейчас на стенку полезет, но он только посмотрел на меня и подмигнул.

— Для меня это большая честь, владыка Зевс.

Наверно, чудеса все же случаются. Посейдон подошел к своему рыболовному трону, и заседание Олимпийского совета началось.

Пока говорил Зевс (длинная речь о храбрости богов, бла-бла-бла), в зал вошла Аннабет и встала рядом со мной. Она неплохо выглядела, если учесть, что несколько минут назад потеряла сознание.

— Много я пропустила? — прошептала она.

— Пока что никто нас убивать не собирается, — прошептал я в ответ.

— Сегодня это в первый раз.

Я прыснул со смеху, но Гроувер толкнул меня локтем в бок, потому что Гера злобно поглядывала на нас.

— Что касается моих братьев, — сказал Зевс, — то мы благодарны... — он откашлялся, словно эти слова с трудом давались ему, — ...кхе-кхе, благодарны за помощь Аиду.

Владыка мертвых кивнул. На лице у него было самодовольное выражение, но я думаю, он заслужил эту похвалу. Он потрепал Нико по плечу, и тот посмотрел на него таким счастливым взглядом, какого я у него никогда не видел.

— И конечно, — продолжал Зевс, правда, глядя на его лицо, можно было подумать, что штаны у него дымятся, — мы должны... гм... поблагодарить Посейдона.

— Извини, брат, — сказал Посейдон. — Не расслышал.

— Мы должны поблагодарить Посейдона, — проворчал Зевс. — Без чьей помощи... было бы трудно...

— Трудно? — с невинным видом переспросил Посейдон.

— Невозможно, — выдавил Зевс. — Невозможно победить Тифона.

Боги согласно зашептались и одобрительно застучали о пол своим оружием.

— Таким образом, нам остается только поблагодарить наших юных героев-полубогов, которые так упорно защищали Олимп... хотя на моем троне и осталось несколько вмятин.

Первой он вызвал вперед Талию, потому что она была его дочерью, и пообещал ей помощь в пополнении рядов охотниц.

Артемиде улыбнулась ей.

— Ты хорошо сражалась, мой полководец. Я горжусь тобой, и все те охотницы, что погибли на моей службе, никогда не будут забыты. Они наверняка попадут в Элизиум.

Она демонстративно уставилась на Аиду.

Повелитель мертвых пожал плечами.

— Наверно.

Артемиде не сводила с него требовательного взгляда.

— Ну, ладно, — пробормотал Аид. — Я ускорю процесс их прохождения по инстанциям.

Талия засветилась от гордости.

— Спасибо, моя госпожа. — Она поклонилась богам, даже Аиду, а потом похромала к Артемиде.

— Тайсон, сын Посейдона! — вызвал Зевс.

Тайсон заметно нервничал, но вышел на середину зала, и Зевс, увидев его, хмыкнул.

— Этот, похоже, не дурак поест, — пробормотал Зевс. — Тайсон, за твою храбрость в бою и за то, что ты вел циклопов, ты назначаешься генералом олимпийских армий. С этой поры, если у богов возникнет такая нужда, ты будешь вести в бой своих братьев. И у тебя будет новое... гм... какое оружие ты предпочитаешь? Меч? Топор?

— Дубинку! — сказал Тайсон, показывая свою, сломанную.

— Хорошо, — кивнул Зевс. — Мы подарим тебе новую дубинку. Лучшую из тех, что есть в мире.

— Ур-р-ра! — воскликнул Тайсон, а когда он вернулся к циклопам, они одобрительно заворчали и принялись дружески хлопать его по спине.

— Гроувер Ундервуд, сатир! — выкликнул бог вина.

Гроувер неуверенно вышел вперед.

— Да прекрати ты жевать свою рубашку, — укоризненно сказал ему Дионис. — Я же не собираюсь тебя убивать. За твою отвагу и готовность жертвовать собой и все такое и поскольку у нас, как это ни прискорбно, появилась вакансия, боги решили, что ты подходящая кандидатура в Совет

козлоногих старейшин.

Гроувер рухнул на пол без сознания.

— Прекрасно, — вздохнул Дионис, а несколько наяд бросились поднимать Гроувера. — Когда он придет в себя, пусть кто-нибудь скажет ему, что он больше не изгнанник, а все сатиры, наяды и другие духи природы с этого момента будут относиться к нему как к владыке чащи со всеми правами, привилегиями, почестями и прочая, и прочая, и прочая. А теперь поскорее утащите его, пока он не пришел в себя и не начал рассыпаться в благодарностях.

— Еды-ы-ы-ы! — застонал Гроувер, когда духи природы потащили его прочь.

Я посмотрел на него и понял, что все плохое для него позади. Он проснется владыкой чащи, окруженный заботой прекрасных наяд. Да, жизнь могла сложиться гораздо хуже.

— Моя родная дочь, Аннабет Чейз, — объявила Афина.

Аннабет сжала мой локоть, потом вышла вперед и встала на колени у ног матери.

Афина улыбнулась.

— Ты, дочь моя, превзошла все ожидания. Для защиты этого города, нашего символа власти, ты использовала все свои возможности — смекалку, силу и мужество. Мы не обошли своим вниманием, что Олимп... мягко говоря, поврежден. Владыка титанов нанес городу немалый урон, который должен быть ликвидирован. Мы, конечно, могли бы перестроить его с помощью магии, сделать его таким, каким он был. Но боги полагают, что город может быть более совершенным. Мы можем воспользоваться этой возможностью. И ты, моя дочь, должна стать архитектором нового города.

Аннабет недоуменно смотрела на нее.

— Моя... моя госпожа?

Афина улыбнулась уголками губ.

— Ведь ты же архитектор, разве нет? Ты изучала методы самого Дедала. Я не знаю никого другого, кто мог бы перестроить Олимп на будущие времена.

— Ты хочешь сказать... что я могу делать то, что мне нравится?

— То, чего хочет твое сердце, — сказала богиня. — Создай нам город, который простоит века.

— Если только в нем будет достаточно моих статуй, — добавил Аполлон.

— И моих, — согласилась Афродита.

— Эй, и про меня не забудьте! — сказал Арес. — Большие статуи с громадными острыми мечами и...

— Хватит! — оборвала его Афина. — Она уже все поняла. Встань, дочь моя, официальный архитектор Олимпа.

Аннабет поднялась и в недоумении направилась назад, ко мне.

— Ну, будет тебе где размахнуться, — сказал я, ухмыляясь.

На сей раз она не нашлась, что ответить.

— Мне... мне придется сразу начать проектирование. Нужны будут ватман... карандаши...

— Перси Джексон! — выкрикнул Посейдон мое имя, и оно эхом разнеслось по тронному залу.

Все разговоры смолкли. В комнате воцарилась тишина — только потрескивали поленья в очаге. Все глаза уставились на меня — богов, полубогов, циклопов, духов. Я вышел на середину зала. Гестия одобрительно мне улыбнулась. Теперь она снова превратилась в девочку и, казалось, была счастлива и довольна снова сидеть у огня. Ее улыбка воодушевила меня.

Сначала я поклонился Зевсу. Потом я встал на колени у ног моего отца.

— Поднимись, сын мой, — велел Посейдон.

Я встал, чувствуя себя неловко.

— Великий герой должен быть вознагражден, — объявил Посейдон. — Здесь есть кто-нибудь, кто станет отрицать заслуги моего сына?

Я ждал, что сейчас кто-нибудь выступит против. Боги всегда с чем-нибудь не соглашались, и многие из них, в общем-то, не любили меня, но я не услышал ни одного возражения.

— Совет не возражает, — сказал Зевс. — Перси Джексон, боги поднесут тебе любой дар, какой ты пожелаешь.

— Любой? — Я задумался.

Зевс мрачно кивнул.

— Я знаю, что ты попросишь. Самый большой из всех даров. Да, если ты захочешь, он будет твоим. Боги не осчастливливали этим даром ни одного смертного уже много веков, но если ты этого пожелаешь, Перси Джексон, то ты станешь богом. Бессмертным. Неумирающим. Ты будешь вечным полководцем своего отца.

Я уставился на него во все глаза.

— Я... богом?

Зевс возвел очи к небу.

— Ты явно будешь самым тупым богом. Но ответ — «да»! С согласия

всего совета я могу сделать тебя бессмертным. И тогда мне придется вечно терпеть тебя.

— Гм, — промычал Арес, — это означает, что я сколько угодно смогу размазывать его по стенке, а он будет восстанавливаться, чтобы я снова и снова имел такую возможность? Мне нравится эта идея.

— Я ее тоже одобряю, — сказала Афина, хотя и смотрела при этом на Аннабет.

Я оглянулся. Аннабет глядела мимо меня. Лицо у нее побледнело. Память вернула меня на два года назад, когда я думал, что она попросит Артемиду принять ее в ряды охотниц. Я тогда был на грани паники, считал, что потеряю ее. Теперь, казалось, с ней происходит то же самое.

Я вспомнил о трех парках, о том, как вся моя жизнь в один миг пронеслась перед моими глазами. Я мог избежать всего этого. Ни тебе старения, ни смерти, ни тела в могиле. Я мог бы навечно остаться тинейджером, вечно на пике формы, мощным и бессмертным слугой моего отца. Я мог обрести силу и вечную жизнь.

Кто бы отказался от такого предложения?

Я снова посмотрел на Аннабет. Я подумал о моих друзьях из лагеря — Чарльзе Бекендорфе, Майкле Ю, Силене Боргард, о многих других, которые теперь уже были мертвы. Подумал я и об Эфане Накамуре и о Луке.

И я понял, что нужно делать!

— Нет, — сказал я.

Совет погрузился в молчание. Боги хмуро поглядывали друг на друга, словно ослушались.

— Нет? — переспросил Зевс. — Ты отвергаешь наш щедрый дар?

В его голосе слышалась опасная дрожь, словно в преддверии грома.

— Я благодарю вас за великую честь и все такое, — сказал я. — Поймите меня правильно. Просто... У меня впереди большая жизнь. Я бы не хотел пресекать ее в самом начале.

Боги грозно смотрели на меня, но Аннабет закрыла рот ладонями. Глаза ее сияли. И это взбодрило меня.

— Но я хочу получить от вас другой дар, — продолжил я. — Обещаете исполнить мое желание?

Зевс задумался.

— Если это в нашей власти.

— В вашей. И это даже не составит для вас труда. Но мне нужно, чтобы вы поклялись рекой Стикс.

— Что? — воскликнул Дионис. — Ты нам не доверяешь?

— Кто-то как-то раз сказал мне, — тут я взглянул на Аида, — что клятва всегда должна быть торжественной.

— Было дело, — Аид пожал плечами.

— Ладно! — прорычал Зевс. — Именем совета мы клянемся рекой Стикс исполнить твоё разумное желание, если это в наших силах.

Остальные боги согласно закивали. Прогредел гром, сотрясая тронный зал. Договор был заключен.

— Я хочу, чтобы вы с этого момента должным образом признавали детей богов, — объявил я. — Всех детей... всех богов.

Олимпийцы неловко заерзали на своих тронах.

— Перси, чего конкретно ты хочешь? — спросил мой отец.

— Кронос никогда не смог бы восстать, если бы столько полубогов не чувствовали себя заброшенными, оставленными своими родителями, — сказал я. — Они злились, лелеяли месть, чувствовали себя нелюбимыми. И у них были на это все основания.

— Ты осмеливаешься обвинять... — Царские ноздри Зевса раздулись.

— Чтобы больше не было ничьих детей, — настаивал я. — Я хочу, чтобы вы признавали своих детей — всех своих детей-полубогов, — когда им будет исполняться тринадцать. Они не будут тогда предоставлены самим себе в этом мире, наполненном монстрами. Я хочу, чтобы вы признавали их и доставляли в лагерь, чтобы они могли учиться и выжить.

— Погоди-ка, — вмешался Аполлон, но меня уже понесло, я чувствовал, что настал мой час.

— И малые боги... Немезида, Геката, Морфей, Янус, Геба — все они заслуживают общего прощения, а их дети — места в Лагере полукровок. Об их детях нельзя забывать. Калипсо и другие мирные титаниды тоже должны быть прощены. И Аид...

— Ты что, называешь меня малым богом? — взревел Аид.

— Нет-нет, мой владыка, — поспешил исправиться я. — Но ты не должен забывать о своих детях. Пусть у них будет свой домик в лагере. Нико доказал, что у него есть на это право. Ни один невестребованный полубог не должен больше отправляться в битком набитый домик Гермеса, где они тщетно пытаются понять, кто же их родители. У них будут собственные домики — для всех богов. И чтобы не было больше никаких пактов Большой Тройки. Все равно от него не было никакого прока. Вы должны оставить попытки избавиться от сильных полубогов. Мы будем принимать их и воспитывать. Всем детям богов открыты двери в лагерь, и все они будут пользоваться уважением. Таково мое желание.

— Только и всего? — фыркнул Зевс.

— Перси, — покачал головой Посейдон, — ты просишь слишком много. Ты слишком много себе позволяешь.

— Вы мне только что дали обещание, — напомнил я. — Все вы.

Я чувствовал на себе ледяные взгляды богов. Как это ни странно, первой заговорила Афина.

— Мальчик прав. Мы поступали неблагоразумно, забывая о своих детях. Война показала, что это было нашей стратегической ошибкой и чуть не стало причиной нашего поражения. Перси Джексон, у меня были сомнения на твой счет, но, возможно, — она бросила взгляд на Аннабет, а потом продолжила говорить, — но так, будто с каждым произнесенным словом пережевывала лимон, — возможно, я ошибалась. Я голосую за принятие плана Перси Джексона.

— Ну и ну, — сказал Зевс. — Чтобы какой-то мальчишка говорил мне, что я должен делать. Но я полагаю...

— Мы все «за», — сказал Гермес.

Все боги подняли руки.

— Спасибо. — Я поклонился.

Я повернулся, собираясь уходить, но тут раздался голос Посейдона:

— Почетный караул!

И тут же циклопы построились в две колонны от тронов до дверей, образуя для меня проход. Они вытянулись по стойке «смирно».

— Слава тебе, Перси Джексон, — прокричал Тайсон, — герой Олимпа... и мой большой брат.

Глава двадцать первая

Пиратское похищение Пирата

Мы с Аннабет шли рука об руку, когда я вдруг заметил в уголке двора Гермеса. Он в брызгах фонтана рассматривал послание, пришедшее почтой Ириды.

Я скосил глаза на Аннабет.

— Подожди меня у лифта.

— Ты уверен? — спросила она. Потом, посмотрев на мое лицо, сказала: — Да, вижу, уверен.

Гермес, казалось, не заметил моего приближения. Изображения в струях фонтана сменялись так быстро, что я толком не успевал их разглядеть. Мелькали новостные сводки из мира смертных, сцены разрушений, произведенных Тифоном, руины, оставшиеся на Манхэттене после нашего сражения, президент, дающий пресс-конференцию, мэр Нью-Йорка, армейские автомобили на улицах Америки.

— Поразительно, — пробормотал Гермес. Он повернулся ко мне. — Три тысячи лет прошло, а мне так и не удалось свыкнуться с силой Тумана... и невежеством смертных.

— Да?.. Ну спасибо.

— Нет-нет, я не тебя имел в виду. Хотя, пожалуй, мне и следует удивиться, что ты отверг бессмертие.

— Это был правильный выбор.

Гермес с интересом посмотрел на меня, а потом снова вернулся к посланию.

— Ты только посмотри на них. Они уже решили, что Тифон был катастрофическим штормом. Кто бы возражал! Они пока не сообразили, каким образом все статуи в Нижнем Манхэттене исчезли со своих пьедесталов и оказались разбитыми в мелкие дребезги. Они все время показывают фотографию, на которой изваяние Сьюзен Энтони душил статую Фредерика Дугласа.^[20] Но я полагаю, они придумают какое-нибудь логическое объяснение и этому.

— Город сильно разрушен?

— Как это ни странно — не очень. Смертные, конечно, в ужасе. Но это же Нью-Йорк. Я никогда не видел людей с таким запасом жизненных сил. Думаю, через неделю они вернуться к нормальному образу жизни. И

конечно, не без моей помощи.

— Твоей?

— Я же бог глашатаев. Моя обязанность контролировать, что говорят смертные, и, если возникает необходимость, помогать им осмыслить случившееся. Я их утешу. Поверь мне, они спишут все это на катастрофическое землетрясение или вспышку на солнце. Что угодно — только не правда.

В голосе Гермеса слышалась горечь. Джордж и Марта обвивались вокруг его жезла, но помалкивали, отчего я решил, что Гермес пребывает в бешенстве. Наверно, лучше мне было держать язык за зубами, но я сказал:

— Я должен извиниться перед тобой.

— За что? — Гермес смерил меня подозрительным взглядом.

— Я думал, ты плохой отец, — признался я. — Я думал, ты оставил Луку, потому что знал его будущее и ничего не предпринимал, чтобы его предотвратить.

— Я и в самом деле знал его будущее, — с несчастным видом сказал Гермес.

— Но ты ведь знал больше — не только плохое, не только то, что он станет на стезю зла. Ты предвидел и то, что он совершит в конце. Ты знал: он сделает правильный выбор. Но не мог сказать ему об этом. Правда?

Гермес не мигая смотрел в фонтан.

— Никто не может вмешиваться в судьбу, Перси, даже бог. Если бы я предупредил его о будущем или попытался влиять на его выбор, то все было бы еще хуже. Молчать, держаться подальше от него... Это было самое трудное из того, что доставалось на мою долю.

— Ты должен был сделать так, чтобы он сам нашел путь и сыграл свою роль в спасении Олимпа.

Гермес вздохнул.

— Не нужно мне было злиться на Аннабет, когда Лука посетил ее в Сан-Франциско. Да, я знал, что ей придется сыграть важную роль в его судьбе. Я предвидел все это. Я думал, может, ей удастся сделать то, что не по силам мне, может, она спасет его. Когда она отказалась идти с ним, я едва сдерживал гнев. Глупо. На самом деле мне нужно было злиться на себя самого.

— Но Аннабет все же спасла его, — сказал я. — И Лука умер героем. Он принес себя в жертву, чтобы убить Кроноса.

— Я благодарю тебя за эти слова, Перси. Но Кронос жив. Убить титана невозможно.

— И это означает...

— Не знаю, — проворчал Гермес. — Никто из нас не знает. Превращен в прах. Развеян по ветру. Что ж, может, он размазан таким тонким слоем, что никогда больше не сможет обрести сознание. Я уж не говорю о теле. Но было бы ошибкой считать его мертвым, Перси.

В животе у меня от этих слов все будто перевернулось.

— А где другие титаны?

— Ударились в бега, — скривился Гермес. — Прометей прислал Зевсу письмо с кучей извинений за то, что поддерживал Кроноса. Он, мол, только пытался минимизировать ущерб и всякая такая чушь. Если ему хватит ума, то следующие несколько веков он будет сидеть тихонько и не высовываться. Криос бежал, а гора Отрис лежит в руинах. Когда стало ясно, что Кронос терпит поражение, Океан ушел на глубину. А вот мой сын Лука мертв. И умер он, думая, что я не любил его. Я себе никогда не прощу!

Гермес ударил своим жезлом в водяные брызги, и послания Ириды исчезли.

— Когда-то давно, — сказал я, — ты говорил мне, что самое трудное в положении бога — это неспособность помочь собственным детям. И еще ты говорил мне, что не можешь поставить крест на своей семье, как бы они ни подталкивали тебя к этому.

— Ну, теперь ты хочешь сказать, что я еще и лицемер?!

— Нет, ты был прав. Лука любил тебя. В конце концов он понял свою судьбу. Я думаю, он понял, почему ты был не в силах помочь ему. Он вспомнил то, что было важно.

— Слишком поздно для него и для меня.

— У тебя есть другие дети. Воздай должное Луке, признав их. Все боги могут сделать это.

— Они попытаются, Перси. — Плечи Гермеса безвольно повисли. — Нет, мы все попытаемся сдержать обещание. И может, на какое-то время ситуация улучшится. Но мы, боги, всегда плохо держим свои клятвы. Ведь и ты родился благодаря нарушенному обещанию, помнишь? Потом мы становимся забывчивыми. С нами это всегда происходит.

— Вы можете измениться.

Гермес рассмеялся.

— Ты думаешь, что спустя три тысячи лет боги могут изменить свою природу?

— Да. Думаю.

Казалось, Гермеса удивил мой ответ.

— Ты думаешь... Лука и в самом деле любил меня? После всего того,

что случилось?

— Я в этом уверен.

Гермес уставился в фонтан.

— Я дам тебе список моих детей. У меня есть мальчик в Висконсине. Две девочки в Лос-Анджелесе. И другие. Ты постарайся доставить их в лагерь?

— Обещаю, — сказал я. — И я не забуду.

Джордж и Марта зашевелились на жезле. Я знаю, змеи не умеют улыбаться, но мне казалось, они пытаются.

— Перси Джексон, — проговорил Гермес, — возможно, ты преподавал нам кое-какой урок.

На пути с Олимпа нас поджидал еще один бог. Посреди дороги стояла Афина, скрестив на груди руки. На лице у нее было такое выражение, что мне как-то сразу поплохело. Она переоделась — джинсы и белая блуза сменили доспехи, — но от этого богиня не казалась менее воинственной. Ее серые глаза сверкали.

— Так, значит, Перси, ты останешься смертным, — констатировала она.

— Да, моя госпожа.

— Я бы хотела узнать, почему ты принял такое решение.

— Я хочу быть обычным человеком. Я хочу вырасти. Как все, закончить школу.

— А моя дочь?

— Я не мог оставить ее, — признался я сквозь комок в горле. — И Гроувера, — быстро добавил я. — И...

— Пощади мои уши. — Афина подошла ко мне вплотную, и я ощутил исходящую от нее ауру силы, от которой у меня мурашки побежали по коже. — Как-то раз я говорила тебе, Перси Джексон, что ты ради спасения друга готов уничтожить весь мир. Возможно, я ошибалась. Похоже, ты спас и мир, и своих друзей. Но ты теперь должен тщательно взвешивать каждый свой шаг. Я дала тебе благодать сомнения. Смотри — не напортачь!

И, словно в подтверждение того, что шутить со мной она не намерена, Афина тут же обратилась в столб пламени и унеслась прочь, опалив мою рубашку.

Аннабет ждала меня у лифта.

— Что это от тебя дымом пахнет?

— Это долгая история, — ответил я.

Мы вместе с ней спустились на первый этаж. Никто из нас не произнес ни слова. Фоновая музыка была просто ужасной — Нил Даймонд или какое-то подобное старье. Нужно было мне и это попросить у богов: чтобы в лифтах играла хорошая музыка.

Мы вышли в холл, и я увидел там маму и Пола — они препирались с лысым охранником, вернувшимся на свое место.

— Я вам говорю, — кричала мама, — мы должны подняться туда! Мой сын... — Тут она увидела меня, и глаза у нее расширились. — Перси!

Она с такой силой обняла меня, что я чуть не задохнулся.

— Мы видели, что над зданием появился синий свет, — бормотала она. — Но ты все не спускался и не спускался. А наверх ты поднялся сто лет назад!

— Она начала немного нервничать, — сухо заметил Пол.

— Со мной ничего не случилось, — сказал я, а мама в это время обнимала Аннабет. — Теперь все хорошо.

— Мистер Блофис, — улыбнулась Аннабет, — вы так классно поработали мечом!

Пол пожал плечами.

— Мне показалось, что именно это от меня в тот момент и требуется. Но, Перси, неужели это правда... я имею в виду эту историю про шестисотый этаж?

— Олимп? Да, правда.

Пол с мечтательным выражением поднял голову к потолку.

— Я бы хотел это увидеть.

— Пол, — заворчала мама, — ты же знаешь, это не для смертных. И вообще, самое главное, что мы живы. Все мы.

Я уже собирался расслабиться. Все, казалось, складывается идеально. Мы с Аннабет живы. С мамой и Полом ничего не случилось. Олимп спасен.

Но жизнь полубога никогда не бывает легкой. В этот момент в холл с улицы вбежал Нико, и, судя по его лицу, я сразу понял, что случилось что-то неприятное.

— Рейчел! Я только что столкнулся с ней на Тридцать второй улице.

Аннабет нахмурилась.

— Что она натворила на сей раз?

— Все дело в том, куда она отправилась, — помотал головой Нико. — Я ее предупредил, что если она попытается, то умрет, но она упрямая. Она взяла Пирата и...

— Она взяла моего пегаса? — спросил я.

Нико кивнул.

— Она направилась на Холм полукровок. Сказала, ей нужно попасть в лагерь.

Глава двадцать вторая

Меня оставили в дураках

Никто не имеет права похищать моего пегаса! Даже Рейчел. Я не мог сказать, какие чувства сильнее кипят во мне: злость, удивление, тревога.

— И что у нее было в голове? — спрашивала на бегу Аннабет.

К сожалению, я догадывался, что у нее было в голове, и от этого мороз пробежал у меня по коже.

На улицах творилось жуткое столпотворение. Все с разинутыми ртами глазели на последствия военных действий. В каждом квартале ревели полицейские сирены. Поймать такси не было ни малейшей возможности, а все пегасы улетели. Меня бы устроил кто-нибудь из «Лошадей для вечеринок», но они исчезли вместе со всеми запасами шипучки. Поэтому мы бежали, протискиваясь сквозь толпу недоумевающих смертных, запрудивших улицы.

— Она никогда не пройдет через защиты, — сказала Аннабет. — Ее сожрет Пелей.

Об этом я как-то не подумал. Туман не обманет Рейчел, как он обманывает большинство людей. Она без проблем найдет лагерь, но я надеялся, что его волшебные границы, словно некое силовое поле, не пропустят ее внутрь. Но мне как-то не приходило в голову, что на нее может напасть Пелей.

— Мы должны поторопиться. — Я посмотрел на Нико. — А каких-нибудь лошадей-скелетов ты не можешь вызвать?

Он вздохнул на бегу.

— Я так устал... и собачью косточку не смог бы вызвать.

Наконец мы выбрались на берег, и я громко свистнул. Мне не хотелось это делать. Хотя я и дал Ист-риверу песчаный доллар для волшебной очистки, вода здесь была ужасно грязная. Жаль, если кто-нибудь из морских зверей заболит — ведь они откликнулись на мой зов.

В серой воде появились три кильватерные линии, и на поверхность всплыла стайка морских коней. Они жалобно ржали, отряхивая речной мусор со своих грив. Они были прекрасны — многоцветные рыбы хвосты, а головы и передние ноги — как у белых жеребцов. Морской конь во главе стаи был крупнее остальных — вполне мог прокатить и циклопа.

— Радуга! — окликнул я его. — Как поживаешь, приятель?

Он недовольно заржал.

— Да, извини, — сказал я, — но тут срочный случай. Нам нужно попасть в лагерь.

Конь фыркнул.

— Тайсон? — переспросил я. — С Тайсоном все в порядке. К сожалению, здесь его нет. Он теперь большой начальник в армии циклопов.

— И-и-и-а-а-а!

— Он наверняка принесет вам яблок. А теперь — подвезите нас поскорей...

И вот Аннабет, Нико и я понеслись по Ист-ривер быстрее любого катера. Мы проскочили под мостом Трогс-Нек и направились в сторону Лонг-Айлендского пролива.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мы увидели лагерь. Мы поблагодарили морских коней и вышли на берег, где нас встретил Аргус. Он стоял на песке, скрестив руки, все его сто глаз взирали на нас.

— Она здесь? — спросил я.

Он мрачно кивнул.

— Все в порядке? — спросила Аннабет.

Аргус помотал головой.

Мы пошли следом за ним. Трудно было поверить, что мы снова в лагере, — все вокруг казалось таким спокойным: ни тебе горящих зданий, ни раненых бойцов. Яркое солнце освещало домики, на полях посверкивала роса. Вот только лагерь был почти пуст.

У Большого дома явно что-то происходило. Из его окон лился зеленый свет — точно так, как в моем сне про Мей Кастеллан. На дворе клубился Туман — не обычный, а магический. У волейбольной площадки на носилках лошадиного размера лежал Хирон, вокруг него стояла стайка сатиров. Пират нервным галопом скакал туда-сюда по траве.

«Я тут ни при чем, босс! — виноватым голосом сказал он, увидев меня. — Эта чудная девчонка меня заставила».

На нижней ступеньке крыльца стояла Рейчел Элизабет Дэр. Руки у нее были подняты, словно она ждала, что кто-то из дома бросит ей мяч.

— Что она делает? — спросила Аннабет. — Как она пробралась через защиты?

— Перелетела, — объяснил один из сатиров, сердито глядя на Пирата. — И мимо дракона, и над волшебными границами.

— Рейчел! — позвал я, но когда я хотел подойти к ней поближе, сатиры остановили меня.

— Перси, не делай этого, — вмешался Хирон. Он попытался шевельнуться и поморщился. Его левая рука была в гипсе, голова забинтована. — Ей нельзя мешать.

— Я думал, ты ей объяснил, что к чему!

— Я и объяснил. И я пригласил ее сюда.

Я недоуменно смотрел на него.

— Ты говорил, что больше никому не позволишь попробовать еще раз! Ты говорил...

— Я знаю, что я говорил, Перси. Но я ошибался. Рейчел было видение о проклятии Аида. Она считает, что теперь это проклятие может быть снято. Она убедила меня предоставить ей шанс.

— А если проклятие не будет снято? Если Аид еще не достаточно очистился? Она ведь тогда с ума сойдет!

Вокруг Рейчел вихрился туман. Ее трясло как в припадке.

— Эй! — закричал я. — Остановись!

Я побежал к ней, не обращая внимания на сатиров, но когда до нее оставалось метра три, я ударился во что-то — словно в невидимую преграду. Меня отбросило назад, и я упал на траву.

Рейчел открыла глаза и повернулась. Она была словно лунатик, то есть она видела меня, но как бы во сне.

— Все хорошо. — Голос Рейчел доносился откуда-то издалека. — Поэтому я и здесь.

— Ты погибнешь!

Она покачала головой.

— Мое место здесь, Перси. Наконец-то я поняла почему.

Она несла что-то в духе Мей Кастеллан. Я должен был остановить ее, но я даже на ноги подняться не мог.

Из дома донесся рокот. Двери распахнулись, и наружу вырвался зеленый свет. Я узнал теплый, плесневелый змеиный запах.

Туман распался на сотни дымчатых змей, которые поползли по колоннам крыльца, вокруг дома. Потом в дверях появился оракул.

Высохшая мумия в цветастом платье двигалась к нам. Вид у нее был, мягко говоря, еще хуже, чем обычно. Волосы клочьями выпадали из головы. Высохшая кожа растрескалась, как старое сиденье в автобусе. Ее остекленевшие глаза смотрели пустым взглядом, словно ничего не видя, но меня вдруг бросило в дрожь, потому что я понял; она направляется прямо к Рейчел.

Рейчел распростерла руки. Я не видел в ней и капли испуга.

— Ты заждалась, — сказала Рейчел. — Но теперь я здесь.

Солнце засветило еще ярче. Над крыльцом появился какой-то тип — он плыл по воздуху, светловолосый, в белой тоге, противосолнечных очках, на губах самоуверенная ухмылка.

— Аполлон, — узнал я.

Он подмигнул мне и прижал палец к губам.

— Рейчел Элизабет Дэр, — торжественно проговорил он. — Ты наделена даром пророчества. Правда, это не только дар, но и проклятие. Ты уверена, что хочешь этого?

Рейчел кивнула.

— Это моя судьба.

— И ты принимаешь все риски?

— Принимаю.

— Тогда продолжай, — сказал бог.

— Я принимаю на себя эту роль. — Рейчел закрыла глаза. — Я посвящаю себя Аполлону, богу оракулов. Я открываю глаза будущему и проникаю в прошлое. Я принимаю роль духа Дельф, голоса богов, хранителя загадок, наблюдателя судьбы.

Я понятия не имел, откуда она взяла эти слова, но она произносила их, а Туман вокруг нее сгущался. Из рта мумии появился зеленый столб дыма и, извиваясь кольцами, как питон, пополз вниз по ступеням крыльца, а потом нежно обвился вокруг ног Рейчел. Мумия оракула рухнула на ступени и распалась на части — от нее осталась только горстка праха в истрепанном пестром платье. Вокруг Рейчел образовался столб Тумана.

На несколько мгновений я вообще потерял ее из вида. Потом дым рассеялся. Рейчел упала и свернулась в позу эмбриона. Аннабет, Нико и я бросились к ней, но Аполлон скомандовал:

— Стойте! Это самая опасная часть.

— Что происходит? — напирал я. — Что ты хочешь этим сказать?

Аполлон озабоченно посмотрел на Рейчел.

— Дух либо укоренится в ней, либо нет.

— А если нет? — спросила Аннабет.

— Три слова, — сказал Аполлон, загибая пальцы. — Будет очень плохо.

Несмотря на предупреждение Аполлона, я шагнул вперед и опустился на колени рядом с Рейчел. Запах чердака исчез. Туман ушел в землю, зеленый свет поблек. Но Рейчел все еще оставалась бледной. Она едва дышала.

Потом веки ее вспорхнули. С трудом она сфокусировала взгляд на мне.

— Перси.

— Как ты?
Рейчел попыталась сесть.
— Ой! — Она прижала руки к вискам.
— Рейчел, твоя жизненная аура почти полностью поблекла. Я видел, как ты умираешь, — с тревогой сказал Нико.
— Нет-нет, — пробормотала она. — Пожалуйста, помогите мне. Видения — от них голова немного идет кругом.
— Ты уверена, что с тобой ничего не случилось? — спросил я.
С крыльца спустился Аполлон.
— Леди и джентльмены, позвольте представить вам нового дельфийского оракула.
— Ты шутишь, — изумилась Аннабет.
Рейчел сумела улыбнуться.
— Для меня это тоже немного удивительно, но такова моя судьба. Я увидела ее, когда была в Нью-Йорке. Я знаю, почему я родилась с истинным видением. Мне с рождения было предназначено стать оракулом.
— Ты хочешь сказать, что теперь тебе известно будущее? — оторопел я.
— Не всегда. Но у меня в голове есть видения, образы, слова. Если кто-то задает мне вопрос, то я... о, нет...
— Оно начинается, — провозгласил Аполлон.
Рейчел согнулась пополам, словно ее кто-то ударил. Потом она встала, выпрямилась, и ее глаза засветились зеленым змеиным светом.
Она заговорила многоголосьем, словно одновременно говорили три Рейчел, а не одна:

На зов ответят семь полукровок,
В огне и буре мир гибнет снова.
Клятву сдержи на краю могилы,
К Вратам смерти идут вражьи силы.

С последним словом Рейчел упала без сил. Мы с Нико подхватили ее и помогли подняться на крыльцо.
— Со мной все в порядке, — сказала она своим обычным голосом.
— Что это было?
— Что значит «что»? — Рейчел недоуменно потрясла головой.
— Я думаю, — пояснил Аполлон, — мы только что слышали следующее великое пророчество.

— Что оно значит? — не отступал я.

Рейчел нахмурилась.

— Я даже не помню, что я говорила.

— Ну... — размышляя вслух, сказал Аполлон. — Дух будет говорить ее устами только время от времени. В остальном Рейчел будет такая же, как и всегда. Не имеет никакого смысла изводить ее вопросами, даже если она только что произнесла великое предсказание, касающееся судеб мира.

— Что?! — взвился я. — Но...

— Перси, — ухмыльнулся Аполлон. — Я бы на твоём месте так не дергался. Чтобы сбылось последнее великое пророчество, касающееся тебя, потребовалось почти семьдесят лет. А это может и не сбыться на протяжении всей твоей жизни.

Я взвесил слова, произнесенные Рейчел голосом, от которого мурашки по коже, — о буре, огне и Вратах смерти.

— Может быть, — сказал я. — Но уж больно это зловеще прозвучало.

— Вовсе нет, — весело заявил Аполлон. — Определенно нет. Она будет замечательным оракулом!

Трудно было закрыть эту тему, но Аполлон сказал, что Рейчел непременно должна отдохнуть — она и в самом деле была сама не своя.

— Извини, Перси. — Рейчел взяла меня за руку. — Там, на Олимпе, я тебе всего не объяснила, но этот зов напугал меня. Я думала, ты не поймешь.

— Все еще не понимаю, — признался я. — Но, пожалуй, я рад за тебя. Рейчел улыбнулась.

— «Рад» — может быть, не совсем подходящее слово. Видеть будущее — нелегкая судьба, но это судьба. Я только надеюсь, что моя семья...

Она не закончила свою мысль.

— И ты по-прежнему собираешься в академию в Кларионе? — спросил я.

— Я обещала отцу. Наверно, я в течение школьного года буду нормальным человеком, а потом...

— Но пока тебе нужно выспаться, — брюзгливо сказал Аполлон. — Хирон, я не думаю, что чердак — подходящее место для нашего нового оракула. Как ты считаешь?

— Безусловно. — Теперь, когда Аполлон произвел над ним какие-то магические лечебные действия, Хирон выглядел гораздо лучше. — Пока Рейчел может занять гостевую комнату в Большом доме, а там мы что-нибудь придумаем.

— Я подумываю о какой-нибудь пещере в холме, — принялся размышлять вслух Аполлон. — С факелами и большим пурпурным занавесом над входом... чтобы было по-настоящему таинственно. Но внутри что-нибудь шикарное — с комнатой для игр и домашним кинотеатром.

Хирон громко откашлялся.

— Что такое? — спросил Аполлон.

Рейчел поцеловала меня в щеку.

— Пока, Перси, — прошептала она. — И мне не обязательно видеть будущее, чтобы сказать тебе, что ты должен делать сейчас.

Ее глаза казались еще более пронзительными, чем обычно.

— Не обязательно. — Я зарделся.

— Отлично, — сказала она и зашагала за Аполлоном в Большой дом.

Остальная часть дня была не менее странной, чем его начало. Ребята приезжали в лагерь из Нью-Йорка на такси, на пегасах и колесницах. Раненых лечили, мертвым воздавали почести у лагерного костра.

Саван Силены был ярко-розовым, украшенным электрическими блестками. Домики Ареса и Афродиты провозгласили ее героем и вместе подожгли саван. Никто не произносил слова «шпион». Ее тайна сгорела дотла, ушла в небеса вместе с дымом, пахнущим дорогими духами.

Даже Эфан Накамура удостоился савана — из черного шелка с эмблемой в виде мечей, скрещенных под набором гирь. Когда его саван занялся пламенем, я подумал, что Эфан в конце концов изменился к лучшему. Он заплатил гораздо большую цену, чем глаз, но все же малые боги получают должное уважение.

Обед в павильоне прошел в минорном настроении. Если и был какой-то шум, так это крик Можжевельки, древесной нимфы. Она завопила: «Гроувер», обняла своего дружка и сделала ему подножку — тут все немного повеселели. Они отправились к берегу — прогуляться при лунном свете, и я был рад за них, хотя эта сцена напомнила мне о Силене с Бекендорфом, и я загрустил.

Миссис О'Лири скакала туда-сюда, попрошайничала и получала объедки. Нико сидел за главным столом с Хироном и мистером Д., и никто, похоже, не считал это неуместным. Все похлопывали Нико по спине, поздравляли его, хвалили за отпор, что он дал Кроносу. Даже ребята Ареса вроде думали, что он молодец. А что — приходи с армией живых мертвецов, чтобы спасти отчаянную ситуацию, и ты сразу станешь для всех лучшим другом.

Постепенно число обедающих уменьшалось. Кто-то отправился к костру, чтобы попеть хором. Другие пошли спать. Я один сидел за столом Посейдона и смотрел, как лунный свет проливается серебром на Лонг-Айлендский пролив. Я видел Гроувера и Можжевельку на берегу, они держались за руки и разговаривали. Атмосфера была спокойной и мирной.

— Эй, — Аннабет пододвинулась ко мне на скамейке, — с днем рождения.

Она держала в руках огромный бесформенный кекс с синей глазурью.

— Что? — удивился я.

— Сегодня восемнадцатое августа, — сказала Аннабет. — Твой день рождения. Разве нет?

Я сидел, будто пыльным мешком ударенный. Я и забыл об этом, а она вот напомнила. Сегодня утром мне исполнилось шестнадцать, и в это же утро я сделал выбор: дал нож Луке. Пророчество сбылось точно по расписанию, а мне даже и в голову не пришло, что случилось это в мой день рождения.

— Загадай желание, — сказала Аннабет.

— Ты сама это пекла? — спросил я.

— Тайсон помогал.

— Вот почему он похож на шоколадный кирпич, — сказал я. — Облитый синим цементом.

Аннабет рассмеялась.

Я подумал секунду, а потом задул свечу.

Мы разрезали кекс пополам и принялись есть, отламывая по кусочку. Аннабет сидела рядом со мной, и мы смотрели на океан. В лесу верещали кузнечики и перекликались чудовища, но в остальном все было тихо.

— Ты спас мир, — сказала она.

— Мы спасли мир.

— А Рейчел стала новым оракулом, и это означает, что у нее не будет парня.

— Тебя это не очень удручает, — заметил я.

Аннабет пожала плечами.

— Мне все равно.

— Угу.

Она подняла бровь.

— Ты мне хочешь что-то сказать, Рыбьи Мозги?

— Боюсь, что ты мне тогда дашь пинка под зад.

— Я тебе так или иначе дам пинка под зад.

Я стряхнул крошки с рук.

— Когда я окунулся в реку Стикс, чтобы сделаться неуязвимым... Нико сказал, что я должен сосредоточиться на чем-то одном, что связывало бы меня с миром, что вызывало бы у меня желание остаться смертным.

— Ну и? — Аннабет не сводила взгляда с горизонта.

— А потом на Олимпе, — продолжал я, — когда они предлагали сделать меня богом и всякое такое, я все время думал...

— Тебе так хотелось стать бессмертным?

— Ну, может, немного. Но я отказался, потому что я подумал — ну что за радость, если целую вечность все будет оставаться без изменений. Ведь в нашей жизни возможны изменения к лучшему. И еще я думал... — В горле у меня совсем пересохло.

— О ком-то конкретно? — спросила Аннабет вкрадчивым голосом. Она едва сдерживала улыбку.

— Ты издеваешься надо мной? — жалобно спросил я.

— Вовсе нет!

— Ты специально делаешь так, чтобы мне было трудно?

Тут она рассмеялась по-настоящему и обхватила меня руками за шею.

— Ну, вот чего я тебе никогда-никогда не обещаю, так это легкой жизни, Рыбы Мозги. Привыкай.

Когда она меня поцеловала, у меня было такое чувство, будто содержимое моей головы расплавляется и проваливается куда-то в бездну.

Я готов был оставаться в этом состоянии вечно, но только голос у нас за спиной прорычал:

— Ну, хватит уже!

Внезапно павильон наполнился факелами. Шайку шпионов возглавляла Кларисса. Они ворвались в столовую и подняли нас обоих на плечи.

— Да прекратите вы! — взмолился я. — Должно же быть у человека право на личную жизнь!

— Голубкам пора остыть, — весело объявила Кларисса.

— На озеро! — прокричал Коннор Стоулл.

Громко вопя, они понесли нас вниз по холму, но так, что мы оставались близко друг от друга и могли держаться за руки. Аннабет смеялась, да и я не мог сдержать смеха, хотя лицо у меня наверняка сделалось красное, как помидор.

Мы держались за руки до того момента, пока они не кинули нас в воду.

Хорошо смеется тот, кто смеется последним. На дне озера я сотворил водный пузырь. Наши друзья ждали, когда мы всплывем, но если ты сын Посейдона, то тебе вовсе не обязательно торопиться на поверхность, уж

можете мне поверить.

Это был самый классный подводный поцелуй всех времен и народов.

Глава двадцать третья

Мы вроде бы прощаемся

Лагерь тем летом работал дольше обычного — еще две недели, до самого начала школьного года. И я должен признать, это были лучшие две недели моей жизни.

Аннабет, конечно, убила бы меня, скажи я что-нибудь иное, но происходило и еще много чего интересного. Гроувер, став старшим над сатирами-разведчиками, отправлял их по всему миру на поиски невестребованных полукровок. Боги пока держали свое обещание. Повсюду отыскивались новые полубоги — и не только в Америке, но и в других странах.

— Мы едва справляемся, — сказал как-то мне Гроувер, когда мы с ним вышли передохнуть на бережок озера. — Нам срочно нужно увеличить командировочный бюджет, и тогда я смог бы привлечь еще сотню сатиров.

— Ну, твои действующие сатиры работают не покладая рук, — сказал я. — Они, по-моему, боятся тебя.

Гроувер покраснел.

— Это глупо. Чего меня бояться?

— Ты же владыка чащи, братишка. Избранник Пана. Член совета...

— Прекрати! — взъерепенился Гроувер. — Ты ничуть не лучше Можжевелки. Я думаю, она захочет, чтобы я на следующих выборах баллотировался в президенты.

Мы сидели, глядя, как на другой стороне озера строятся новые домики, а Гроувер при этом пожевывал консервную банку. Буква U скоро должна была превратиться в прямоугольник, и полубоги действительно с жаром взялись за новое дело.

Нико вызвал несколько живых мертвецов, и они работали над домиком Аида. Хотя других, кроме Нико, обитателей этого домика пока не предполагалось, сооружение получалось классное — стены из цельных обсидиановых плит, над дверью череп, факелы, круглые сутки горящие зеленым пламенем. Рядом стояли домики Ириды, Немезиды, Гекаты и еще кого-то — я пока не успел разобраться. Каждый день на чертежах появлялись новые здания. Дела шли так хорошо, что Аннабет и Хирон уже обсуждали планы постройки совсем нового крыла домиков, чтобы хватило места всем.

Домик Гермеса теперь был не такой многолюдный, как прежде, потому что многие невестребованные ребята получили признание своих божественных родителей. Это происходило почти каждый вечер, и каждый вечер новые полубоги, ведомые сатирами, перебирались через границы участка. Обычно их преследовали какие-нибудь жуткие монстры, но почти все ребята благополучно добрались до места.

— Следующим летом все будет совсем по-другому, — сказал я. — Хирон предполагает, что ребят будет в два раза больше.

— Да, — согласился Гроувер. — Но место все равно останется наше. Старое.

Он довольно вздохнул.

Я увидел Тайсона — он возглавлял бригаду циклопов-строителей. Они теперь устанавливали на место огромные каменные блоки в домике Гекаты, и я прекрасно знал, какая это тонкая работа. На каждом камне были магические письмена, и урони циклопы хоть один блок, тот либо взорвался бы, либо превратил все в радиусе полумили в деревья. Я подумал, что это не понравилось бы никому, кроме Гроувера.

— Я часто буду в разъездах, — предупредил меня Гроувер. — Защита природы и поиски полукровок. Мы, наверно, будем реже видеться.

— Это мало что изменит. Ты по-прежнему мой лучший друг.

— После Аннабет, — ухмыльнулся он.

— Это другое.

— Да, — согласился Гроувер. — Конечно.

Ближе к вечеру я вышел напоследок прогуляться вдоль бережка, и тут вдруг раздался знакомый голос:

— Хороший денек для рыбалки.

В волнах прибоя по колено в воде стоял мой отец Посейдон в своих любимых шортах, потрепанной шапочке и тонюсенькой розово-зеленой легкой рубашке. В руках он держал удочку для глубоководной рыбалки, и когда он забросил приманку — грузило полетело чуть не на середину Лонг-Айлендского пролива.

— Привет, папа, — сказал я. — Ты чего пришел?

Он подмигнул.

— На Олимпе нам так и не удалось потолковать с глазу на глаз. Я хотел тебя поблагодарить.

— Меня? Это ты спас положение.

— Да. И тем временем они уничтожили мой дворец. Но знаешь, ведь дворец можно построить заново. Я получил столько благодарственных

открыток от других богов. Даже Арес прислал, хотя, думаю, это Гера его заставила. Но все равно это приятно. Поэтому я хочу тебя поблагодарить. Я так думаю, что даже боги могут учиться всяким новым вещам.

Пролив вдруг начал закипать. На конце отцовской лески из воды появился громадный зеленый морской змей. Он бил хвостом и сопротивлялся, но Посейдон только вздохнул. Держа удочку одной рукой, другой он вытащил ножик и перерезал леску. Монстр ушел на глубину.

— Не годится для обеда, — посетовал он. — Маленьких приходится отпускать — иначе охотинспекторы жизни не дадут.

— Маленьких?

Он ухмыльнулся.

— Да, кстати, у вас быстро идет стройка новых домиков. И я думаю, это означает, что я могу признать всех моих других сыновей и дочерей и следующим летом прислать тебе новых родственников.

— Ха-ха.

Посейдон намотал на спиннинг остаток лески.

Я переступил с ноги на ногу.

— Ты ведь шутишь?

Посейдон заговорщицки мне подмигнул, и я так и не понял, серьезно он это сказал или нет.

— Скоро увидимся, Перси. И помни: всегда нужно знать, достаточно ли подросла рыбка, пора ее выуживать или нет.

С этими словами он растворился в морском ветерке, только удочка осталась лежать на берегу.

Тот вечер был последним в лагере — церемония вручения бусин за прошедшее лето. В этом году эскиз бусины делали в домике Гефеста. На ней был изображен Эмпайр-стейт-билдинг и крохотными греческими буквами, обвивавшими изображение, были вытравлены имена всех героев, которые погибли, защищая Олимп. Имен оказалось слишком много. Я надел ее на свой шнурок — теперь на нем были четыре бусины. Я ощущал себя старожилом. Я вспомнил первый свой костер. Тогда мне было двенадцать и я себя чувствовал совсем как дома. По крайней мере, это не изменилось.

— Никогда не забывайте это лето! — сказал нам Хирон. Он поразительно быстро поправился, но, галопируя перед костром, все еще прихрамывал. — Этим летом мы открыли в себе мужество, жертвенность и смелость. Мы не уронили честь лагеря.

Он улыбнулся мне, и все одобрительно зашумели. Я посмотрел на

костер и увидел в нем маленькую девочку в коричневом платье — она заботливо лелеяла языки пламени, не давала им погаснуть. Посмотрев в мою сторону, она подмигнула мне красным сияющим глазом. Никто больше, казалось, не заметил ее, но я подумал, что, наверно, так и нужно.

— А теперь, — сказал Хирон, — ранний отбой! Завтра к полудню вы должны освободить ваши домики, если вы заранее не договорились о том, что останетесь с нами на весь год. Все незаконно оставшиеся будут съедены гарпиями-уборщицами, а мне бы не хотелось заканчивать лето на такой печальной ноте!

Следующим утром мы с Аннабет стояли на вершине Холма полукровок. Мы смотрели, как отъезжают автобусы и фургоны, увозя ребят назад в реальный мир. Несколько старожилов должны были остаться, а с ними и несколько новичков, но я направлялся в свою школу на второй год обучения — впервые в жизни я два года подряд учился в одной школе.

— Ну, пока. — Рейчел помахала нам рукой, закинув на плечо сумку.

Она переживала, но собиралась сдержать обещание, данное отцу, — отправиться в академию в Кларионе в Нью-Гемпшире. Раньше следующего лета ждать нашего оракула в лагере не приходилось.

— Все у тебя будет здорово, — сказала Аннабет, обнимая Рейчел.

Забавно, но в последнее время они с Рейчел подружились.

— Надеюсь, ты права. — Рейчел прикусила губу. — Но я немного беспокоюсь. Что, если кто-нибудь спросит, какие задания будут в следующей контрольной по математике, и я вдруг в разгар занятий по геометрии начну изрекать пророчества? Пифагоровы штаны во все стороны равны... Да не допустят этого боги!

Аннабет рассмеялась, и, к моему облегчению, на лице Рейчел появилась улыбка.

— Ну, — сказала она, — вы смотрите не ссорьтесь.

Пойми этих девчонок — она посмотрела на меня так, словно я был какой-то возмутитель спокойствия. Прежде чем я успел возразить, Рейчел пожелала нам удачи и припустила вниз по холму к автобусу.

Аннабет, слава богам, оставалась в Нью-Йорке. Родители разрешили ей поступить в школу-интернат в городе, и она, таким образом, могла провести зиму рядом с Олимпом и осуществлять архитектурный надзор за строительством.

— И рядом со мной? — спросил я.

— У некоторых такое самомнение. — Она повела плечом, но сплела свои пальцы с моими.

Я вспомнил, как она говорила мне в Нью-Йорке о желании построить что-то постоянное, и подумал, что, возможно, мы положили неплохое начало этому.

Сторожевой дракон Пелей обвился вокруг дерева под золотым руном и начал похрапывать. С каждым выдохом из его ноздрей вырывались струи пара.

— Ты думала о пророчестве Рейчел? — спросил я у Аннабет.

Она нахмурилась.

— Как ты догадался?

— Я же знаю тебя.

— Ну да, думала. «На зов ответят семь полукровок». Интересно, кто это будет. На следующее лето здесь появится столько новых лиц.

— Да, — согласился я. — И вся эта дребедень о том, что мир гибнет в огне и буре.

— И еще враг у Врат смерти. — Аннабет поморщилась. — Не знаю, Перси, не нравится мне это. Я думала... думала, что для разнообразия у нас хоть недолго побудет мир.

— Ну, какой может быть мир в Лагере полукровок, — сказал я.

— Пожалуй, ты прав... а может, это пророчество не сбудется еще много лет.

— Может, эта проблема для другого поколения полубогов, — согласился я. — Тогда мы можем расслабиться и получать удовольствие от жизни.

Аннабет кивнула, хотя было видно, что ей все еще не по себе. Я ее не виню, но не хотелось расстраиваться в такой хороший день, когда она стоит рядом со мной и я знаю, что на самом деле прощаюсь с ней ненадолго. У нас впереди была куча времени.

— Давай наперегонки до дороги, — сказал я.

— Ох, проиграешь!

Она бросилась вниз по склону Холма полукровок, а я помчался за ней. Хоть раз в жизни я мог не оглядываться.

Примечания

1

Популярная игрушка и персонаж мультфильма — хорошенький пони с расчесанной гривой.

Перси имеет в виду информационные щиты с планами города, района, магазина. Местонахождение такого щита обозначается на плане кружочком с надписью «Ты (находишься) здесь».

3

Этот сыр — популярная закуска, пришедшая из Мексики.

Тезербол — игра в мяч для двоих: мяч привязан к шесту, и противники бьют по мячу, пытаясь намотать на шест веревку, которой привязан мяч, каждый в свою сторону — один по часовой стрелке, другой — против. Побеждает тот, кто закрутит веревку до предела.

Перси вспомнил одну из книг, посвященную американским покорителям Запада. «Домик в прериях» (1935) принадлежит перу писательницы Лауры Уайлдер.

«Conde Nast Traveler» — американский журнал для путешественников. Издание принято называть библией для туристов.

Сент-Луис знаменит своей громадной Аркой на берегу Миссури. Арка стала символом города.

На щите, называемом Эгида, изображалась наводящая ужас голова горгоны Медузы.

Мойры (или парки) — три богини в античной мифологии, предопределяющие ход развития человеческой жизни.

Сетевой магазин.

ФДР-драйв — шоссейная дорога в Восточном Манхэттене вдоль парка.

Аэропорт, названный в честь одного из мэров Нью-Йорка.

Несомненно (*ut.*).

Слабоумный (*ит.*).

В Центральном парке много любопытного; здесь речь идет о детской площадке, построенной на средства миллионера Августа Хекшера, и огромном естественном камне, названном так потому, что когда-то он служил прибежищем для многочисленных стай крыс.

На День благодарения в воздух запускают всевозможные воздушные шары, имеющие форму самых разных сказочных животных.

Отправляйся в ад! (греч.).

Черт побери! (*зреч.*).

Известная мебельная фирма, производит мебель для отдыха.

Американские борцы за права женщин и чернокожих в XIX веке. В 1869 г. между ними возникли разногласия — Дуглас был готов к компромиссам, требуя права голоса только для чернокожих мужчин, тогда как Энтони утверждала, что равными правами должны пользоваться все.